

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 40

Сборник научных статей,
посвященных памяти
Ю.А. Сорокина

МАКС ПРЕСС
Москва
2010

УДК 81
ББК 81
Я410

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред.
Я410 Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс,
2010. – Вып. 40. – 156 с.

ISBN 978-5-317-03524-2

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 –
в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 –
в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 –
в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г.,
выпуски 29, 30, 31 – в 2005 г., выпуски 32, 33 – в 2006 г., выпуски 34,
35 – в 2007 г., выпуск 36 – в 2008 г., выпуски 37, 38, 39 – в 2009 г.

УДК 81

ББК 81

Я410

ISBN 978-5-317-03524-2

© Авторы статей, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Неизгладимый след Вашего Слова «Слушайте слова Сердцем...»5

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

<i>Залевская А.А.</i> Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования	9
<i>Астафурова Т.Н., Олянич А.В.</i> Лингвосемиотика нейтрализации социальных фобий	16
<i>Бубнова И.А.</i> Личностный смысл: результат познания или внешнего воздействия?	27
<i>Воропаев Н.Н.</i> О проблемах описания прецедентных имён в китайскоязычном дискурсе	37
<i>Гогичев Ч.Г.</i> Концептуализация жизненного опыта в зеркале идиоматики	56
<i>Гудков Д.Б., Рассказов А.С.</i> Динамика русского лингвокультурного пространства (на примере прецедентного имени)	61
<i>Долотин К.И.</i> Спектральный анализ квазисегментной структуры речевого сигнала: экспериментально-статистическое исследование	68
<i>Желтухина М.Р.</i> Миф и массмедиа в лингвокультурологическом пространстве	76
<i>Карасик В.И.</i> Лингвокультурная стилистика русских и китайских аллегорий	83
<i>Кирилина А.В.</i> Гендерная специфика русской и немецкой устной академической коммуникации	96
<i>Ковшиова М.Л.</i> Compliment и оскорбление: общее и различное (на материале современной русской речи)	103
<i>Красных В.В.</i> К вопросу о будущей науке «семиософия» (в продолжение разговора с Ю.А. Сорокиным)	113
<i>Мягкова Е.Ю.</i> Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию	118

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

<i>Базылев В.Н.</i> О переводческом опыте Ю.А. Сорокина и о метрическом переводе.....	125
<i>Богатырева И.И.</i> Слово в многомерном пространстве культуры.....	129
<i>Власенко С.В.</i> Особенности переводческой рефлексии в англо-русском отраслевом переводе.....	138
<i>Красильникова В.Г.</i> Роль воображения в понимании текста: в продолжение психотипической теории перевода Ю.А. Сорокина.....	152

Неизгладимый след Вашего Слова «Слушайте слова Сердцем...»

*Светлой памяти
Юрия Александровича Сорокина (1936–2009),
под руководством которого более четверти века назад
были сделаны мои первые шаги в психолингвистике.*

*Зелено кругом. Отмелевый край. Воды огибают селенье.
Мчатся с запада на восток лазоревые волны. На них
оттиском маленький мост.
Весна плывет в край диких ароматных трав.
У людей Речного Севера и Речного Юга разрывается душа.
Дунь ЖУЙ. Храм Чистейшего источника у селенья
Каменный мост / Перевод с китайского
Ю.А. Сорокина, 1988¹*

И у нас разрывается душа...

В самом начале октября 2009 года ушел ученый, поэт и переводчик, оставив нам свои работы как россыпи мыслей – яркой, сложно сконструированной и уникально самобытной рефлексивной деятельности утонченного сознания, смоделировавшего и спроецировавшего в текстах многокартинные миры своего интеллекта, в котором воображение было наполнено ритмами и философией Востока, пронизано интересом к Западу, пропитано пониманием судьбы России. Забыть Вас не получится. Не получается забыть человека, ни на кого не похожего образом мышления, характером и культурой речи.

Код поэзии² был Вашим кодом, емко и образно вмещавшим «постулаты мировидения... и их устойчивые темы: человек и его судьба, его скорби и радости, разлуки и встречи, странствия и возвращения; человек и природа – рукотворная и нерукотворная, – сосуществующие и отражающие друг друга; человек и его самотворческие силы; путь природы и человека; мера иллюзорности «внешнего» (социального) по отношению к внутреннему (ментальному) и природному и т. д. и т. п.»³.

¹ Сорокин Ю.А. Поэзия эпохи Мин (1368–1644). Новые переводы // Дальний Восток (Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал). 1988. № 10. С. 94.

² Поэтический псевдоним Ю.А. Сорокина – Глеб Арсеньев.

³ Там же. С. 94.

*... Мох тишины дымится
и можжевельные темные слова*⁴

18 марта 1985 г.

Вы любили стихи, потому что в них видели «мир человеческий и мир природный как два сходных, но не уподобляющихся потока бытия», которые искали и ищут согласия друг с другом.

*Рыбьим жиром пахнут сумерки
позвякивает пруда серебряная ложка...*⁵

6 мая 1988 г.

Не менее поэтичны эпизоды Вашей жизни, не сами по себе, а потому что в них запечатлелось Ваше мировосприятие.

*... Зимы гриппозный жар
озноб у летних губ
ньюорлеанский джаз
пчел саксофонный гул*⁶

2 апреля 1986 г.

Память переключилась на ретро сценарий: сами собой всплывают картины и полукартинки, пейзажи и натюрморты жизни, плавно сменяя друг друга и образуя безостановочно циркулирующий поток ассоциаций... Вот один из эпизодов.

Одним осенним четвергом 1995 г. в Секторе психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН, в Большом Кисловском переулке, не было ничего необычного. Напротив, все было, как всегда:людно, шумно, душно, плотно речисто, ухмыльно противоречиво, творчески вопросительно и, как всегда, интересно. Среди прочих гостей была Снежина Гогова, болгарский психолингвист и китаист⁷. Предсказуем интерес Снежины к мнению Юрия Александровича как китаиста к китаисту. Казалось, что перечень ее вопросов неиссякаем. Снежина пользовалась приоритетом по объективной причине – заканчивалась ее командировка в России. Мое благодушие постепенно увядало, а тревога – нарастала: становилось очевидно, что мои робкие шаги по льду психолингвистики сегодня не продолжатся... Сдаваться не хоте-

⁴ Стихи Глеба Арсеньева цитируются в авторской графике и орфографии. Цит. по: Глеб Арсеньев. Стихи и маргиналии. Барнаул, Москва: Изд-во Алтайск. ун-та, 2003. С. 96.

⁵ Там же, С. 97.

⁶ Там же, С. 94.

⁷ Снежина Гогова – доктор филологии, профессор Софийского университета им. Св. Климента Охридского; психолингвист, владеет современным китайским и древнекитайским языком; закончила аспирантуру и защищала кандидатскую диссертацию в ИЯз РАН на русском языке; докторскую диссертацию по психолингвистике защитила в Болгарии в 1995 г. на болгарском языке на материале эксперимента, включавшего респондентов-носителей китайского, русского и болгарского языков.

лось, и я решительно пригласила обоих китайцев в гости в надежде, что хотя бы дома, за чаем мне удастся получить прямой доступ к мудрой мысли Юрия Александровича в виде рекомендаций, важных для моего исследования. Снежина и Юрий Александрович приехали в гости в тот же вечер. Их радостно встретили мои домочадцы, включая мою пятилетнюю дочку, Лёлю, у которой с гостями завязался следующий разговор⁸:

Лёля Юрию Александровичу: У вас борода белая... У вас есть борода. Разве людям в жизни нужна борода?

Юрий Александрович: Некоторым людям нужна.

Лёля: Мама сказала, что вы знаете какой-то такой язык не русский... китайский такой язык. Тогда лучше скажите мне, как на вашем языке будет, что я играю в мяч.

Юрий Александрович: *Ню хайцзы да цю*⁹.

Снежина добавила с улыбкой: *Пхяолиангдэ ню хайцзы да цю*¹⁰.

Лёля: Что-то не понятно ничего. Такие слова совсем понять не могу... Слова такие я не знаю...

Юрий Александрович: А ты слушай слова сердцем...¹¹

А четверги на Большом Кисловском уже будут без Вас.

⁸ Разговор приводится в записи, сделанной автором статьи по памяти в тот же осенний день 1995 г. Запись, почти поблекшая, сохранилась в домашнем архиве, где собирались многочисленные примеры детской речи для дальнейшего изучения.

⁹ Nu haiz da qiu. → Девочка играет с мячом.

¹⁰ Piao liang de nu haiz da qiu. → Красивая девочка играет с *красивым мячом.

Произнесенные фразы представлены по-китайски в транслитерированном виде – кириллицей и латиницей – китайцем Галиной Днепровой, выпускницей Института стран Азии и Африки МГУ. Как и Юрий Александрович, мой добрый друг, Галина, – переводчик древнекитайской поэзии. По моей просьбе она передала Юрию Александровичу свои версии, включая незавершенные, переводов древнекитайских поэтов. Иероглифическое письмо само по себе – эмоционально сильная знаковая структура, волновавшая и, вероятно, гипнотизировавшая Юрия Александровича. Мне представляется, что древнекитайские поэтические тексты – это то немногое, что помогало Юрию Александровичу отвлекаться от неизлечимой болезни, в особенности в последние два года его жизни.

*По мнению опрошенных Галиной Днепровой китайцев-филологов, сказать «Красивая девочка играет с красивым мячом» технически можно, но звучит эта фраза не вполне идиоматично, поэтому приведенная фраза в буквальном переводе с китайского звучит: Красивая девочка играет с мячом.

¹¹ Призыв Юрия Александровича вовсе не случайно был адресован моей дочери – она стала журналистом.

*Сорочье целканье
предгрозовья войлок
четверг промок
и мокрошелковый
уходит ельником
в грибное царствие
ничком в ничейность
и печальствуя*

июль 1976¹²

* * *

... Тщетна любая попытка выразить чувство потери, опустошенности, стянувшегося пространства, того пространства мыслетворчества, на котором Судьба свела нас для понимания и познания Слова. Вы ушли навсегда, насовсем, оставив неизгладимый след своего знания и чувствования Слова. Вы дружили со Словом.

Вы были не похожи ни на кого. В Вас пульсировало свое и только свое, сильное и тонкое понимание всех связей, всех «почему сказано так, а не иначе» и «зачем сказано так, а не иначе». Ваш текст вырывался из белой бороды – кричащий и поющий, режущий и сшивающий, смешивающий и лечащий, обличающий и поддерживающий. Это был только Ваш текст.

Вы видели текстовую ткань насквозь и насквозь пронзительно комментировали чужие тексты, не оставляя места ни наивной безмятежности, ни приукрашенности, ни здравому компромиссу. Безусловное принятие и бескорыстное восхищение Вам казались масштабно недостижимыми, а потому – наивно бесполезными.

Мы благодарим Судьбу за возможность прикоснуться к богатству – еще не до конца изученному – Ваших текстов, за купание в ярком и бурлящем потоке Вашей пронзительной мысли. В памяти наших сердец жива энергетика Ваших душевных порывов. Этот след затушевать не под силу даже времени.

Мы продолжаем жить, слушая слова Сердцем и помня о Вас.

*Светлана Власенко
кандидат филологических наук С.В. Власенко
доцент кафедры английского языка при факультете права
Государственного университета – Высшая школа экономики
при Правительстве РФ (ГУ-ВШЭ)
октябрь 2009*

¹² *Глеб Арсеньев. Стихи и маргиналии. Барнаул, Москва: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. С. 40.*

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования

© доктор филологических наук А.А. Залевская, 2010

Вводные замечания

Одной своей ипостасью слово обращено к социуму, другой – к индивиду со всеми вытекающими отсюда следствиями. Для успешного изучения двойной жизни значения слова необходимы, во-первых, теория, способная объяснить специфику сложного статуса слова, а во-вторых – направляемый такой теорией набор исследовательских процедур. Предлагаемая статья ставит своей целью изложение некоторых соображений относительно методологии и технологии подобного научного изыскания, а также возможных перспектив дальнейшей работы в этой области.

Вопросы теории

В отечественной науке о языке понимание важности разграничения двух ипостасей жизни слова подготовлено, в частности, работами А.А. Потебни и Л.В. Щербы.

Так, А.А. Потебня писал: «... пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания»¹. Это можно трактовать как указание на необходимость обращения к слову как *живому знанию* в противовес его препарированию в научных и учебных целях.

Л.В. Щерба² фактически рассмотрел не три (как заявлено в названии его статьи), а четыре аспекта языковых явлений, специально выделив *речевую организацию индивида* как фактор, обуславливающий и речевую деятельность, и ее проявления в языковом материале и в языковой системе. Характеризуя речевую организацию индивида, с одной сторо-

¹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С.465–466.

² Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 24–39.

ны, как психофизиологическую по своей природе, а с другой – как социальный продукт, Л.В. Щерба особо подчеркнул, что речь в данном случае идет не о простой сумме речевого опыта индивида, а о *своеобразной переработке* опыта говорения и понимания речи. Обратим особое внимание на то, что Л.В. Щерба задумывался над соотношением между психофизиологической речевой организацией индивида и языковой системой, выводимой лингвистами из языкового материала, прямо указывая на то, что первая является индивидуальным проявлением второй, и в то же время предостерегая от отождествления этих, по его определению, теоретически несоизмеримых понятий.

К сожалению, отечественная наука о слове сфокусировалась на исследовании системности и нормативности языковых явлений, их «над-индивидуальности», и лавина модных ныне исследований в области концептов, концептуальных полей и т. п. по своей сути остается в русле построения описательных моделей, базирующихся на логико-рациональном анализе языкового материала как такового, мало чем отличаясь от проводившихся ранее изысканий по линии лексико-семантических вариантов слова, лексико-семантических полей и т.п.

Проблема двойственности существования значения слова оказалась актуальной и для отечественных психологов, рассматривающих ту ипостась значения, которая обращена в сторону индивида. Так, Л.С. Выготский³ показал роль и функции значения слова в процессах речемыслительной деятельности, внимательно проследил специфику становления и развития значения слова у ребенка по мере познания им окружающего мира, что представляется непосредственно связанным с подчеркиваемой Л.С. Выготским идеей важности формирования «живого знания» как условия успешности развития ребенка при синтезе интеллекта и аффекта, т. е. эмоционального переживания всего происходящего при освоении ребенком различных видов деятельности (в том числе – речевой). А.Р. Лурия⁴ показал особенности включения значения слова у человека в различные виды связей, особо отметил различия между социально принятым значением и актуализующимся у индивида смыслом слова. В работах А.Н. Леонтьева⁵ независимое существование значений в социуме противопоставляется тому, что происходит, когда значения выступают в качестве способов и механизмов осознания, включаясь во

³ См., например: *Выготский Л.С.* Из неизданных материалов Л.С. Выготского // Психология грамматики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – С.178–196; *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. В 6-и т. – М.: Педагогика, 1982–1984.

⁴ *Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 253 с.; *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

⁵ *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. – 2-е изд. – М.: Изд-во политич. литературы, 1977. – 304 с.; Он же. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. – Серия 14. Психология. – 1979. – № 2. – С.3–13.

множественные связи, которые выводят на индивидуальный образ мира. Эту идею двойной онтологии значений, обусловленной их вхождением в весьма различающиеся системы – социальную и личностную, развивает далее А.А. Леонтьев⁶, указывающий на то, что в первом случае речь идет об узком понимании значения, отображаемом словарями (именно это исследуется лингвистикой), а во втором – о широком его понимании, связанном со значением как частью сознания личности (это изучается психосемантикой, психолингвистикой и т. д.). Опыт многолетнего теоретического и экспериментального исследования, нацеленного на реконструкцию категориальной структуры индивидуального сознания и размещения в ней индивидуальной системы значений, описывается в работах В.Ф. Петренко, подчеркивающего, что именно через призму систем индивидуальных значений происходит восприятие мира субъектом деятельности⁷.

В зарубежной науке непосредственно на проблему двойной жизни значений вышел У. Эко, не пользующийся подобным термином, но предлагающий разграничить понятия «ядерного содержания» и «когнитивного типа»; первое из них соотносится с социально признанным значением, а второе – с соответствующим ментальным феноменом⁸. На примере взятых из мировой истории ситуаций У. Эко показывает некоторые пути формирования того, что он называет когнитивным типом. В более поздней работе в форме художественного произведения⁹ У. Эко проводит в жизнь идею о том, что полноценная жизнь личности обеспечивается увязыванием слов не только со знаниями, но и с образами и эмоциональными переживаниями.

Развернутый обзор публикаций, связанных с теоретическим аспектом рассматриваемой проблемы, потребовал бы написания отдельной работы. Поэтому ограничусь здесь указанием на то, что в современной мировой науке активно обсуждаются возможности разработки новых семантических теорий, ориентированных на функционирование значений у человека. В качестве примеров можно назвать корпоральную семантику¹⁰, трактовку значения слова у индивида как сети связей¹¹,

⁶ Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность): Монография. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.

⁷ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

⁸ Eco U. Kant and the platypus: Essays on language and cognition. – San Diego; New York; London: Harcourt, Inc., 2000. – 464 p.

⁹ Eco U. The mysterious flame of queen Loana. – London: Vintage Books, 2006. – 458 p.

¹⁰ Ruthrof H. The body in language. – London; New York: Cassel, 2000. – 193 p.

¹¹ Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. – Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. – 217 p.

семантику опыта и выводного знания¹², биокультурную теорию значения¹³.

Одной из возможных «стартовых» теорий для изучения двойной жизни значения слова может выступать разработанная в русле идей Л.В. Щербы, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева психолингвистическая теория слова¹⁴, согласно которой двойная жизнь значения слова обеспечивает, с одной стороны, взаимопонимание в процессах познания и общения, а другой – выход на индивидуальный образ мира во всем богатстве его объектов, связей и отношений, без чего слово остается «пустым», его значение оказывается весьма приблизительным или даже превратно трактуется индивидом. Постоянное взаимодействие этих двух ипостасей значения слова у пользующегося языком человека обеспечивается сложной системой механизмов, стратегий и опор, благодаря которым то, что лежит *за словом* у носителя языка и культуры, учитывается на разных уровнях осознаваемости, включая широкие круги знаний (языковых и энциклопедических, в том числе выводных), которые сопровождаются эмоционально-оценочными переживаниями, маркирующими эти «живые» (т. е. функционирующие в процессах познания и общения) знания. Обратим внимание на то, что «своеобразной переработке» (термин Л.В. Щербы) подвергается не только речевой опыт: индивидуальная система значений формируется в процессах *познания и общения*, становления личности и ее социализации, т. е. по законам психической деятельности, но под контролем социума/культуры, именно поэтому слово для человека, являясь специфическим медиатором, играет роль своеобразного «лазерного луча», который обеспечивает считывание ментальной «голограммы» во всех возможных ракурсах, связях и отношениях. Уточню, что «ментальное» в данном случае вовсе не сводится к логико-рациональному: опыт познания мира человеком формируется через взаимодействие тела и разума, а *индивидуальное знание* (каким является, в частности, и обращенное к индивиду значение слова) всегда представляет собой перцептивно-

¹² *Violi P.* Meaning and experience. – Bloomington: Indiana University Press, 2001. – 291 p.

¹³ *Златев Й.* Значение = жизнь (+культура): набросок единой биокультурной теории значения // *Studia Linguistica Cognitiva*. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С.308–361.

¹⁴ См.: *Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.; *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: Монография. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 206 с.; *Залевская А.А.* Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2005. – 543 с.; *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику: Учебник. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 558 с.

когнитивно-аффективное знание-переживание¹⁵. Включение проблемы значения слова в более широкий контекст взаимодействия коллективного знания и знания индивидуального прямо выводит нас на проблему двойной жизни значений, исследование которой стало особенно актуальным при современных межкультурных контактах.

Вопросы исследовательской практики

Вполне естественно, что постановка задачи исследования двойной жизни значений требует выбора соответствующего инструментария. При этом очевидно, что традиционно используемые технологии работы на базе словарей и текстов, вполне оправдывающие себя при исследовании обращенной к социуму ипостаси значения, не являются таковыми, когда в центр внимания ставится значение слова как «живое знание». Не спасает в таком случае и лингвистический эксперимент, поскольку он (вслед за Л.В. Щербой, см. названную выше работу) ориентирован прежде всего на системность и нормативность языковых явлений¹⁶. Только частично помогает решению поставленной нами задачи и ставшее в последние годы популярным использование ассоциативных словарей для исследования того, что принято называть «языковым сознанием». Дело в том, что этот потенциально чрезвычайно важный исходный материал чаще всего анализируется опять-таки в русле постулатов системности и нормативности, без учета специфики значения слова как индивидуального знания со всеми вытекающими отсюда следствиями, в то время как для объяснения двойной жизни значения слова необходима последовательная (от формулирования рабочей гипотезы и выбора исследовательских процедур до анализа и интерпретации полученных материалов) опора на теорию, способную достаточно полно учитывать особенности обеих ипостасей значения.

Кратко представленная выше психолингвистическая теория слова может выступить в роли одной из стартовых теорий такого рода. Формулируемая на основе этой теории *рабочая гипотеза* предполагает: а) наличие определенной специфики функционирования значения слова, обращенного непосредственно к индивиду; б) возможность выявления типовых стратегий и опор, обеспечивающих выход на индивидуальный

¹⁵ См. подробно: *Залевская А.А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 136 с.

¹⁶ См., например, обоснование необходимости при исследовании системности языка проведения лингвистического эксперимента с использованием непосредственной языковой интуиции говорящих по поводу того, что правильно, а что неправильно в языке: *Апресян Ю.Д.* О проекте активного словаря (АС) русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2008. – С.23–31.

образ мира через посредство социально принятого значения слова; в) наличие некоторых базовых принципов увязывания человеком нового значения с предшествующим опытом и возможность обнаружения этих принципов в ситуациях, когда в жизнь общества интенсивно входят новые реалии; г) необходимость непосредственного обращения к носителям языка и культуры для исследования двойной жизни значений; д) возможность создания экспериментальных ситуаций, позволяющих эксплицировать продукты глубинных процессов функционирования значения слова у индивида, в том числе выявлять особенности эмоционально-оценочного маркирования значения.

Для проверки этой рабочей гипотезы на базе русского языка проводится экспериментальное исследование, организованное по двум принципам: 1) по горизонтали – через сопоставление материалов, полученных с параллельным применением одних и тех же исследовательских процедур на разных территориях функционирования языка в несколько различающихся условиях; 2) по вертикали – через сопоставление результатов двух таких «срезов» с временным интервалом в 17 лет (1993–2010). В 1993 году эксперимент проводился в г. Твери (РФ) и г. Алматы (Республика Казахстан); в 2010 году – в Центральном федеральном округе РФ (гг. Тверь, Курск) и на территориях, где русский язык может испытывать некоторое влияние со стороны контактирующих с ним лингвокультур (г. Уфа, Башкортостан; г. Улан-Удэ, Бурятия) и/или общественных ситуаций (г. Алматы, Республика Казахстан; г. Киев, Украина). Участниками эксперимента явились студенты вузов как гуманитарных, так и технических специальностей.

Отбор слов для исследования в 1993 г. осуществлялся через обращение к 42 носителям русского языка; им предлагалось записать по 10 и более слов, которые, по их мнению, в критический период развития общества получили новые значения или стали иначе восприниматься в эмоционально-оценочном плане, а также 10 и более новых слов, не так давно вошедших в русский язык. Из полученных таким образом 369 слов с частотой записи от 1 до 30 раз для дальнейшего исследования было выбрано 60 слов, представших наибольший интерес в плане стоявших перед нами задач. При *психолингвистическом портретировании лексики*¹⁷ использовались пять процедур, упорядоченных по нарастанию степени метаязыковой активности: свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, субъективное шкалирование по 7-балльной шкале (от –3 «очень плохо» до +3 «очень хоро-

¹⁷ Этот термин введен в статье: Залевская А.А. Психолингвистическое портретирование лексики: опыт экспериментального исследования // Психолингвистические исследования: слово и текст. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995. – С. 38–46.

шо») и прямое обращение к носителям языка по поводу значения того или иного слова (два варианта процедуры дефинирования).

По результатам обработки и анализа полученных материалов публикуются статьи¹⁸ и подготавливается к печати монография.

Общий вывод

Предварительные результаты проводимого теоретического и экспериментального исследования позволяют выразить уверенность в том, что для изучения двойной жизни значения слова требуется *интегративный подход* в подлинном смысле этого термина: речь идет не о простом сложении данных, получаемых о значении слова из разных источников: словарей, текстов, экспериментальных материалов, а о направляемом психолингвистической теорией слова новом видении того, что стоит за словом как продуктом процессов познания и общения у индивида как представителя вида и личности, включенной в естественную и социальную среду.

Экспериментальное подтверждение правомерности проверяемой рабочей гипотезы позволяет прогнозировать, что проведение дальнейшего широкомасштабного исследования по предлагаемому комплексу процедур с последующим сопоставительным анализом данных, полученных из разных источников, не только будет способствовать дальнейшему развитию теории слова, но и создаст базу для подготовки электронного справочного лексикографического ресурса нового типа, отображающего жизнь значения слова у носителей языка и культуры в определенный период времени.

¹⁸ См.: Залевская А.А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (I) // Вестник Тверского государственного университета. – 2010. – № 5. – Серия «Филология». – Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 175–193; Залевская А.А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (II) // Вестник Тверского государственного университета. – 2010. – Серия «Филология». – Вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация» (в печати).

Лингвосемиотика нейтрализации социальных фобий

© доктор филологических наук Т.Н. Астафурова,
доктор филологических наук А.В. Олянич, 2010

Лингвосемиотическая нейтрализация социальных фобий предполагает снятие социальной напряженности в отношении представителей других этносов, национальных меньшинств, классов, социальных групп и т. д. («чужие») за счет шутивного, пренебрежительного, уничижительного представления их физиологических, психологических и лингвосоциальных характеристик в отличие от представителей титульной группы («свои»). Это ведет к формированию этностереотипов, определяемых как «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос» [Крысин 2003: 458].

В русскоязычном этносе прочно укоренились стереотипы, наделяющие представителей иной национальности негативными качествами на основе универсальной когнитивной установки интолерантности в их отношении. Их формирование давно и внимательно изучается многочисленными исследователями. Так, язык этнического конфликта, содержащий оскорбительные слова, этнические ярлыки, прозвища различных этнических групп, большинство из которых являются уничижительными, исследовался И.Л. Алленом (I.L. Allen) в его трудах «The Language of Ethnic Conflict» (1983) и «Unkind Words: Ethnic Labeling from Redskin to WASP» (1990).

Существенный вклад в исследование языковой экспликации этнического конфликта сделан Ю.А. Сорокиным: ученым выявлены вербальные и невербальные знаки этнического интолерантного коммуникативного поведения [Сорокин 1987], описаны структурно-семантические параметры лингвокультурных матриц этнического конфликта [Сорокин 1994], изучены речевые маркеры конфликтогенного поведения в институциональной сфере разных этносов [Сорокин 1995].

Параллельно с исследованием этностереотипов, базирующихся на оскорблении и уничижении, формируется направление, провозглашающее терпимое, толерантное отношение к другим этносам, классам, группам. Термин «толерантность» (от лат. *tolerantia* 'терпение, терпимость') приобрел в разных областях науки специфическое содержание: в институциональной парадигме толерантность понимается как готовность власти допускать инакомыслие в социуме, принимать политический плюрализм как проявления свобод и демократии [Асмолов, Солдатова, Шайгерова 2003]. В этической парадигме толерантность рассмат-

ривается как норма цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами и готовность к обоюдной терпимости.

Философское представление о толерантности носит категориальный характер, отражающий активное отношение к «другому», «чужому». Представляет особый интерес рассмотрение многоуровневой типологии толерантности как «безразличия», «невозможности взаимопонимания», «снихождения», «расширения собственного опыта» и «критического диалога». Первый уровень толерантности предполагает безразличие к чужим взглядам и другим практикам, поскольку они нерелевантны для социума и его членов. Второй уровень толерантности коррелирует с уважением к другому, понять которого в ряде случаев невозможно и с которым, вследствие этого, невозможно коммуницировать. Третий уровень толерантности проявляется в снисходительном отношении к слабости других. Последние уровни толерантности выражаются в принятии чужой позиции и возможности изменять собственную в результате критического диалога [Лекторский 1997].

В современной лингвистической парадигме толерантность предстает как многослойное явление, репрезентированное равноуровневыми средствами языка, речи, текста, бытового и идеологического дискурса: толерантность как вектор антиномического бытия языка, толерантность в словообразовании, толерантность как принцип культуры речи, ритуалы вежливости, единица лингвокультурного пространства [Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности 2003].

Объектами исследования толерантности выступают различия, репрезентированные на ментальном уровне дихотомией «свой – чужой/другой» и диадой «мы – они». Толерантность предполагает признание права «других» быть непохожими на тебя и уважение этого права [Заболотная, Шило 2003]. Л.В. Енина выделяет особый вид толерантности – речевой, представляющий собой внутренние поведенческие установки в дискурсе [Енина 2003].

Феноменом, противопоставленным толерантности, является коммуникативная категория конфликтности, или *интолерантности* [Крысин 2003], выражающаяся в неприятии инакомыслия, этноцентризме, ксенофобии, дискриминации и других проявлениях нетерпимости и агрессии в поведении или дискурсе. Коммуникативная категория интолерантности антропоцентрична, поскольку ее денотатом является *Homo sapiens*. Она представляет собой единицу коммуникативного сознания этноса. Ее структурно-когнитивными элементами являются конфликтность, категоричность, импозитивность (навязывание своего мнения). Конфликтность реализуется в императивных максимах:

- дискриминационная тематика общения (расовая, этническая классовая, групповая, институциональная, профессиональная, гендерная, религиозная, возрастная, экстерьерная и т. д.);
- проблемность бытового межличностного общения (нарушение норм совместного проживания, воспитания, отношений в семье, девиантное поведение членов аут-группы и т. д.);
- открытое противостояние представителей аут-группы;
- высокая степень агрессивности в дискуссии за счет резкой социальной оценки события;
- чрезмерная эмоциональность и категоричность выражения несогласия;
- навязывание точек зрения и образа жизни представителям миноритарной группы;
- психологическое унижение миноритарной группы при социальном и коммуникативном доминировании мажоритарной группы;
- уход от личного близкого контакта с собеседником.

В социальной среде, которая отличается этнической, социальной и языковой неоднородностью, поводом для коммуникативной интолерантности могут послужить неграмотная речь, неправильное словопотребление, ошибки в построении синтаксических конструкций, специфический акцент, несовпадение пресуппозиций и фоновых знаний представителей этнического меньшинства. И хотя подобные языковые конфликты являются, скорее, поверхностным отображением более глубоких конфликтов – расовых, этнических, социальных, фактор несовпадения речевого кода и фоновых знаний имеет существенное значение для ин/толерантного поведения участников коммуникативной интеракции.

Однако и владеющие одним общим языковым кодом собеседники могут иметь разные фоновые знания, обусловленные неязыковыми причинами: возрастом, уровнем образования, принадлежностью к разным социальным общностям, религиозным конфессиям, партийным организациям и т. п. Разные социальные общности / группы имеют собственные системы ценностей, иногда значительно отличающиеся друг от друга, но чем больше сходство фоновых знаний и апперцепционной базы у разных носителей языка, тем полнее понимание ими друг друга и тем менее вероятна интолерантность, речевая агрессия в их дискурсопорождении.

Маркерами интолерантности зачастую выступают знаки алиенации (предубеждения), рефлектирующие негативное стереотипическое восприятие доминантной ин-группой представителей маргинальной аут-

группы. Г. Олпорт ввел понятие шкалы лингвокультурной интолерантности, включающей три этапа:

– антилокуция (*antilocution*), понимаемая как безобидное подшучивание над представителями аут-группы (слабая дискурсивная агрессия);

– избегание (*avoidance*) представителей аут-группы, имплицитно оскорбляющее её представителей (средняя дискурсивная агрессия);

– дискриминация (*discrimination*) аут-группы как эксплицитно выраженный отказ в социальных правах, навязывание негативных стереотипов (сильная дискурсивная агрессия) [Allport 1955].

Опираясь на идеи Г. Олпорта, авторы данной статьи разработали лингвосомиотическую классификацию маркеров интолерантности в зависимости от степени алиенации членов социума [Астафурова, Олянич 2008]. Как показало проведенное исследование, нейтрализация знаков-алиенаторов осуществляется в смеховых (карнавальных) жанрах интолерантного дискурса, а именно: в речевых жанрах безобидной насмешки (*harmless joke*) и уничижительного анекдота (*abusive anecdote*).

1. Жанр безобидной насмешки в русскоязычном интолерантном дискурсе представлен широким спектром тем, в котором наиболее частотными являются насмешки этнического, социально-классового, гендерного и профессионального характера. Например, дагестанцы – жители Юга России, пренебрежительно именуемые *дагами*, часто выступают в качестве объектов таких насмешек, поскольку вызывают опасение у большей части социума вследствие, согласно стереотипу, их малой образованности, недалекости, ограниченности кругозора, плохого воспитания, коммуникативной ригидности, высокого самомнения, лености, неопрятности, скупости, отсутствия вкуса, привычки слоняться без дела, повышенной раздражительности, вспыльчивости, конфликтности, пренебрежительного отношения к собственности, склонность к дурным привычкам и т. д.

Не менее красочно в таких шутках представлены низкий образовательный ценз, особенности коммуникативного поведения социальные пристрастия, привычки чукчей – жителей Дальнего Севера России как представителей другого этноса, неодобряемые россиянами (*Что-то меня Гондурас беспокоит... А ты его не чеши...*).

Наиболее остро социальная конкуренция представлена в *гендерно ориентированных насмешках*, авторами которых оказываются мужчины, а основным объектом – женщины, что свидетельствует о боязни мужчин потерять доминирующие социальные, профессиональные, институциональные и прочие позиции из-за неуклонного выдвижения женщин на ключевые социальные роли (главы государств, прави-

тельств, министерств, корпораций, учреждений науки и т. п.). Женщина предстает как глупое, алчное, расточительное, сексуально озабоченное и непредсказуемое существо – объект насмешек мужчин.

Примеры гендерных шуток:

Настоящий мужчина всегда говорит женщине три слова – люблю, куплю, поехали!!!

Королевы никогда не расстраиваются. Когда им грустно, они просто кого-нибудь казнят...

- Я не блондинка, у меня просто склад ума такой!*
- Склад-то твой, похоже, грабнули!..*

Можно, конечно, всю жизнь горбатиться: убирать, стирать, готовить. А можно, оказывается, тупо пол сменить и пить себе пиво у телевизора.

Дневники ведут только приличные девушки, у неприличных на это просто нет времени

Она: Мне тебя не хватает.

Он: Давай определимся. Тебе меня не хватает для полного счастья или для полного счета.

– Мама, Лева мне вчера сказал, что я самая интеллигентная девушка в Одессе. Может, стоит пригласить его домой?

– Ни в коем случае, дуреха! Пусть он продолжает так думать.

В жанре насмешки вербализуются опасения мужчин по поводу того, что женщины все активнее занимают интеллектуальные сферы деятельности, тем самым подрывая интеллектуальный авторитет мужчин. Попытка принизить феминные интеллектуальные способности проявляется в стремлении мужской части социума осмеять женщину, использующую техническое и программное компьютерное обеспечение:

– Как узнать работала ли женщина на компьютере?

– Если монитор покрашен корректором, есть помада на джойстике и оставлен сыр у мыши.

– Как называется, когда блондинка красится под брюнетку?

– Искусственный интеллект.

В нашем материале частотными оказались профессионально ориентированные насмешки (шутки про милицию, военных, священников). В текстах данного речевого жанра наиболее ярко вербализованы опасения социума по поводу отсутствия компетентности, должного образования, смекалки, необходимой для исполнения профессиональных обязанностей.

Примеры профессиональных шуток:

Оборонительная тактика русских:

- 1. Заинтригуй врага.*
- 2. Замани его на свою территорию.*
- 3. Дождись наступления зимы.*

Венчается раб божий Василий и страх божий Наталья.....

Вопросы и ответы

Вопрос: Почему Ной не ходил на рыбалку?

Ответ: У него всего была пара червей!

Вопрос: Почему Бог создал мужчину раньше женщины?

Ответ: Потому что не хотел выслушивать советы.

2. Жанр уничижительного анекдота в русскоязычном интолерантном дискурсе преимущественно представлен текстами, в которых этнические фобии являются базовой характеристикой межкультурной интеракции.

Так, сожаления русскоязычного этноса по поводу более конкурентно способного «чужого» социума в глобальном экономическом пространстве отражены в следующих анекдотах:

Встречаются на автосалоне представители ВАЗ и концерна Хонда.

ВАЗовцы спрашивают:

– Как вы проверяете салоны своих машин на герметичность?

Представители Хонды отвечают:

– Все очень просто. Закрываем окна и двери и помещаем на ночь в салон кошку. Если она к утру задохнулась – салон герметичен.

ВАЗовцы решили проверить этот передовой метод. Сажают в салон Жигулей кошку, закрывают окна и двери. Наутро приходят, а кошка убежала.

В новую БМВ на светофоре влетает запорожец. Надпись на экране бортового компьютера БМВ: «Обнаружено новое устройство. Установить для него программное обеспечение?».

После длительных переговоров Украина и Германия решили наладить выпуск совместного автомобиля. Чудо-детские будет производиться силами компаний "Мерседес-Бенц" и Запорожского автомобильного завода. Уже созданы два бренда для автомобилей, это "Мерсеро-жец" и "Запердец".

Опасения по поводу утраты лингвокультурного господства, лингвоэтнической идентичности, языковых норм русского языка, повлекшие за собой упрощение его орфоэпической, грамматической, синтаксической и лексико-семантической систем, вербализованы в анекдотах о фонетических и грамматических искажениях русского языка представи-

телями других этносов (например, кавказцами – грузинами, лезгинами, аварцами и др.):

Аварец идет по перрону плачет и кричит: "Уцла!!! Уцла!!!"
Прохожий интересуется: "Кто ушла?"
Аварец: "Поезд уцла!"
Прохожий: "Не ушла, а ушел"
Аварец: "Ле! Будешь ты у меня тут еще географии учить!"

Почему лезгины открывают молоко прямо в магазине? Потому что там написано открывать здесь.

Кавказская свадьба. Подвыпивший гость говорит соседу:
– Какой красивый хароший свадьба, но какой нэ красивый нэвеста!
– Я тэбэ зарэжу! Это моя доч!
– Вах, извини уважаемый, я ведь нэ знал, что ты отэц этот красавица!
– Ну все. Тэбэ конэц! Я ее мат!

Фобии, связанные с пониманием отставания России от передовых государств мира в сфере социального обеспечения населения, качества производимой продукции, появились как следствие тяжелой экономической ситуации 90-х годов XX века, когда ощущался дефицит основных товаров потребления:

Идут по улице араб, северный кореец и русский. К ним подходит телерепортер и спрашивает: «Извините, каково ваше мнение по поводу дефицита мяса?» Араб: «Что такое дефицит?»; русский: «Что такое мясо?»; северный кореец: «Что значит слово мнение?».

Англичанин, француз и русский рассматривают картину «Адам и Ева в раю». «Посмотрите, как они сдержанны и спокойны, наверное, они англичане», – говорит англичанин. «Ерунда, они французы, потому что обнажены и прекрасны», – отвечает француз. «Нет, они русские, – возражает русский. – У них нет одежды, крыши над головой и только одно яблоко на двоих».

Фобии, вызываемые осознанием разноуровневости социально-экономического развития, разной индексации этнических ценностей, порождают анекдоты об отсутствии эквивалентности в восприятии одних и тех же явлений действительности представителями разных этносов. В анекдотах поддерживается стереотипно-негативное представление о чужих этносах как менее развитых интеллектуально и культурных:

Чукча-бизнесмен впервые посещает Москву и приглашен на обед в мэрию. Он не привык к русским соленьям (маринованные огурцы, грибы, селедка и т. п.), поэтому он постоянно посылает своего помощника за

стаканом воды. На третий раз тот приходит без воды и на удивленный вопрос чукчи отвечает: «Однако, на колодце мужчина сидит».

Настороженное отношение русских к наиболее агрессивным представителям чеченской диаспоры, боязнь повторения трагедий, связанных с гибелью тысяч россиян в результате террористических актов, порождают анекдоты о сложных условиях выживания при неприязненном отношении друг к другу:

Захватили террористы-чеченцы самолёт. Один террорист ходит по салону и спрашивает у пассажиров имена. Подходит к девушке и спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Фатима, – отвечает она

Чеченец расчувствовался и говорит: Мою покойную мать звали Фатима. Ты будешь освобождена, как только мы прилетим в аэропорт!

Подходит к молодому человеку, сидевшему рядом, спрашивает имя, а тот отвечает: Меня зовут Иван, но друзья Фатимой называют!

– Где твой сын, Абдурахман?

– В Москву улетел.

– Одного отпустил?

– Одного.

– Не боишься?

– А чего бояться? За ним, говорят, вся московская милиция присматривает. Днем и ночью глаз с него не сводят.

Иронично-снисходительное отношение к представителям сельской прослойки российского социума вызывается опасением, что их энергичность и напористость в преодолении социальных барьеров способны создать конкуренцию для городского – более образованного, интеллектуального – населения России. Поэтому в анекдотах преднамеренно формируется образ недалекого, малограмотного, но уверенного в себе «деревенщины», который ложно интерпретирует и высокомерно оценивает неизвестные ему явления городской жизни:

Выбился мужик в люди. Приезжает в родную деревню... Обступают его селяне... Щупают костюм... Ткань крутая, фасон крутой...

– Где костюмчик-то справил?

– Да... в Париже...

– А далеко ентот Париж-то?

– Да тыщи две верст будет...

– Надо же, такая глухомань, а так шьют хорошо...

Мужик из деревни прокатился в Москву и по приезду собрал своих деревенских делиться впечатлениями. Ну, в общем, про то, да про се, и под конец рассказал о том, что посетил "Сексшоп".

– Так интересно! Там бабы резиновые продаются!
А одна из самых языкастых деревенских теток спрашивает:
– А мужики там резиновые есть?
Мужик ей так серьезно отвечает:
– Не, мужиков резиновых там не было. Может, не завезли? Зато запчастей к ним – до хрена!

Наименее частотными в нашем материале оказались анекдоты из религиозной сферы, рефлектирующие страх и недоверие по отношению к представителям другой – не титульной – конфессии, причем в основе этого недоверия лежат наиболее распространенные пороки, приписываемые священникам чужой веры (мздоимство, прелюбодейство, обман и т. д.), что заставляет усомниться в истинности их вероучения и преданности церкви:

Идут священник и милиционер, видят – дерутся двое. Милиционер хотел разнять, поп его удержал:

– Ещѐ не время, сын мой, подожди.
Те двое уже убивают друг друга, поп всё удерживает милиционера.
Наконец один из драчунов падает замертво.

Священник – милиционеру:
– Теперь пора, сын мой. Идѐм. Один твой, другой мой!

Сельский поп молится богу: *Боже, почему всё так несправедливо? Я, Твой слуга, воздаю Тебе молитвы денно и ночью и живу в бедности, а эти грешники и безбожники понастроили тут дома и гаражи и вообще купаются в роскоши! Почему, о Боже?*

Голос с неба: *Потому что они меня не достают своими молитвами.*

– Батюшка, алкоголь – враг здоровью?
– Враг.
– А почему вы его потребляете?
– А как сказано в Писании: "Возлюби врага своего".

Таким образом, предубеждения как прототипические концепты этнического, классового, гендерного, профессионального неравенства вербализуются в интолерантном дискурсе. Семиозис предубеждения складывается из системы *знаков-алиенаторов*, выполняющих роль негативных ярлыков и прозвищ, маркирующих стереотипические представления доминантной ин-группы о маргинальной аут-группе. Знаки-алиенаторы не однородны по своему составу и могут быть классифицированы в соответствии с градуальной шкалой интенсивности языковой агрессии: знаки-денигративы (*antilocution signs*), знаки-сепаративы (*avoidance signs*) и знаки-дискриминативы (*discrimination signs*), которые соответственно актуализируют низкую, среднюю и высокую степени коммуникативной агрессии. Нейтрализация языковой агрессии осу-

ществляется в смеховых (карнавальных) жанрах интолерантного дискурса, а именно в речевых жанрах безобидной насмешки (*harmless joke*) и уничижительного анекдота (*abusive anecdote*).

Наиболее остро социальная конкуренция представлена в гендерно ориентированных насмешках, авторами которых оказываются мужчины, а основным объектом – женщины, что свидетельствует о боязни мужчин потерять доминирующие социальные, профессиональные, институциональные и прочие позиции из-за неуклонного выдвигания женщин на ключевые социальные роли (главы государств, правительства, министерств, корпораций, учреждений науки и т. п.)

Частотными оказались профессионально ориентированные насмешки (шутки про милиционеров и военных). Среди отмеченных нами текстов данного речевого жанра наиболее частотно представлены такие, в которых ярко вербализованы опасения социума по поводу отсутствия компетентности, должного образования, смекалки, необходимых для исполнения профессиональных обязанностей.

Дискурсивная модель нейтрализации социальных фобий, порождающих предубеждения (*bias*), базируется на этносоциальных и/или индивидуальных пресуппозициях рационального характера. Их вариативность определяется индексами опасности (*danger*) / безопасности (*security*), приписываемыми представителями ин-группы членам аут-группы в рамках интолерантного дискурса. Алиенация представителей аут-группы нейтрализуется средствами интолерантного дискурса разной степени коммуникативной агрессии.

Л и т е р а т у р а

1. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник / гл. ред. А. Асмолов. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 8–18.
2. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Ноосфера иноязычных предубеждений [Текст] / Т.Н. Астафурова, А.В. Олянич // Культура народов Причерноморья. – Научный журнал НАН Украины, Национального Таврического университета им. В.И. Вернадского. – № 137 Т. 1. Симферополь, 2008. – С. 7–10
3. Енина Л.В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // www.inguk.ru/biblio/multi/2_enina.html
4. Заболотная Г.М., Шило И.Н. Толерантность и доверие – социальные ориентиры современного общества // Вестник ТГУ. – 2003. – № 1. – С. 102–105.
5. Крысин Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – С. 458–463
6. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54
7. Сорокин Ю.А. Вербальное и невербальное поведение с этнопсихологической точки зрения // Языки и культура. – М., 1987. – С. 84–110.

8. *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.
9. *Сорокин Ю.А.* Речевые маркеры этнических институциональных портретов и автопортретов (Какими мы видим себя и других) // Вопросы языкознания. 1995. № 6.
10. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Коллективная монография. – Екатеринбург, 2003. – 560 с.
11. *Allen I.L.* Unkind Words: Ethnic Labelling: from Redskin to WASP. – NY-Westport-London, 1990. – 115 p.
12. *Allen I.L.* The Language of Ethnic Conflict. – Columbia University Press, 1983. – 80 p.
13. *Allport G.Y.* The Nature of Prejudice, Cambridge, 1955.

Личностный смысл: результат познания или внешнего воздействия?

© доктор филологических наук И.А. Бубнова, 2010

Проблема понимания – одна из тех проблем, обсуждение которой не прекращается в течение тысячелетий. Причем, в отличие от многих других вопросов, которые интересуют исключительно представителей какой-то одной отрасли науки, о понимании размышляют ученые, работающие в самых разных областях научного знания. Более того, понимание – это вечная тема, над которой в той или иной степени задумывался каждый человек. Не зря А.А. Брудный метко заметил: «Если когда-нибудь будет написан гимн для всего человечества, в нем, наверное, будут слова: “Понимание, понимание превыше всего” <...> Понимание необходимо. И его всегда недостаточно» [Брудный 2005: 3]. Вероятно, в этом кроется объяснение стремительному росту числа исследований, в которых делаются все новые попытки разработать теорию понимания, способную помочь человеку познать и понять себя, других и мир, окружающий его.

Исследование феномена понимания в лингвистике, и не только в ней, неразрывно связано с изучением процессов понимания текста, выступающего тем семантически значимым пространством, которое объединяет реальную действительность, окружающую человека, и его внутренний мир, в большей или меньшей степени похожий на мир реальный, но никогда не повторяющий его полностью.

Сложностью и многосторонностью процесса понимания как объекта исследования объясняется существование разнообразных подходов к его изучению: философского [Автономова 1988; Павиленис 1986; Налимов 1989 и др.], синергетического [Пригожин 2000; Налимов 2002 и др.], психологического [Жинкин 1982; Зимняя 2001; Клацки 1978; Хофман 1986 и др.], психосемантического [Петренко 1988 и др.], семиосоциопсихологического [Дридзе 1984], когнитивного [Найссер 1981; Нишанов 1987 и др.], с позиций герменевтики [Богин 1982, 1984; Брудный 2005], психолингвистического [Горелов 2003; Залевская 2005; Леонтьев А.А. 2001; Сахарный 1989; Сорокин 1985 и др.].

Каждая из вышеназванных наук выделяет в общей проблеме понимания собственный, характерный для нее предмет, который определяется как конкретными задачами, стоящими перед данной областью научного знания, так и ее базовыми теоретическими постулатами.

Не является исключением в этом смысле и психолингвистика. Прежде всего, как отмечает Ю.А. Сорокин, посвятивший вопросам смысло-

вого восприятия текста значительное количество своих публикаций (см., например: [Сорокин 1979, 1982, 1985, 1991 и др.]), «целесообразно считать сугубо психолингвистическими те работы, в которых рассматривается (теоретически и прагматически, в рамках определенного понятийного аппарата) по крайней мере взаимодействие диады “реципиент – текст”, причем реципиентом не является сам исследователь» [Сорокин 1985: 9]. Другая важная черта современного психолингвистического подхода заключается в том, что, в отличие от философских либо лингвистических концепций, строящих свои модели на основе логических рассуждений, он опирается на выработанное в отечественной психологии понятие смыслового восприятия, которое, «включая в себя осмысление и предполагая работу памяти, является сложной перцептивно-мыслительно-мнемической деятельностью» [Зимняя 1976: 7]. Иными словами, процесс понимания текста может быть представлен как построение в сознании реципиента определенного мыслительного конструкта, содержание которого обусловлено, по крайней мере, тремя важными факторами.

Во-первых, реконструкция содержания как операции над формой с целью «извлечения смысла» непосредственно связана с индивидуально-специфическими особенностями когнитивной деятельности. Такая деятельность может заключаться как в соотношении воспринятой информации с готовыми смысловыми стереотипами, так и представлять собой аналитический процесс вывода нового знания в процессе переструктурирования отношений внутри мыслительного поля («анализ через синтез» в определении С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн 1989]). (См. об этом также: [Брушлинский 1979]). Во втором случае усвоение содержания не ограничивается выделением главного с некоторой предзаданной позиции, т. е. стереотипа. Дальнейший анализ позволяет реципиенту изменить свою первоначальную точку зрения относительно содержания текста, что, в свою очередь, приводит к выделению новых сторон и к новому синтезу, обеспечивая, таким образом, глубину проникновения в смысл и развитие познания. Одновременно с анализом вербального сообщения происходит учет невербальной информации, которая часто воспринимается на подсознательном уровне, но, тем не менее, вносит свои коррективы в процесс построения ментальных репрезентаций транслируемого содержания.

Во-вторых, из сказанного выше очевидно, что первоначальное восприятие текста зависит от широты набора схем, стереотипов и представлений, хранящихся в памяти субъекта. Именно эти «когнитивные совокупности знаний и представлений» (термин В.В. Красных), выработанные на основе прошлого опыта деятельности, позволяют ему сформировать сначала установочную ориентацию (предзаданную позицию)

относительно будущего сообщения, и уже затем соотнести полученный сигнал «с единицами наглядного кода внутренней речи (УПК) и с результатами отражения ситуации в момент общения» [Горелов 2003: 64].

Третьим важным фактором является то, что набор схем, представленных в индивидуальном сознании, или, другими словами, индивидуальную когнитивную базу, невозможно определить как полностью субъективное образование. Несмотря на то, что опыт каждого человека в известной степени индивидуален, а развитие различных психических функций, свойственных человеку, начинается на натуральной стадии, структура личности, конкретные формы личностного развития в целом определяются культурой и социумом. Более того, основой всего этого процесса, его главным опосредующим фактором, как указывал еще Л.С. Выготский, является речь, несущая знаки, обусловленные социально [Выготский 2004].

Именно совокупность этих факторов в конечном итоге и определяет выбор единиц из сложившегося в сознании личности индивидуального «образа мира», которые затем становятся основой для построения ментальной репрезентации смысла воспринимаемого текста. Иначе говоря, решающее влияние на понимание оказывает содержание языкового сознания личности или ее «образ мира», через призму которого человек декодирует услышанное либо прочитанное.

Если согласиться с тем, что адекватное понимание смысла любого текста зависит от «образа мира» человека, то в этом случае исследование проблемы понимания непосредственно связано с исследованием значения слова как единицы индивидуального сознания. Прежде всего, рассмотрение значения в таком ракурсе позволяет увидеть в нем и средство «выхода на личностно переживаемую индивидуальную картину мира во всем богатстве ее сущностей, качеств, связей и отношений, эмоциональных нюансов и т. д.», и средство «соотнесения личностных картин мира, для чего необходима общепринятая системность значений слов, разделяемая социумом и выступающая в качестве инварианта» [Залевская 2005: 231–232]. Но не менее важно и то, что предложенная А.А. Залевской концепция значения полностью коррелирует с трактовкой «образа мира» как системы значений [Леонтьев 1983], согласно которой данный образ является интегральным идеальным продуктом работы сознания, формирующимся в ходе постоянных трансформаций чувственных образов в значения и смыслы в соответствии с общественно-исторической практикой и личным опытом субъекта деятельности. Именно такой «образ мира», наполняясь значениями, представляет познанные человеком объективные связи, определяет глубину понимания отдельных явлений внешнего мира и, в конечном итоге, его целостное видение действительности.

Психолингвистический подход к слову как достоянию сознания человека позволяет представить процесс образования субъективного значения как процесс осмысления различных феноменов, событий и ситуаций действительности, называемых словом. В основе развития такого значения лежат представления, включающие в себя продукты всех когнитивных процессов человека и являющиеся ментальными репрезентациями реального содержания тех видов деятельности, субъектом или объектом которой становится личность в течение жизни. И в этом отношении формирование субъективного значения соотносимо с извлечением смысла текста, с той лишь разницей, что в данном случае в роли текста выступает определенный фрагмент деятельности, встроенный в общий культурный и социальный контекст.

Представляется, что особого внимания в данном случае заслуживает процесс формирования субъективного значения слов группы абстрактной лексики, куда традиционно относят два класса имен: событийные (пропозитивные) и признаковые [Арутюнова 1976; Всеволодова 2000; Кацнельсон 1972].

Имена событийные выключают в себя названия событий, процессов, действий, состояний. К признаковым именам относятся названия качеств (деадъективы), признаков (качественных и количественных), параметрических единиц (временных, пространственных и других), сфер человеческой деятельности и конкретных ее областей, а также названия абстрактных понятий, включающих: а) философские категории и их конкретные проявления; б) разного рода качественные характеристики действий, предметов и явлений; в) гносеологические понятия [Всеволодова 2000].

Отличительной чертой всех этих абстрактных существительных является то, что они относятся к лексике с сигнификативно-денотативным либо чисто сигнификативным типом знакового значения. Такие имена не обозначают предметы в буквальном смысле слова, а значительное их число, в противоположность конкретным, обозначают понятия, относящиеся к миру человека, к умственным, нравственным, психическим, социально-нормативным сферам деятельности, представляя собой в подавляющем большинстве опредмеченные признаки. Двучастный характер их семантики позволяет совмещать в их смысловой структуре разные по степени абстракции значения, одно из которых образовано на сигнификативной, а другое – на денотативной основе логико-предметного содержания. Собственно такой характер абстрактной лексики дает основания для следующего вывода: «Абстрактное имя представляет собой высшую форму ментальной деятельности человека, поскольку оно обобщает такие стороны материальной действительности

(они могут и противоречить друг другу), которые, хотя и присущи ей, в самой действительности ничем, кроме имени, не объединены» [Чернейко 1997: 66–67].

С точки зрения психолингвистики основное различие между конкретной и абстрактной лексикой заключается в типе обобщения, а точнее – в тех психических механизмах, которые стоят за операцией обобщения. Специфика абстрактного имени заключается в том, что явления, стоящие за ними, относятся к совершенно другому уровню реальности, чем явления, стоящие за именами конкретными, а образование значения такого имени в сознании является результатом особого вида когнитивной деятельности. Можно предполагать, что именно этот вид деятельности имел в виду Л.С. Выготский, когда писал: «Абстракция и обобщение мысли принципиально отличны от абстракции и обобщения вещей. Это не дальнейшее движение в том же направлении, не его завершение, а начало нового направления, переход в новый и высший план мысли» [Выготский 2004: 937]. Но главное отличие этой группы имен состоит в том, что данные абстракции не являются именами вещей или простыми отвлечениями, это – «имена сложных ситуаций» [Филлмор 1983: 119]. В этих ситуациях в общем пространстве объединяются разнородные идеи, причем, как отмечает Л.О. Чернейко, все эти ситуации расположены в разных местах на шкале абстракции, что объясняется большей или меньшей ясностью и отчетливостью выделяемых признаков [Чернейко 1997].

Абстрактные имена, по Локку, существуют скорее в мыслях людей, чем в действительности, но они возникают как объединение коллективным разумом в одну идею многих реально существующих, но ничем не связанных в физическом мире, вещей. Эта идея, сформированная отношением разума к физическим вещам, представляет собой некий культурный эталон, используемый в данном социуме в качестве меры (цит. по: [Чернейко 1997]). Поэтому вряд ли является случайным тот факт, что, несмотря на расплывчатость словарных дефиниций таких слов как *достоинство*, *нравственность*, *мораль* и др., эти идеи не просто осознаются. В отличие от объективных законов природы и мышления, познаваемых людьми, деонтология и аксиология создаются ими, причем люди целенаправленно и осознанно формулируют основы норм поведения, которые рассматриваются обществом как необходимое условие его существования. Это позволяет говорить о «вещности» абстрактных имен в реальном мире, о наличии у них некоего «материального субстрата», заключенного, как представляется, в деятельности и конкретных

действиях людей, результаты которых постоянно обобщаются в мыслях и отражаются в языке.

Таким образом, в психолингвистическом аспекте возможно говорить о двойной сущности абстрактного имени. С одной стороны – это дискретный феномен, системная единица языка, значение которой сохраняется в когнитивной базе, представляющей собой определенным образом структурированную совокупность знаний и национально-детерминированных минимизированных представлений какого-либо национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все его представители (см. об этом: [Красных 2001]). С другой стороны – это континуальный процесс смыслообразования, происходящий на всех уровнях обобщенности информации, опосредованный индивидуальной системой мотивов и обусловленный участием человека в различных видах деятельности. Результатом этого процесса является определенное лишь в какой-то момент жизни человека субъективное значение слова как единица индивидуального когнитивного пространства или индивидуального лексикона.

Понимание абстрактного имени с таких позиций позволяет предполагать, что его сущность в индивидуальном сознании может изменяться как в ходе деятельности самого человека в результате все более глубокого проникновения и познания сути вещей, так и под воздействием определенного рода, которые в рамках классической семантики обозначаются как денотат. Однако денотат абстрактного имени имеет отличную от денотатов конкретных и отвлеченных имен природу. Это феномен другого порядка, имеющий физическую основу в действительности в виде материальных видов деятельности или класса объектов, которые познаются в мыследеятельности путем абстрагирования и комбинирования свойств, ситуаций, связей, отношений, наблюдаемых в жизни [Комлев 2003]. В рамках психолингвистического подхода к значению такой денотат может быть обозначен как прототипический, представляющий собой некий «каркас» как набор свойств прототипического денотата, которые характеризуют центральные случаи употребления слова и фиксируются в словарных описаниях. Несмотря на диффузность такого рода денотата, он, тем не менее, должен отражать общую когнитивную базу, разделяемую определенным культурным сообществом, т. к. только наличие общего смыслового пространства дает возможность человеку говорящему воспринимать явление, называемое словом, в качестве такового.

Однако проблема формирования прототипического денотата может быть рассмотрена и под другим углом зрения: с точки зрения тех внут-

ренных причин, которые обуславливают варьирование означаемого у одного и того же означающего. И в этом случае в фокусе внимания оказывается тот факт, что данный тип денотата характерен именно для групп лексики, значения которых явно соотносятся со сферой общения и связаны с социальными аспектами «образа мира».

Выше уже отмечалось, что нормы поведения формируются обществом, и каждый отдельный человек вынужден считаться с «навязываемыми» ему законами. Причем спектр этих «навязываемых» норм достаточно широк. Как справедливо указывает Е.Ф. Тарасов: «Человеческие ценности, социальные типы (социальные роли), социальные стереотипы поведения, образы и стили жизни, социальные мифологемы – это представления, конструируемые в социуме для маркирования и регулирования социальных отношений. <...> значения слов, маркирующие отношения людей, складывающиеся в ходе общения членов социума, детерминированы социальным произволом субъектов общения, т. е. значение этих слов – результат социального конструирования» [Тарасов 2009: 52].

Объяснение тому, каким образом гипотезы о познаваемом объекте, которые индивид строит в своем сознании на поверхностном уровне его восприятия, и знания о сущности объекта, формируемые человеком уже на ядерном уровне, ограничиваются искусственно сконструированными правилами социального взаимодействия, как и объяснение процесса развития субъективного значения, дает общепсихологическая теория деятельности, точнее – «эвристический принцип» организации речевой деятельности, сформулированный в работах А.А. Леонтьева. Более того, данный принцип позволяет объяснить:

1) процесс «передачи» требуемых знаний от говорящего к слушающему и роль в этом процессе знаний языкового сознания;

2) частичную адекватность значений языковых знаков, используемых в коммуникации, неязыковым знаниям, хранящимся в сознании человека;

3) существование «приемлемого» (термин Е.Ф. Тарасова) уровня индивидуальности понимания, границы которого определяются необходимостью осуществления совместной деятельности.

Заявленная сегодня в психолингвистике необходимость исследования содержания социальных аспектов «образа мира», т. е. содержания языкового сознания, ассоциированного с лексическими единицами, конструируемыми в условиях социального контроля [Тарасов 2009], прежде всего связана с растущим беспокойством ведущих отечественных ученых, отмечающих, что в сознании сегодняшнего российского социума активно закрепляются ценности западного мира, в корне отличающиеся от ценностей славянской культуры.

В значительной мере такому положению дел способствуют агрессивная политика СМИ, отсутствие государственной идеологии и, как следствие, отсутствие национальной идеи. Вряд ли вызывает сомнение, что модели поведения, которые предлагаются в многочисленных реалити-шоу с экранов телевизоров и с журнальных страниц, не просто обесценивают такие понятия, как *дружба, семья, любовь, честь, слава, порядочность, добро* и многие другие, составляющие ядро сознания нации. Они изменяют «образ мира» в целом, упрощая жизнь и внедряя в сознание массового человека миф о вседозволенности и возможности достижения личных целей без оглядки на вековые традиции народа. Экспериментальные данные показывают, что к настоящему времени значение данных слов как единиц индивидуального сознания молодых людей постоянно изменяется, и их содержание часто не соответствует тем ценностям, которые на протяжении многих столетий транслировались нашей культурой [Бубнова 2008]. Более того, такие слова как *стыд, честь, совесть* являются для значительной части молодежи семантически пустыми, а их значения осознаются либо через внешние проявления, либо связываются с образами далекого прошлого (например, *стыд – красные щеки, честь – гусары* и т. д.) [Бубнова 2009]. Не менее тревожным кажется тот факт, что, с одной стороны, многие стереотипы-представления, носившие для русских ранее явно негативный характер, воспринимаются молодыми людьми с одобрением, а, с другой – определенная доля прецедентных феноменов, входящих в национальную когнитивную базу, остается для них непонятной.

Трансформирование субъективных значений слов, составляющих «каркас» образа мира нации, «уход» из когнитивной базы национальных прецедентных феноменов и их замена на стереотипы и прецедентные феномены, не связанные с нашей культурой – это свидетельство изменений в «образе мира», формировавшегося всей нашей историей. Без сомнения, изменение существующего положения вещей требует усилий многих государственных структур. Что касается психолингвистики, то исследования процесса формирования смысла значений слов, относящихся к сфере общения: моральных и этических ценностей, стереотипов поведения, предрассудков и т. д., может помочь не только глубже изучить содержание индивидуального значения и те его компоненты, которые играют ведущую роль в понимании текста. В этом случае, как представляется, возможно выявить действительную степень субъективности значения и проследить, что на самом деле оказывается главным фактором, опосредующим содержание слова как единицы индивидуального лексикона и влияющим на понимание феномена, им обозначаемого – особенности индивидуальных когнитивных процессов или целенаправленное влияние извне.

Л и т е р а т у р а

1. *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность: Монография. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
3. *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 30 с.
4. *Богин Г.И.* Филологическая герменевтика: Учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 86 с.
5. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика – М.: Лабиринт, 2005. – 336 с.
6. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. – М.: Мысль, 1979. – 230 с.
7. *Бубнова И.А.* Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект). – Дис. ... д.ф.н. – М., 2008. – 451 с.
8. *Бубнова И.А.* Универсальное и национально-специфическое в значении слов, обозначающих нравственные понятия // Культура как текст. Сб. науч. ст. – Вып. IX. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2009. – С. 105–115.
9. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
10. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. – С. 41–191.
11. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. – С. 208–548.
12. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. – С. 664–952.
13. *Горелов И.Н.* Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
14. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии: Монография. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
15. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 157 с.
16. *Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
17. *Зимняя И.А.* Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука, 1976. – С. 5–33.
18. *Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
19. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
20. *Клацки Р.* Память человека: структуры и процессы / Пер. с англ. – М.: Мир, 1978. – 319 с.
21. *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 192 с.
22. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
23. *Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.
24. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х томах. – М.: Педагогика. – Т.2. – с.
25. *Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
26. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. – 289 с.

27. *Налимов В.В.* Самоорганизация как творческий процесс: философский аспект // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 143 – 156.
28. *Нишанов В.К.* Феномен понимания – когнитивный подход. – ИНИОН АН СССР, 1987. – №30993.
29. *Павленис Р.И.* Язык, смысл, понимание // Язык. Наука. Философия. – Вильнюс, 1986. – С. 240 – 263.
30. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания: Монография. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.
31. *Пригожин И.Н.* Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.
32. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – Т.1.: М.: Педагогика, 1989. – 486 с.
33. *Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику: Курс лекций. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
34. *Сорокин Ю.А.* Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – С. 61–74.
35. *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста: Монография. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
36. *Сорокин Ю.А.* Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик // Текст лекций «Введение в психолингвистику». – М.: Моск. гос. лингвистич. ун-т, 1991. – Т.2. – С. 30– 56.
37. *Сорокин Ю.А.* Смысловое восприятие текста и библиопсихология // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения: Коллективная монография. – М.: Наука, 1979. – С. 234–323.
38. *Тарасов Е.Ф.* Социальные аспекты формирования языкового сознания // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тез. докл. Москва, 15 – 17 июня 2009 г. / Ред.коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв.ред.), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. – М.: Изд-во «Эйдос», 2009. – С. 51–56.
39. *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – Вып. 12. – С. 74–122,
40. *Хофман И.* Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.
41. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 320, с. 66–67

О проблемах описания прецедентных имён в китайскоязычном дискурсе

© Н.Н. Воронаев, 2010

Настоящая работа посвящена проблемам изучения прецедентных имён (ПИ) и других прецедентных феноменов (ПФ) в китайскоязычном дискурсе (КД).

Под ПИ мы вслед за Д.Б. Гудковым, В.В. Красных и другими понимаем «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией» [Гудков 2003: 108; Красных 2003: 197].

Уточняя данное определение применительно к нашему исследованию, ПИ КД мы называем индивидуальные имена широко известных людей и персонажей из произведений авторской художественной литературы и разных видов искусства, народного творчества, мифологии, а также наименования широко известных исторических или вымышленных событий (часто выраженные фразеологизмами или словесными клише), индивидуальные имена, являющиеся наименованиями эмоционально и когнитивно значимых для носителей китайского языка объектов материальной и духовной культуры Китая (индивидуальные названия единичных произведений разных видов искусств, названия единичных архитектурных сооружений и других единичных творений человека, топонимы и онимы прочих видов), которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, явления, предмета и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определённых качеств, событий, судеб в «целях обогащения идейно-проблемного содержания произведения, наращивания его духовного заряда, увеличения воздейственной эстетической и этической мощи. Роль ПИ состоит в указании на особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения, читателя, эпохи» [Караулов 1987: 230].

В процессе коммуникации ПИ актуализируется посредством дифференциальных признаков данного ПИ. Отличительной особенностью функционирования ПИ является его способность употребляться в качестве «сложного знака», обладающего, помимо простого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем «предмета» [Красных 2003: 203].

ПИ – один из четырёх прецедентных феноменов (ПФ), которые выделяют Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Ю.А. Сорокин и другие отечественные исследователи. Кроме ПИ, к ПФ относят прецедентные тексты (ПТ), прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные высказывания (ПВ). Все ПФ взаимосвязаны и актуализируют друг друга. «Прецедент помнит о своём употреблении. Автоматическое предъявление прецедента ведёт к активации того контекста или смежных лексических групп, на пересечении которых стоит это “слово”. Иными словами, прецедент может характеризоваться большим или меньшим, синхроническим или диахроническим расстоянием. Прецедент – это свёрнутая, очень обобщённая ассоциация, которая помнит о себе и о своих соседях» (Ю.А. Сорокин) [Сорокин и др. 1998: 27]. ПФ являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке, и хранятся в ней в виде национально детерминированных минимизированных представлений. По степени их известности ПФ делятся на универсально-прецедентные, известные любому современному индивиду, социумно-прецедентные, которые известны любому среднему представителю того или иного социума, а также национально-прецедентные, которые известны любому представителю определенного лингвокультурного сообщества. Среди ПФ выделяются собственно вербальные: прецедентное имя и прецедентное высказывание, а также вербализуемые: прецедентный текст и прецедентная ситуация.

Национально-культурный компонент коммуникации формируется в процессе социализации личности, входит в культурную компетенцию коммуникантов и определяет национальную специфику коммуникации. По словам В.В. Красных, «национально-культурный компонент обуславливает национальную специфику ментально-лингвального комплекса представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества, то есть определяет особенности национального (языкового) сознания, особенности того, что хранится в сознании человека говорящего и проявляется в коммуникации» [Красных 2003: 154-158]. Одним из проявлений таких особенностей и являются прецедентные имена.

ПИ выражают ценностные ориентации лингвокультурного сообщества, входят в его языковой фонд, что отражается в различных словарях. Запас ПИ КД представляет собою ярко маркированную стилистически, эстетически, культурологически, социально, идеологически подсистему языковой картины мира носителя китайского языка.

В настоящей работе мы делаем попытку рассмотреть базовые национально-прецедентные имена китайского культурного пространства,

которые в процессе межкультурной коммуникации зачастую становятся камнем преткновения. В силу длительной истории Китая и литературной традиции в китайской культуре сформировался огромный конгломерат ПТ и ПС, имеющих обширнейшую аккредитацию в современном КД в виде разного рода фразеологизмов, ПИ, ПВ и т. п. Многие ПИ КД имеют историю употребления в КД длительностью несколько сотен лет, а некоторые более двух тысяч лет, и, превратившись в символы, стали единицами словаря сами по себе или в составе фразеологических единиц.

Общепризнанным можно назвать в настоящее время положение о том, что владение собственно вербальным кодом того или иного языка, правилами его использования не является достаточным условием успешной межкультурной коммуникации. Овладение основами социокультурного кода того сообщества, на языке которого происходит общение, является тем звеном, отсутствие которого нередко порождает коммуникативные неудачи. И, как справедливо замечает Г.В. Денисова, «языковая компетенция неизбежно переплетается с энциклопедическими знаниями и без последних нередко оказывается простой фикцией» [Денисова 2003: 146].

В массиве научной литературы на китайском языке нам удалось обнаружить ряд работ, так или иначе касающихся изучаемой нами проблематики [Chang 1995; Chen 1999; Fudan 2002; Yang 1999 и др.].

Прежде всего, хотелось бы сказать о словаре «Прецедентные персонажи и события в китайской культуре». Составитель данного словаря – Чэнь Сяньчунь [Chen 1999]. Словарь адресован иностранцам, изучающим китайский язык. В словаре описано 60 прецедентных персонажей-референтов ПИ и 60 прецедентных событий китайского культурного пространства, то есть всего 120 единиц. В предисловии к словарю автор излагает некоторые теоретические положения относительно описываемых в словаре единиц. По-китайски название словаря записывается следующим образом (здесь и далее для записи слов китайского языка используется стандартный алфавит *ханьюй пиньинь*): “Zhongguo wenhua zhong de dianxing renwu yu shijian” ‘Канонические персонажи и события в китайской культуре’. Слово *dianxing* ‘канонические; типичные’ в названии данного словаря мы считаем правомерным переводить на русский язык как «прецедентные». Дело в том, что, во-первых, значение слова *dianxing*, например, в «Большом китайско-русском словаре» под редакцией И.М. Ошанина (БКРС) передаётся на русский язык следующей статьёй:

dianxing 1) [классический, типичный, характерный, идеальный] образец; [классический, характерный] тип; [классический, типичный, характерный] пример; типичный представитель; идеальная модель; идеал; эталон 2) иск. образ; тип; воплощение; олицетворение 3) типичный; классический; образцовый; идеальный; показательный; примерный; характерный; канонический 4) старинный (исконный) закон; древние [образцы для] руководства [БКРС 1984, том 4: 657]

Во-вторых, размышления Чэнь Сяньчунь в предисловии к словарю ясно показывают, что автор словаря говорит о ПФ китайского культурного пространства почти в том же ключе, в каком понимаем их мы вслед за российскими учёными В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и другими. В частности, Чэнь Сяньчунь пишет, что «имена некоторых людей могут представлять некий тип людей. В таких случаях, эти имена уже не обозначают каких-то конкретных людей-носителей этих имён, но обозначают подобный им тип людей. Такие превращения суть феномен культуры, который отражает историю определённого общества и его современное состояние, а также отражает культурную психологию людей, живущих в данном обществе [Chen 1999: 1].

Таким образом, эта работа явилась, по сути, отправной точкой нашего исследования: описываемые автором шестьдесят ПИ (антропонимов) и некоторые наименования шестидесяти ПС китайского культурного пространства мы приняли за базовый арсенал ПИ КД.

В своей работе Чэнь Сяньчунь даёт терминологические обозначения двух ПФ: прецедентные персонажи [имена] (*dianxing renwu*) и прецедентные события [ситуации] (*dianxing shijian*).

Учитывая тесную взаимосвязь между всеми ПФ, а также центральное среди них положение исследуемых нами ПИ, нам представляется необходимой выработка чёткой классификации всех ПФ КД для их дальнейшего комплексного изучения. Для этого также необходимо обеспечение терминологического соответствия и на китайском языке. Здесь следует отметить, что в этой сфере лексики китайского языка существует ряд единиц, которые также подпадают под понятие ПИ, однако именами людей или человекоподобных существ не являются. Например, словосочетание из ПТ классического романа «Путешествие на Запад» *jīn gū zhōu* (заклятие «крепко сожми» (которым танский монах Сюаньцзан сжимал железный обруч на голове царя обезьян Сунь Укуна, чтобы привести его к повиновению; по роману «Путешествие на Запад»); обр. в знач.: помеха, пути) [БКРС 1984, т. 4: 821]. Или словосочетание *qū jīng* (1) ист. добывать сутры (канон, из Индии - о монахе Сюаньцане); 2) перен. обращаться за опытом, идти на выучку (в

учение); *учиться; перенимать знания* [БКРС 1984, т. 3: 967]. Термин *dianxing genwu* здесь не подходит из-за компонента *genwu* 'личность; лицо; человек; фигура; персонаж; действующее лицо'. По сути единицы подобные *jin gu zhou* и *qi jing* являются вербальными представителями в КД ПТ, ПИ и ПС. Это одновременно и ПВ и ПИ (наименование волшебного предмета в первом случае и наименование ПС – во втором). Мы полагаем, что такие единицы в рамках нашего исследования следует обозначать термином традиционной китайской филологии *дяньгу* (*diangu* 'классический прецедент').

Стоит отметить, что и китайские лингвисты и лексикографы включают некоторые ПИ в словари *дяньгу*. Например, авторы «Малого словаря зарубежных дяньгу» [Lin 2004: 1] включили в словарь такие ПИ, как *Афродита, Аладдин, Отелло, Франкенштейн, Гамлет, Квазимодо, Гаргантюа, Волшебная лампа Аладдина* и много других. А в «Словаре часто используемых дяньгу» [Yu 2007: 67] и в словарь «Дяньгу Китая» [Li 2007: 21] вошли ПИ *Пастух и Ткачиха (Нюлан, Чжинюй)*. Авторы словаря «Русское культурное пространство» такие единицы как *Волшебная палочка, Живая вода, Золотой ключик, Скатерть-самобранка, Шапка-невидимка* и т.п. также относят к ПИ [Брилёва и др. 2004: 177-228]. Поэтому мы предлагаем для обозначения ПИ данного типа использовать термин традиционной китайской филологии *дяньгу*, а также вообще принять его за универсальное обозначение некоторых ПФ КД в сложных пограничных случаях классификации четырёх видов ПФ. Так как термин *дяньгу* имеет длительную историю, то хотелось бы остановиться на нём поподробнее.

Как пишут составители «Словаря часто используемых дяньгу», термин *дяньгу* имеет давнюю историю употребления. Самый ранний случай его использования зафиксирован в книге «*История династии Поздняя Хань – Жизнеописание восточного князя Цана*» (династия Поздняя Хань 25-220 гг. н. э.). Опираясь на результаты своего анализа, авторы словаря заключают, что «термин *дяньгу* обозначает классические примеры и исторические факты (события), прецеденты. В современном языке значение термина *дяньгу* расширилось, сейчас этим словом обозначают все встречающиеся в дискурсе высказывания и наименования исторических событий из древней литературы» [Yu 2007: 1].

Опираясь на личный опыт общения с китайцами, можем сказать, что в речи китайцы могут обозначить словом *дяньгу* изображение какого-либо исторического или мифологического сюжета.

Если проанализировать состав многочисленных словарей *дяньгу*, то можно сделать вывод, что все они включают единицы, которые в

своём большинстве 1) носят устойчивый характер и регулярно воспроизводятся в речи; 2) разворачиваются до рамок небольшого текста; 3) всегда связаны с какими-либо известными личностями и событиями (историческими или вымышленными); 4) именуют какое-либо событие (ситуацию, явление).

Учитывая, что не все *дяньгу* являются цитатами, восходящими к определённому литературному источнику, то их неправомерно называть крылатыми словами. Устойчивыми выражениями или фразеологизмами их также нельзя назвать, так как не все единицы описания словарей *дяньгу* употребляются в речи в устойчивом виде. Таким образом, более корректным, на наш взгляд, будет передача названия этого словаря, исходя также из полного анализа слова *дяньгу* (этот анализ мы здесь не приводим), как «Малый словарь прецедентных феноменов зарубежных стран».

Термин *дяньгу* самим своим существованием показывает и доказывает, что интертекстуальность и прецедентность присущи КД с древности. И сейчас этот термин, покрывая все понятия ПФ КД, выделяется нами как базовый элемент терминологической системы теории прецедентности применительно к КД. Причём этот термин релевантен любым дискурсивным манифестациям прецедентного характера и экстралингвистического плана. Здесь мы имеем в виду, что словом *дяньгу* в КД обозначаются как языковые единицы, так и культурные артефакты (например, картины) и исторические события, актуализирующие ПФ КД. В этом мы также убедились после анализа альбома «Редкие китайские народные картины из советских собраний», в котором представлено большое количество картин, актуализирующих ПИ и другие ПФ КД [Гусаров, Сюй 1991] и альбома «Город Таншань», где в предисловии об истории этого города в провинции Хэбэй слово *дяньгу* употребляется с глаголом *fasheng* ‘произойти’: “*Bu shi zhou su*”, “*lao ma shi tu*” *deng diangu dou fasheng zai zheli*. ‘Не желать есть хлеб [династии] Чжоу [и предпочесть питаться папоротником] (образно в значении: оставаться верным свергнутой династии)’, ‘старый конь борозды не испортит (многочисленный)’ и другие исторические события (букв. *дяньгу*) произошли здесь’ [Tangshan 2007: 1]. К разряду *дяньгу* китайские лингвисты также относят и многие широко известные фразеологизмы китайского языка типа *чэньюй* и *гуаньюньюй*.

В настоящей работе мы делаем попытку затронуть вербальные ПФ, то есть ПИ и связанные с ними разного рода фразеологизмы. На данном этапе исследования мы обнаружили, что в основном с ПИ КД связаны фразеологизмы типа *чэньюй* (обычно четырёхсложные образо-

вания, построенные по лексическим и грамматическим нормам старого литературного языка – *вэньянь*) и *сехоуэй* («выражения-намёки» – двучленные предложения, в которых первый член представляет собой иносказание, а второй – метафорическое раскрытие иносказания, в связи с чем такие предложения часто именуются «недоговорками-иносказаниями»).

Представляем следующую систему терминов для анализа и описания ПФ КД на русском и китайском языках.

Прецедентное имя₁ (*dianxing renwu* ‘типичная личность’ [термин для обозначения ПИ, которые являются антропонимами]).

Прецедентное имя₂ (*diangu* ‘классический прецедент; литературный (исторический) намёк’ [предлагаем использовать термин *дяньгу* для обозначения ПИ, являющихся разного рода фразеологизмами или словесными клише, которые в дискурсе вербально представляют (имеют) прецедентные ситуации (мифические, исторические или вымышленные литературные события]).

Прецедентное имя₃ (*wenhua zhuanming* ‘хрематоним/идеоним’ [предлагаем использовать данный термин для обозначения наименований единичных объектов духовной и материальной культуры Китая, а также обобщающих ПИ, представляющих собой фраземы-калькуляции]).

Прецедентный текст (*dian yuan* ‘классический источник’).

Прецедентная ситуация (*dianxing shijian* ‘типичное событие’).

Прецедентное высказывание₁ (*diangu* ‘классический прецедент; литературный (исторический) намёк’, [предлагаем использовать данный термин также для обозначения фразеологизмов китайского языка разных типов и словесных клише, в основе которых лежат культурные, литературные и исторические сюжеты и которые в дискурсе актуализируют прецедентные ситуации, имена и тексты]).

Прецедентное высказывание₂ (*yinwen* ‘цитата; ссылка’ [предлагаем использовать данный термин для обозначения широко известных цитат из литературных произведений и высказываний референтов ПИ]).

Прецедентный феномен (*diangu* ‘литературный (исторический) намёк’, [предлагаем использовать данный термин также для обобщённого обозначения в дискурсе как вербальных, так и невербальных проявлений прецедентных ситуаций, имён, высказываний и текстов]).

Так как большинство рассматриваемых нами в настоящей работе ПИ представлены антропонимами, то далее мы будем употреблять обозначения ПИ₁, ПИ₂ и ПИ₃ лишь в необходимых случаях различения этих феноменов. В основном же будем употреблять обозначение ПИ только в значении ПИ-антропоним.

Покажем действие этой системы на примере ПИ *Чжугэ Лян* (референт ПИ – историческая личность, знаменитый политик, военный специалист, стратег периода Троецарствия Чжугэ Лян (181-234 гг.) и центральный персонаж ПТ КД «Троецарствие», который был написан в 14 веке). Для обозначения понятия ПИ здесь вполне подходит термин *dianxing genwu*. Хотя это историческая личность, однако основной инвариант восприятия данного ПИ «мудрец» и группа поддерживающих это ПИ в дискурсе ПС в основном сформировались в ПТ (*dian yuan*) классическом романе «Троецарствие». Термин ПТ на китайском языке (*dian yuan*) мы заимствуем из «Словаря часто используемых дянью» [Yu 2007: 6]. Напомним, что инвариант восприятия ПТ и ПС не может быть в дискурсе вербальным (то есть не может передаваться одним словом или словосочетанием), он может быть только вербализован (описан устно или письменно минимум несколькими предложениями), но в описаниях этих ключевые эпизоды ПТ и ПС часто будут передаваться с использованием ПИ и ПВ. Итак, ПТ в дискурсе может быть представлен только вербальными единицами: ПИ или ПВ. Например, описанная в главе 95 романа ПС (*dianxing shijian*) в КД вербально представлена ПИ₂/ПВ₁ (*dianyu*) *kong cheng ji 1) ист. манёвр с открытым городом (Чжугэ Лян, оказавшийся без войск в пустом городе перед лицом армии Сыма И, приказал раскрыть городские ворота и подметать улицы; Сыма И, зная хитрость Чжугэ Ляна и боясь попасть в ловушку, отступил; эпоха Троецарствия) 2) театр. «Кун-чэн-цзи» (пекинская муз. драма на тот же сюжет и в театре хірі) 3) обман противника ложной демонстрацией силы (или грозным видом)* [БКРС 1984, т. 2: 80]. Формально выражение *kong cheng ji* китайские и российские лингвисты относят к фразеологизмам типа *гуаньюньюй* (устойчивые словосочетания, построенные по нормам современного разговорного языка; большинство фразеологизмов данного типа состоят из трёх слогоморфем, но существуют и более чем трёхсложные образования). В словаре Чэнь Сяньчунь данная ПС представлена в разделе «прецедентные события» с инвариантом восприятия-дескрипцией *neibu yijing kongxi* 'внутри уже пусто', например: *Gongsі liannian kuisun, cong waibiao kan haishi rangran dawu, shijishang yijing shi chang kong cheng ji le.* 'Несколько лет подряд компания терпела убытки, и хотя со стороны она всё также

кажется гигантом, на самом деле здесь уже поют оперу «Хитрость с пустой крепостью»'. Причём благодаря большой популярности этого эпизода у местных театров на протяжении веков, это выражение известно в Китае каждому и часто употребляется с глаголом *chang* 'нет', поэтому даже про пустой голодный желудок китайцы могут сказать *Duzi chang kong cheng ji le*. 'Живот запел оперу «Хитрость с пустой крепостью»' [Chen 1999: 260]. Есть множество ПИ₂/ПВ₁ (*diangu*), формально относимых к фразеологизмам разного типа и актуализирующих в КД ПИ₁ *Чжугэ Лян*, например: *san gu* [mao lu] трижды посещать [шалаш] (о троекратном посещении Чжугэ Ляна Лю Бэем; образно в значении: настоятельно просить помощи опытного человека, настоятельно приглашать на службу) – фразеологизм типа чэньюй (ПВ₁/ПИ₂) как вербальный представитель ПС, ПИ и ПТ (37 глава романа «Троецарствие»), *Zhuge Liang shi de kong cheng ji – zhi neng yi hui* 'Применённый Чжугэ Ляном манёвр с открытым городом – способ на один раз' и *Zhuge Liang zhu maolu – huai cai bu yu* 'Чжугэ Лян живёт в шалаше – обладая талантами, не имеет случая их использовать' – фразеологизмы типа сехоуэй [Wen 2004: 926].

Мы считаем, что в плане фразеологии китайского языка, чрезвычайно важно определить степень прецедентности фразеологической единицы независимо от вида фразеологизма в реальной коммуникации, и её способность актуализировать важные ПФ КД, и приложить все усилия к овладению ею и связанными с ней фоновыми знаниями исторического и культурного характера. Таким образом, фразеологические единицы, в основе которых лежат историко-культурные сюжеты и которые актуализируют какие-либо ПФ КД, мы предлагаем относить к особому разделу прецедентной фразеологии и обозначать также как ПВ₁ или ПИ₂ (ПИ₃).

Мы уверены, что этот подход поможет усовершенствовать методику преподавания китайского языка, взглянуть на неё по-новому и систематизировать процесс овладения реально коммуникативно и когнитивно ценными единицами, осуществляя тем самым успешную социализацию наших китаистов в китайском лингвокультурном сообществе.

Наши наблюдения показали, что ПИ в КД часто актуализируются посредством фразеологических единиц (ФЕ) китайского языка и часто сами, особенно в характеризующей функции, выступают в роли фразеологизмов. ПИ в составе ФЕ определяют национально-культурное своеобразие языка, и к китайскому языку вполне применима мысль Л.В. Щербы о том, что «языковая сокровищница является неистощи-

мым запасом для всякого рода новаторства. Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее – правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [Щерба 1957: 132].

Общий корпус ФЕ китайского языка содержит большое количество единиц, образованных на основе ПФ (в нашей классификации такие единицы обозначаются как ПИ₂, ПИ₃, ПВ₁, ПВ₂; ниже мы не приводим в качестве отдельных примеров ПИ₁, которые также относим к прецедентным фразеологизмам). Критерий участия ПИ во ФЕ и способность ПИ использоваться для характеристики (то есть выступать в качестве прецедентного фразеологизма) однозначно указывает на высокую степень известности данного ПИ.

На данном этапе исследований можно выделить четыре типа актуализации ПИ КД посредством ФЕ:

1. В дискурсе употребляется фразеологизм, непосредственно содержащий в своём составе ПИ₁.

Примеры:

1.1. ПИ₂/ПВ₁ Yao tian Shun gi ‘времена Яо и Шуня’ (образно в значении ‘золотой век’, ‘век спокойствия и благоденствия’) [БКРС 1984, том 4: 419]. ПИ₁ Яо и Шунь.

1.2. ПИ₂/ПВ₁ Xiao gui Cao sui ‘Сяо устанавливает правила, а Цао им следует’ (образно в значении: а) твёрдо идти по стопам предшественника; б) работать по старинке, упорно придерживаться старых порядков) [БКРС 1983, том 2: 752]. ПИ₁ Сяо Хэ и Цао Шэнь.

1.3. ПИ₂/ПВ₁ Xiao He (yue xia) zhui Nan Xin ‘Сяо Хэ (при луне) догоняет Хань Синя’ (употребляется для характеристики ситуаций, касающихся бережного отношения к талантам, способным (одарённым) работникам) [Li 2007: 248]. ПИ₁ Сяо Хэ и Хань Синь.

2. В дискурсе применяется фразеологизм, в составе которого сами ПИ₁ отсутствуют, но прецедентная ситуация, которую называет и актуализирует ФЕ, связана непосредственно с ПИ и явным образом актуализирует данные ПИ в сознании носителя китайского языка.

Примеры:

2.1. ПИ₂/ПВ₁ gao shan liu shui ‘высокие горы, текущие воды’ (о прекрасной выразительной музыке, по рассказу из «Ле-цзы» о музыканте Боя (Воуа), слушая которого Чжун Цзыци угадывал, когда, играя на лютне, тот представлял себе горы, а когда реки). ПИ₁ Чжун Цзыци и Юй Боя.

2.2. ПИ₂/ПВ₁ tao yuan jie yi ‘дать клятву верности в персиковом саду’ (по преданию, в конце Ханьской эпохи такую клятву дали друг другу Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй и стали названными братьями; образно в значении: стать названными братьями, побрататься) [БКРС 1984, том 4: 498]. ПИ₁ Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй.

3. В дискурсе применяется фразема-калькуляция (в нашей классификации ПИ₃).

Примеры:

3.1. ПИ₃ san Li ‘три Ли’ (три знаменитых поэта эпохи Тан по фамилии Ли: Ли Бо, Ли Шаньинь и Ли Хэ). ПИ₁ Ли Бо, Ли Шаньинь, Ли Хэ [Yuan 2003: 31]. Здесь интересно отметить тот факт, что при опросе информанта-носителя языка по поводу экспликации данной фраземы-калькуляции, информант, сразу же определив первые два элемента (ПИ), испытывала некоторые затруднения с определением третьего ПИ. Этот факт показал, что многие фраземы-калькуляции с ПИ обладают ярко выраженным дискурсивным и когнитивным характером, и ярко показывают специфику ПИ: степень известности у всех ПИ разная и, например, в этой фраземе идёт по ниспадающей. Мы также обнаружили, что, например, в сборнике стихов для детей «300 стихотворений эпохи Тан» [Heng 1993] нет ни одного стихотворения поэта Ли Хэ. Возможно, это совпадение, или составители не нашли ни одного его подходящего стихотворения, так как по ритмике (количеству иероглифов в строке) стихи у Ли Хэ едва ли подходят для детей [Xiao 1987]. Но стихотворений Ли Бо и Ли Шаньиня в сборнике преобладающее большинство.

3.2. ПИ₃ san Cao ‘три Цао’ (Цао Цао, Цао Пи, Цао Чжи). [Yuan 2003: 39]. ПИ₁ Цао Цао, Цао Пи и Цао Чжи (знаменитые поэты и политические деятели рода Цао, отец и два сына).

4. Два и более ПИ или части ПИ соплагаются в одно целое и образуют многочленное ПИ (ПИ₃).

Примеры:

4.1. ПИ₃ Xiao Cao – ПИ₁ Сяо [Хэ] и Цао [Шэнь] (государственные деятели начала династии Хань; также образно в значении: крупные государственные деятели) [БКРС 1983, том 2: 752].

4.2. ПИ₃ Jie Zhou – ПИ₁ Цзе (последний монарх мифической династии Ся, отличавшийся жестокостью и деспотизмом) и Чжоу (посмертное имя Ди Синя, последнего царя династии Инь, синоним крайней жестокости и деспотизма). Цзе и Чжоу (тираны, противопоставляемые идеальным правителям Яо и Шуню) [БКРС 1984, том 3: 36, 721].

Теория прецедентности позволяет оптимизировать и упорядочить процесс освоения фразеологии китайского языка. Сделав обзор фразеологического фонда китайского языка, мы приняли решение те фразеологические единицы, которые так или иначе связаны с ПФ, выделять в отдельный подраздел прецедентных фразеологических единиц (ПФЕ).

Поясним также, что под словосочетанием *прецедентное высказывание* (ПВ) мы понимаем не столько слово или словосочетание, которое кто-то когда-то высказал, сколько те слова и словосочетания, которые до сих пор регулярно становятся частью устных и письменных высказываний современных носителей китайского языка, актуализируют ПФ КД и включаются в словари.

Как уже было показано выше, с ПИ в КД связано большое количество фразеологизмов разных типов и словесных клише (устойчивые словосочетания, которые по своим характеристикам и свойствам имеют много общего с фразеологизмами, но формально не могут быть отнесены ни к одному из известных типов фразеологизмов китайского языка, см. напр. ниже пункты VI и VIII), которые мы предлагаем рассматривать не просто как устойчивые выражения, но как прецедентные высказывания (ПВ₁) и как прецедентные имена (ПИ₂) в силу того, что они называют и актуализируют конкретные прецедентные ситуации.

Предлагаем нашу классификацию ПФЕ КД:

I. ПФЕ-репрезентанты мифов (**мифологические ПИ₂/ПВ₁**), например:

Pangu kai tian ‘Паньгу открывает небо’ (*Pangu миф. Паньгу [первый человек на земле]*) [БКРС 1983, том 2: 293]. ПИ₁ Pangu Паньгу.

Yu Gong yi shan (*Юй-гун передвинул горы (у Юй-гуна перед домом высились две огромные горы, которые приходилось обходить. Юй-гун решил их снести, чтобы открыть себе прямой путь. Когда он с сыновьями приступил к делу, над ним смеялись, называя его глупцом, затеявшим невозможное. Он отметил, что его потомство будет расти бесконечно, поколение за поколением, горы же расти не будут и в конце концов будут скрыты; см. «Ле-цзы»; обр. в знач.: упорным трудом достигнуть, казалось бы, невозможного)*) [БКРС 1984, том 4: 881]. ПИ₁ Yu Gong Юй-гун.

II. ПФЕ-репрезентанты событий истории и исторических личностей (**исторические ПИ₂/ПВ₁**), например:

le bu si Shu (*за весельем не вспоминать о Шу [обр. в знач.: так веселиться, что позабыть о возвращении домой; по истории последнего*

царя дома Хань, который, предавшись удовольствиям в Лояне, забыл о престоле в царстве Шу]) [БКРС 1984, том 3:738]. ПИ₁ Adou Адоу и др.

III. ПФЕ-репрезентанты исторических сражений и как вымышленных, так и реальных военных событий и стратегических военных решений, (**милитаристические и стратегические ПИ₂/ПВ₁**):

cao chuan jie jian ('заполучить стрелы при помощи соломенных чучел на кораблях'. Прецедентная ситуация из романа «Троецарствие». Главнокомандующий союзного, но конкурирующего царства поручил Чжугэ Ляну невыполнимую задачу: изготовить сто тысяч стрел за три дня с тем, чтобы казнить его по законам военного времени в случае невыполнения задания (что и ожидалось). Чжугэ Лян же благодаря своим обширным знаниям и незаурядному уму выполнил задание в срок. Он снарядил необходимое количество кораблей соломенными чучелами и, подплыв внезапно к прибрежным лагерям армии Цао Цао, вызвал плотный обстрел своих кораблей из луков. В результате, соломенные чучела выполнили свою функцию стрелосборников, и необходимое количество стрел было обеспечено). ПИ₁ Zhuge Liang Чжугэ Лян, Cao Cao Цао Цао и др.

Mao Sui zi jian (как Мао Суй, самому рекомендовать себя и выдвигаться; Мао Суй попросился сопровождать своего хозяина-посла в царство Чу, где выдвинулся на дипломатической работе и оказал услугу своему княжеству) [БКРС 1984, том 4: 381]. ПИ₁ Mao Sui Мао Суй.

IV. ПФЕ-наименования китайских басен (**ПИ₂/ПВ₁-басни**), например:

Ye Gong hao long (Е-гун любит драконов, обр. в знач.: любить понаслышке; любить то, чего никогда не видел; любить лишь на словах; по притче о Е-гуне, которому очень нравились драконы и, который постоянно рисовал их, но, увидев живого дракона, в испуге убежал) [БКРС 1984, том 3:708]. ПИ₁ Ye Gong Е-гун.

V. ПФЕ-репрезентанты особенностей быта, культуры, общественно-го уклада, фольклора китайцев (**культурные ПИ₂/ПВ₁**), например:

ming luo Sun Shan (оказаться в списке позади Сунь Шаня (последнего в списке выдержавших экзамены на одной из сессий при дин. Сун; обр. в знач.: провалиться на экзаменах) [БКРС 1983, том 2: 505]. ПИ₁ Sun Shan Сунь Шань.

VI. ПФЕ-репрезентанты эпизодов и ПИ из знаменитых литературных произведений (**литературные ПИ₂/ПВ₁**), например:

Wu Song da hu ‘У Сун убивает тигра’ (наименование прецедентной ситуации, описанной в романе «Речные заводы». Хорошо подвыпивший У Сун, не поверив хозяину харчевни и объявлениям властей о том, что на горном перевале объявился тигр-людоед, решил продолжить свой путь в родной уезд. В результате ему пришлось вступить в борьбу с тигром, из которой У Сун вышел победителем). Данная история известна любому китайцу с детских лет. ПИ₁ Wu Song У Сун, ПИ₃ Shuihu zhuan «Речные заводы» (название ПТ) и др.

da nao Tian gong (CEDICT [электронный англо-китайский-словарь]: *da nao tian gong "The Monkey Creates Havoc in Heaven", story about Sun Wu Kong*) («Сунь Укун устраивает беспорядки в Небесном Дворце» – наименование ПС из ПТ романа «Путешествие на Запад»). ПИ₁ Sun Wukong Сунь Укун, ПИ₃ Xi you ji «Путешествие на запад» (название ПТ), ПИ₃ Tian gong Небесный дворец и др.

Liu Laolao jin Daguan yuan ‘Бабушка Лю попадает в сад «Дагуаньюань»’ (наименование прецедентной ситуации из романа «Сон в красном тереме»). ПИ₁ Liu Laolao Бабушка Лю (Лю лаолао), ПИ₃ Hong lou meng «Сон в красном тереме» (название ПТ) и др.

VII. ПФЕ, содержащие ПИ₃-топонимы (**топонимические ПВ₁**), например:

Chang’an ju da bu yi ‘жить в столице вовсе нелегко’. ПИ₃ Chang’an город Чанъань (образно в значении: столица).

you yan bu shi Taishan ‘хоть и зрячий, а не узнал горы Тайшань (знаменитости; ср. а слона-то и не приметил)’. ПИ₃ Тайшань.

VIII. ПФЕ, актуализирующие аксиологические, идеологические, политические установки общества (**аксиологические ПИ₃/ПВ₂**), например:

san ge daibiao ‘тройное представительство’ – лозунг, выдвинутый Цзян Цзэминем в 2000 г. – 1. КПК представляет требования развития передовых производительных сил китайского общества; 2. КПК представляет самые прогрессивные тенденции китайской культуры; 3. КПК представляет самые коренные интересы китайского народа (*буквально*: Тройное представительство) [Буров, Семенас 2007: 432-433]. ПИ₁ Jiang Zemin Цзян Цзэминь.

xiao kang «сяокан» ‘малое благоденствие’ (1) мир (в стране); временное затишье (успокоение, после волнений) 2) благополучие, удовлетворённость (материальная), зажиточный, довольно состоятельный (хотя и не богатый) [БКРС 1984, том 4: 778]. «Средняя зажиточность; средний уровень зажиточности» [Буров, Семенас 2007: 432-433]. «Хотя

с самого начала реформ и создания общества «сяокан» имя *Конфуция* в КНР не упоминается, в руководящих и научных кругах в КНР признаётся, что основы нового содержания в конфуцианскую идеологию «сяокан» (малое благоденствие) внёс *Дэн Сяопин* [Наумов 2005: 8]. ПИ₁ Deng Xiaoping *Дэн Сяопин* и Kongzi *Конфуций*.

yì guó liǎng zhì ‘одна страна две системы’ (предложенная Дэн Сяопином формула для решения проблемы возвращения в лоно родины Гонконга, Макао и Тайваня). ПИ₁ *Дэн Сяопин*, ПИ₃ *Гонконг, Макао, Тайвань* и др.

Далее отдельно рассмотрим особый тип фразеологизмов китайского языка – недоговорки-иносказания (сехоуэй), которые уже затрагивались выше. Так называемые «недоговорки-иносказания», или речения с усекаемой концовкой (xièhoуу), могут употребляться как в полной, так и в усечённой форме. В случае усечения употребляется только первая часть «недоговорки» – иносказание, вторая же часть – раскрытие иносказания – опускается. Как отмечают специалисты по стилистике китайского языка, употребление усечённых форм придаёт речи особенную пикантность [Чжан Гуйи 1953; цит. по Горелов 1979]. Подробнее о «недоговорках-иносказаниях» китайского языка можно прочесть в [Прядохин 1977] и [Прядохин, Прядохина 2007]. Далее «недоговорки-иносказания» будем именовать недоговорками.

Недоговорки примечательны тем, что фактически представляют собой традиционный китайский заголовок глав старинных повестей или современных газетных статей, то есть своего рода ПИ – наименования ПС. Но для нас они интересны ещё и тем, что они особым образом актуализируют какой-либо дифференциальный признак референта ПИ или ПС. Первая часть недоговорки обычно представляет ПИ и связанные с ним ситуацию или признаки, а вторая часть является основанной на первой части метафорой.

Проанализировав большой словарь недоговорок китайского языка [Wen 2004], мы обнаружили значительное количество единиц описания, которые связаны с ПИ, а именно содержат в своём составе определённые ПИ₁ КД. Приведём пример только по одному ПИ – «рекордсмену» по количеству связанных с ним недоговорок, которые актуализируют сразу два и более ПФ КД. ПИ *Гуань-гун* (*Guan Gong*; референт ПИ – возведённый в ранг бога войны легендарный полководец эпохи Троецарствия (220-280 гг.) *Гуань Юй*; для современных китайцев имя *Гуань-гуна* является символом храбрости и преданности) содержится в 98 недоговорках. В этих недоговорках данное ПИ употребляется в шести формах:

1. *Guan Gong* ‘Господин Гуань’ (*Гуань-гун*).

2. Guan laoye 'Господь (Бог Войны) Гуань'.
3. Guan Yunchang Гуань Юньчан (его взрослое имя).
4. Guan di 'Гуань-ди, император Гуань'.
5. Guan da wang 'атаман Гуань'.

6. Guan Erye 'Второй господин Гуань' (второй, потому что в союзной триаде с Лю Бэем и Чжан Фэем он по старшинству занимал второе место после Лю Бэя; см. также выше в классификации типов актуализации ПФ посредством фразеологизмов пункт 2.2).

Имя *Гуань-гун* закрепилось как ПИ в романе «Троецарствие» (написан в XIV веке) – прецедентном тексте китайского культурного пространства.

Приведём несколько примеров недоговорок (ПИ₂/ПВ₁):

1. Guan Gong de huxu – mei de hen 'Борода Гуань-гуна – очень красиво' (*Гуань Юя* отличала большая красивая борода).

2. Guan laoye Maicheng – daomei 'Майчэн господа Бога войны Гуаня – несчастная судьба (злой рок; неприятность; незадача, невезение; не везёт)' (актуализация ПС: при *Майчэне Гуань Юй* потерпел поражение и погиб).

3. Guan laoye cha yanzhi – hong shang jia hong 'Господь Бог войны Гуань натёрся румянами – красный-красный (букв. на красное добавить красное) (краснее некуда)'.

Гуань Юй был высокого роста и крупного телосложения. У него было красное лицо и длинная густая борода. Его ещё называли mei gan gong 'мужчина с красивыми бакенбардами' (тип мужественного человека) и «краснолицый Гуань-гун» (hong lian Guan Gong). В театральных представлениях маска *Гуань-гуна* – красное лицо с длинной чёрной бородой. Современные китайцы могут назвать *Гуань-гуном* любого человека с красным лицом. Например:

Bie he le, lian yijing hong de xiang Guan Gong, zai hexiaqu jiu fa jiu feng le. 'Больше не пей, лицо у тебя уже такое красное, что ты стал похож на Гуань-гуна. Выпьешь ещё, будет белая горячка' [Chen 1999: 52].

Стоит сказать, что для современных китайцев *Гуань-гун* не только божество войны, но и бог торговли и богатства. Интересно отметить тот факт, что во время посещения нами города Цюаньчжоу провинции Фуцзянь, который насчитывает более двух тысяч лет истории своего существования и всегда считался известным торговым городом Китая, нам сообщили, что в городе имеется более тысячи семисот действующих храмов Гуань-ди. Этот факт, полагаем, также говорит о высокой прецедентности данного ПИ и наводит на определённые мысли. Здесь, полагаем, уместно привести следующий китайский анекдот:

Zhanke zuzong

Ji wei pengyou dao jiujiu xiaozhuo, diantang li gong de Guan Gong xiang yinqile tamen de yilun.

Jia: Xianzai xuduo jiujiu fandan he shangdian weishenme dou gongzhe Guan Gong?

Yi: Guan Gong shi ge fu jiang, gong ta keyi zhao fu.

Bing: Guan Gong guo wu guan zhan liu jiang shi ge yong jiang, gongfeng ta shangjia keyi xiaomie binan.

Jia: Zhe ge nimen bu dongle, kai dian zuo shengyi dou hui shu dao zhanke, Guan Gong shi wu da dao de zuzong, nimen xiang xiang, bu gong ta gong shui... [Gushihui сборник рассказов 2002, выпуск 293: 5]

‘Прародитель головорезов

Несколько друзей зашли выпить в кабачок. Стоящий в зале портрет Гуань-гуна вызвал у них дискуссию.

А: Почему это сейчас во многих ресторанах и магазинах стали молиться на Гуань-гуна?

Б: Гуань-гун – баловень судьбы, счастливый полководец, от которого враг бежит, не принимая боя. Поэтому если ему поклоняться, то можно привлечь счастье и везение.

В: Гуань-гун – храбрый генерал, который пробился через пять застав и разбил шестерых полководцев Цао Цао. Обожествляя его, коммерсанты могут избежать беды.

А: Нет, вы не понимаете, в чём тут дело. В торговле и бизнесе дело часто доходит до поножовщины и убийства, а Гуань-гун – прародитель тех, кто мастерски работал кинжалом. Вот и подумайте, на кого ещё молиться коммерсантам, как не на него...’

Полученные нами факты показывают, что активное использование в современном КД ПИ и других национальных ПФ обеспечивает сохранение исконной национальной самобытности и существование вневременного идеологического пространства. Это в свою очередь становится возможным благодаря языковой преемственности, которая базируется на длительной культурной, письменной и литературной традиции.

В заключение можно сказать, что широко распространённый феномен существования названий событий древней истории и событий, описанных в выдающихся литературных произведениях древности в форме фразеологических единиц (ПИ₂/ПВ₁), наличие большого количества фразеологизмов разного типа, связанных с ПИ и другими ПФ – всё в китайскоязычном дискурсе направлено на формирование аксиологически чёткой единой системы мышления и осознания себя в этом мире.

Разрабатываемая отечественными учёными теория прецедентности позволяет решать вопросы приоритетов в последовательности освоения разноплановых знаний о Китае, китайском обществе в рамках подготовки современного российского китаиста. Исследования ПИ и других ПФ дают возможность систематизировать эти знания и определять когнитивные приоритеты.

Л и т е р а т у р а

1. *Брилёва И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Выпуск первый. / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. – М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.
2. *Буров В.Г., Семенов А.Л.* Китайско-русский словарь новых слов и выражений. – М.: Восточная книга, 2007. – 736 с.
3. *Горелов В.И.* Стилистика современного китайского языка. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103. «Иностр. Яз.». М., «Просвещение», 1979. 192 с.
4. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
5. *Гусаров В.Н., Сюй Гуйцзинь.* Редкие китайские народные картины из советских собраний. Редакторы В.Н. Гусаров, Сюй Гуйцзинь. – Ленинград: Издательство «Аврора», 1991, Пекин: Издательство «Народное искусство», (206 иллюстраций), 1991.
6. *Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. 261 с.
8. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
9. *Наумов И.Н.* Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия и перспективы. // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Тезисы докладов XV Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27-29 сентября 2005 г.). Часть I. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 8-13.
10. *Ошанин И.М.* Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. Т. 1-4. М., 1983-1984.
11. *Прядохин М.Г.* Китайские недоговорки-иносказания. – М.: Наука, 1977.
12. *Прядохин М.Г., Прядохина Л.И.* Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка. – 2-е изд. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 218 с.
13. *Сорокин Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В., Вольская Н.П.* Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1998. – Вып. 4. – 128 с.
14. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
15. *Chang Jingyu.* Nanyu cihui yu wenhua/Chang Jingyu zhu. – Beijing: Beijing daxue chubanshe, 1995 nian. (Лексика китайского языка и культура/ Чан Цзинъюй. – Пекин, 1995)
16. *Chen Xianchun.* Zhongguo wenhua zhong de dianxing renwu yu shijian/Chen Xianchun bianzhu. – Beijing: Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe, 1999 nian. (Прецедентные персонажи и события в китайской культуре/Сост. Чэнь Сяньчунь. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999)

17. Fudan daxue liuxuesheng bu hanyu jiaoyanshi (2002): Yuyan jiaoxue yu wenhua beijing zhishi de xiangguanxing, zai Duiwai hanyu jiaoxue yanjiu/Chen Abao zhubian. – Taiyuan: Shanxi renmin chubanshe, 2002 nian, di 53-62 ye. (Кафедра китайского языка отдела иностранных студентов университета Фудань. Взаимосвязь обучения языку и культурных фоновых знаний/Сборник статей по преподаванию китайского языка как иностранного, Под ред. Чэнь Абао. – Тайюань: Народное издательство провинции Шаньси, 2002. – с. 53-62.)
18. Gushihui zazhi (jiangshu laobaixing xiai de gushi). 2002 nian 8 yue, 293 qi. (ежемесячный журнал «Сборник рассказов» [излагает истории, которые нравятся простому народу], за август 2002 г., выпуск № 293)
19. Heng Tang. Tang shi sanbai shou. [Qing] Heng Tang Tuishi bian. Shao Liu dianxiao. – Wuhan: Hubei renmin chubanshe, 1993 nian. (Триста стихотворений династии Тан. Сост. Хэн Тан – учёный, живущий в уединении [династия Цин]. Редакция Шао Лю. – Ухань, 1993)
20. Li Hanwen. Zhonghua diangu/Li Hanwen bianzhu. – Shenyang: Wanjuan chuban gongsi, 2007 nian. (Китайские дянью/ Сост. Ли Ханьвэнь. – Шэньян, 2007)
21. Lin Shuwu. Waiguo diangu xiao cidian/Lin Shuwu zhubian. – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2004 nian (Малый словарь прецедентных феноменов зарубежных стран/Под ред. Линь Шуу. – Шанхай, 2004)
22. Tangshan shi renmin zhengfu. Tangshan kangzhen sanshi zhounian yishu jiniance / Tangshan shi renmin zhengfu zeng. – Tangshan: Zonggong Tangshan shiwei, 2007 nian. (Художественный альбом в память о землетрясении, произошедшем 30 лет назад/ Подарочный экземпляр от Народного правительства города Таншаня. – Таншань, 2007)
23. Wen Duanzheng. Zhongguo xiehouyu daquan/Wen Duanzheng deng bianzhu. – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2004 nian. (Полное собрание китайских недоговорок-иносказаний сехоуэюй/Под ред. Вэнь Дуаньчжэна. – Шанхай, 2004)
24. Xiao Difei deng. Tangci jianshang cidian/Xiao Difei deng zhuanxie. – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 1987 nian (Словарь эстетического анализа танской поэзии/ Сяо Дифэй и др. – Шанхай, 1987)
25. Yang Defeng. Hanyu yu wenhua jiaoji/Yang Defeng bianzhu. – Beijing: Beijing daxue chubanshe, 1999 nian. (Китайский язык и межкультурная коммуникация/ Ян Дэфэн. – Пекин, 1999)
26. Yu Shi. Changyong diangu cidian/Yu Shi deng bian. – xin – ban – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2007 nian (Словарь активно употребляемых дянью/Сост. Юй Ши и др. – Шанхай, 2007)
27. Yuan Shiquan. Shiyong hechengci cidian/Yuan Shiquan zhubian. – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2003 nian. (Словарь активно употребляющихся фразем-калькиляций/Под ред. Юань Шицюань. – Шанхай, 2003)

Концептуализация жизненного опыта в зеркале идиоматики

© кандидат филологических наук Ч.Г. Гогичев, 2010

Проблема членения действительности в процессе когнитивной деятельности человека имеет большое значение для исследования природы языковых единиц. Актуальность исследования этого вопроса, «интерес <...> не только к языку как к системе, но к языку как деятельности», необходимость выяснения «соотношения деятельностно-лексического компонента с сознанием» отмечал Ю.А. Сорокин [2: 34]. Категории в человеческом сознании расположены в иерархическом порядке. Каждая категория может, в свою очередь, делиться на другие, представляющие собой виды объекта, обозначенного в исходной категории. Процесс спецификации выражается в языке, в частности, в семантике идиом. В значении этих фразеологизмов, как правило, представлен один из таких подклассов, релевантных с точки зрения оценки, например, категория «Человек», может подразделяться на подуровни по признакам «поведение», «внешний вид» и т. д. – *стреляный воробей* – «человек опытный». Таким образом, идиомы представляют собой снижение уровня категоризации на более специальный подуровень для формирования наименований, представляющих важные для функционирования данного лингвокультурного сообщества.

Целью данной работы является исследование категории ЧЕЛОВЕК ОПЫТНЫЙ сформированной средствами идиом. Данная категория представляет собой аспектуализацию класса «Человек», выраженную соответствующей классемой и дополненную представленным выше признаком.

Вслед за В.Н. Телия, мы рассматриваем значение идиом как состоящее из области, в которой отражен некий фрагмент действительности и блока, представляющего оценку этого фрагмента как рациональную, так и эмоциональную [6]. Компонент значения, соотносящийся с отражением в сознании внеязыковых объектов, в современной семантической теории принято обозначать как денотат. В денотативном компоненте семантики идиом чаще всего отражаются признаки, имеющие аксиологическую релевантность в данном языковом сообществе. Они выделяются во внутренней форме посредством включения образа в некоторую когнитивную модель-гештальт (в смысле К. фон Эренфельса), проецирующую на образ отношения, которыми связаны остальные категории, входящие в эту модель.

По мнению Ю.А. Сорокина фразеологизмы указывают «на различные – по времени и месту – конфигурации вербального и невербального опыта, фиксируемого фразеологизмами в очень компактной и парадоксальной форме, зачастую скрывающей их содержательную суть. Если учитывать, что фразеологизмы – это, как правило, стершиеся и нестершиеся метаболы, то трудность истолкования опредмеченного в них опыта увеличивается, по крайней мере, вдвойне.

Хотя некоторые (китайские – *Ч.Г.*) «привычные выражения» могут быть без всякой натяжки сопоставлены с русскими выражениями такого же типа (при всем различии в их вербальной фактуре), но другие (например, ‘сырой рис превратился в кашу’ в значении ‘дело уже сделано, поезд ушел’; ‘расшитая цветами подушка’ в значении ‘ворона в павлиньих перьях’) сопоставляются с трудом или могут быть сопоставлены лишь условно. Причиной этому является, на мой взгляд, и различия в самой «предметности», в тех ментальных и нементальных «отдельностях», которые встроены в структуру фразеологизмов, и различия в структуре образов-представлений, провоцируемых этими фразеологизмами» [3: 4].

Семантика идиом формируется на основании связи образа, выраженного буквальным прочтением идиомы с ее актуальным значением. Формирование денотата идиом обусловлено необходимостью видовой спецификации некоторой категории, т.е. обозначаемое идиомы представляет собой аспектуализацию одной из категорий базового уровня, для которой трудно подобрать однословное наименование. Для формирования подобных обозначений привлекаются образы, имеющие устойчивые признаки и оцениваемые с точки зрения культуры народа.

Функциональной основой этих языковых единиц является образ, заложенный в их внутренней форме. Сущность такого образа зависит от особенностей человеческого восприятия. Он всегда редуцирован по отношению к явлению, отражением которого является. Знания о внеязыковой реальности относительны, неполны, они отражают лишь некоторые ее стороны, поэтому каждое явление представлено в сознании только в этой, отраженной своей части. В своих непознанных проявлениях он не представлен для сознания, хотя и существует объективно. Структура познавательного аппарата человека не приспособлена к тому, чтобы сразу и полностью воспроизвести в идеальной форме объект во всей сложности. Это чисто биологическая способность человека. В своих работах Б.А. Серебрянников отмечал, что человек никогда не в состоянии отразить окружающий мир полностью, целиком, во всем его многообразии. Кроме того, признаки, на основе которых формируется образ, обладают разной степенью актуализации: некоторые из них выступают на передний план, затемняя другие [1: 24]. Формирование кон-

венциональных признаков и их актуализация в значении идиом определяется гештальтом – структурой организации опыта, имеющей фундаментальное значение в когнитивной деятельности человека.

Категория «Человек» в немецком, русском и осетинском языках разделяется на большое количество подкатегорий, обогащаясь при этом дополнительными признаками. В частности, сформированы идиомы, характеризующие эту категорию по признаку наличия/отсутствия опыта. Материал, отобранный нами из словарей методом сплошной выборки, даёт следующее представление об «опытном человеке».

В русском языке:

тёртый калач Разг. Ирон. Опытный, бывалый и хитрый человек, которого трудно провести, обмануть. *Все взгляды вперились в Глеба, и, хоть вокруг сидел свой же брат – мятые, тёртые калачи, председатели колхозов, – у него задрожали в обиде губы* (Л. Обухова. Заноза).

стреляная птица/обстрелянная птица Разг. Ирон. Бывалый, очень опытный человек, которого трудно обмануть, провести. – *За эти слова ты ответишь, Иван. Ты ударник – ответишь. Я работница, а не кто-нибудь, меня бригада защитит. – Ты всем известна. Птица стреляная. Неспроста из барака куда-то на соцгород переселилась* (Н. Кокин. Девки).

стреляный воробей Разг. Ирон. Много перенёсший, бывалый и трусоватый человек. – *Читай. Видишь... "Держись на поверхности"... Значит, есть и глубина... Это дело будет посложней. Гошка Блин сразу не расколется. Стреляный воробей* (Г. Матвеев. Новый директор).

старый волк Разг. Экспрес. Бывалый, опытный человек, умеющий переносить невзгоды, неудачи. *Когда придётся быть в набеге или где (ведь я старый волк, всего видал), да коли стреляют, ты в кучу не ходи, где народу много* (Л.Н. Толстой. Казаки).

старый воробей Разг. Ирон. Бывалый, опытный человек. – *Это не эксперт с вами закусывал? – Нет, мой личный друг. Мужчина образованный, антицерковный, знает по-древнелатински. В искусстве старый воробей, поскольку актёр* (К. Федин. Необыкновенное лето).

Из пословицы «старого воробья на мякине не проведёшь». Например: *Но Григорий Шелихов, – старого воробья на мякине не проведёшь, – разгадал неладное, не дался в обман – корабль взял, а штурмана английского, снабдив деньгами, на родину отправил* (В. Григорьев. Григорий Шелихов).

старый лис кто. Устар. Презр. Хитрый, лукавый человек. – *Молчи, старый лис, останется и тебе, – успокоил его Бузыга* (Куприн. Конокрады).

В осетинском языке:

фых лæг (досл. ‘вареный мужчина’) – тынг фæлтæрд, царды стыр фæндагыл чи рацыд, зын сайæн чи у, ахæм (‘очень опытный, прошедший долгую дорогу жизни, человек, которого трудно обмануть’). Ср. *тертый калач*.

бадт адæймаг (досл. ‘устоявшийся человек’) – фæлтæрд, царды алцыдæр чи федта, ахæм адæймаг (‘опытный человек, многое видевший’). Ср. осетинскую поговорку – зæронд бирæгъ дыгæйттæ хæссы. (Æмб.) (*Старый волк по-двое уносит*. Посл.)

зæронд бирæгъ/зæронд халон/зæронд цъиу/зæронд хъæрицыгъа (досл. ‘старый волк/старый ворон/старая птица/старый ястреб’ – царды алцыдæр чи федта, кæмæй ницы ирвæзы, ахæм; фæлтæрд адæймаг (‘опытный человек, многое видевший, который своего не упустит’).

зæронд рувас – опытный, хитрый человек.

В немецком языке:

ein alter Hase – ein erfahrener, kundiger Mensch

alter Hase ≈ старый опытный [бывалый] человек; стреляный воробей; старый опытный специалист, er ist auch kein heuriger Hase mehr — он уже не маленький; он стреляный воробей.

umg. ein alter H. (*erfahrener Fachmann*); er ist ein alter H. im Kranbau, im Schisport; er ist kein heuriger H. (mehr) (*kein unerfahrener Mensch*).

ein schlauer / alter Fuchs sein; schlau wie ein Fuchs sein – ein erfahrener / schlauer / gewiefter / raffinierter / gerissener Mensch sein umgangssprachlich; *jmd., der schlau, listig ist*: er ist ein alter, schlauer F.; ich traue diesem F. nicht; dieser F. gewinnt jeden Prozeß; dieser Fahrer ist ein F. im Etappenrennen; лиса, хитрец; пройдоха er ist ein alter [schlauer] Fuchs — он старая [хитрая] лиса, он хитрец.

ein alter Fuchs (ein alter [der alte] Fuchs) (andern überlegener (durchtriebener) Mensch, der alle Schliche und Feinheiten, auf die es ankommt, kennt) ловкий [продувной, хитрый] человек, который хорошо разбирается в тонкостях какого-л. дела (‘старая лиса’) *Lothar, gib mir die Pistole. Pistole? fragte ich ihn. Von was redest du eigentlich. Mir altem Fuchs kannst du doch nichts vormachen.* (Max v. der Grün. Flächenbrand)

die große alte Dame des... – ein erfahrener Mensch auf dem Gebiet...; ein Vorkämpfer; *"Die große alte Dame des deutschen Fußballs will nicht mehr: Andreas Möller hängt die Fußballschuhe an den Nagel"*.

Alte Besen kehren gut – Erfahrene Menschen sind von Nutzen; Abwandlung des Sprichwortes "Neue Besen kehren gut".

Приведенный материал показывает, что средства идиоматики привлечены в русском языке для того, чтобы обозначить опыт как способность избегать неблагоприятных ситуаций, знать, что нужно делать в тех или иных обстоятельствах.

Немецкий материал показывает спецификацию опыта в таком же отношении, но допускает детализацию способностей, получая объектную валентность.

В осетинском языке, кроме выделения указанной способности, определяется человек, активно использующий накопленный опыт для получения выгоды.

Кроме того, во всех трех языках наблюдается дрейф рассматриваемого значения в сторону сочетания опыта и хитрости.

В осетинском языке формирование подобной категории вызвано существованием положительного оценочного стереотипа человека, в который входит признак «способность не упустить свое». В немецком и русском языках рассматриваемая категория аксиологически нерелевантна, кроме случаев акцентуализации признака «хитрость», представленного в отрицательном оценочном стереотипе.

Л и т е р а т у р а

1. *Серебренников Б.А.* «Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом». М., 1988.
2. *Сорокин Ю.А.* Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 4. М. 1998.
3. *Сорокин Ю.А.* Лакуны: Еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. Благовещенск, 2003.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. М. 1996.
5. *Дзабиты З.Т.* Ирон æвзæджы фразеологион дзырдут. Цхинвал, 2003.
6. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008.
7. <http://www.redensarten-index.de>
8. www.dwds.de

Динамика русского лингво-культурного пространства (на примере прецедентного имени)

© доктор филологических наук Д.Б. Гудков,
А.С. Рассказов, 2010

*Посвящается памяти
Юрия Александровича Сорокина*

Данная работа, несмотря на столь громкое и широкое название, посвящена относительно узкой теме: специфике бытования в языковом сознании молодых представителей русского лингво-культурного сообщества прецедентных имен, входящих в когнитивную базу этого сообщества. Наши рассуждения базируются, прежде всего, на результатах психолингвистического эксперимента, о котором будет сказано ниже. Теперь же определимся с базовыми терминами и понятиями, которыми мы будем оперировать в дальнейшем.

Культурным пространством мы называем форму существования культуры в человеческом сознании. Те или иные феномены культуры при восприятии их человеком отражаются в сознании последнего, где и происходит определенное структурирование отражаемого и устанавливается их взаимоотношение, иерархия, т. е. некие системные отношения отражаемых феноменов.

Культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого лингво-культурного сообщества. При этом каждый человек обладает особой, определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений. Мы называем такую совокупность индивидуальным когнитивным пространством. При этом существует некая совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного социума (профессионального, конфессионального, генерационного и т. д.), которую мы определяем как коллективное когнитивное пространство. Определенным же образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества, определяется нами как когнитивная база (КБ).

Наполнение КБ отличается от наполнения культурного пространства: первую формируют не столько представления как таковые, сколько инварианты представлений (существующих и возможных) о тех или иных феноменах, которые хранятся там в минимизированном, редуцированном виде. Именно владение знаниями и представлениями, входящими в КБ и имеющими надличностный инвариантный характер, по-

зволяет индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам.

Прецедентным именем (ПИ) мы называем индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (напр., *Раскольников*, *Левша*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (напр. *Павлик Морозов*, *Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Моцарт*, *Кулибин*). При вхождении в КБ представления о том феномене, на который указывает ПИ, из множества диалектических и часто противоречивых черт вычленяется лишь ограниченный набор характеристик, формирующих национально детерминированное минимизированное представление (НДМП). Означаемым ПИ является НДМП «культурного предмета», включающее его дифференциальные признаки, атрибуты, оценку. Одним из основных критериев отнесения имени к прецедентным является его способность регулярно употребляться конотативно (интенционально), т. е. выступать в роли семантического предиката, характеризовать тот или иной объект, приписывая ему свойства, входящие в НДМП ПИ.

В 1998 году нами (совместно с И.В. Захаренко и В.В. Красных) был проведен эксперимент в форме опроса с целью выявления некоторых особенностей семантики и функционирования ПИ¹.

При опросе мы старались работать с информантами разного возраста, образования, живущих в разных регионах страны (Москва, Подмосковье, Новгород, Тверская область, Архангельская область), горожан и сельских жителей. Нижней возрастной границей опрошенных мы положили 16-17 лет (ученики последних классов школы и ПТУ) как возраста относительно полной социализации. Всего было опрошено 90 человек.

Анкета состояла из трех разделов. Задание к первому из них было сформулировано следующим образом: *Представляя своего(-ю) знакомого(-ю), N сказал, что он (она)... Что N имел в виду?* После этого следовал список из 30 имен. Эти же имена фигурировали во втором разделе анкеты. В нем предлагалось высказать предположение о содержании газетной статьи, озаглавленной, например: *Колумбы Сибири*, *Рацион для Кащея*. В третьем разделе информантам предлагалось закончить предложение с теми же ПИ: *Он назвал своего друга Сусаниным, потому что тот...*

Ниже для наглядности представлен фрагмент анкеты.

1. Представляя своего(-ю) знакомого(-ую) N сказал, что он (она)
Что N имел в виду?

¹ Подробнее об этом мы писали в: *Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М. 2000.*

Моцарт	
Илья Муромец	

2. Как Вы думаете, о чем рассказывает газетная статья, озаглавленная

Обувь для Дюймовочки	
Коломенский Плюшкин	

3. Его (ее) называли... , потому что он (она).....

Обломов	
Макаренко	

Таким образом, каждое ПИ было трижды употреблено коннотативно, его интерпретация информантами позволяет составить впечатление о его бытовании в языковом сознании лингво-культурного сообщества и выявить то НДМП, на которое это имя указывает. К числу прецедентных мы относили те имена, с инвариантом восприятия которых не менее 70 процентов респондентов в целом. Это число выбрано достаточно условно, оно, как нам кажется, свидетельствует о том, что подавляющее большинство русских знакомо с НДМП, стоящим за тем или иным ПИ.

Через 12 лет, в 2010 году, мы повторили данный эксперимент. Анкета и принципы анкетирования не претерпели никаких изменений, состав же информантов был несколько другим. В этом качестве выступили исключительно студенты различных факультетов (технических и гуманитарных) МГУ и Тамбовского университета (20 респондентов из Москвы, 60 из Тамбова). Иными словами, уровень образования опрошенных был в среднем заметно выше, чем в первом эксперименте. Мы сознательно обратились именно к данной социальной группе, считая, что именно ее представители будут в ближайшее время определять тенденции развития русского лингво-культурного сообщества и страны в целом.

Сравнительные результаты двух опросов представлены в следующей таблице (в процентах к числу опрошенных).

№	Прецедентное имя	1998	2010
1.	Моцарт	100	100
2.	Илья Муромец	99	98
3.	Ломоносов	98	90
4.	Колумб	97	81
5.	Дядя Степа	95	94
6.	Кашей Бессмертный	95	74
7.	Колобок	95	76

8.	Иван Сусанин	94	61
9.	Золушка	93	67
10.	Дюймовочка	93	94
11.	Шапокляк	92	71
12.	Павлик Морозов	91	78
13.	Остап Бендер	91	51
14.	Суворов	90	58
15.	Стаханов	87	64
16.	Стенька Разин	79	50
17.	Кулибин	78	54
18.	Павка Корчагин	77	20
19.	Обломов	77	56
20.	Макаренко	75	38
21.	Хлестаков	74	33
22.	Плюшкин	74	34
23.	Софья Ковалевская	71	54
24.	Тарас Бульба	53	26
25.	Гришка Отрепьев	52	33
26.	Гамлет	45	9
27.	Нефертити	62	58
28.	Дон Кихот	64	19
29.	Манилов	65	6
30.	Малюта Скуратов	61	24

Прежде чем прокомментировать результаты, приведенные в таблице, скажем несколько слов о тех ответах, которые были получены в ходе эксперимента 2010 года. Более 90% опрошенных назвали *Павлика Морозова* предателем, соответственно, мене 10% – героем. Интересно, что схожая картина наблюдалась и в 1998 году, причем в разных возрастных группах, из чего можно сделать вывод, что усилия советской пропаганды в данном случае пропали даром. Четверо информантов как атрибут *Суворова* (который был все же назван ими замечательным полководцем) отметили повязку на глазу. *Стенька Разин* фигурировал только в качестве «бунтаря», известная прецедентная ситуация с персидской княжной (представленная в половине ответов в 1998 г.) современными респондентами никак не актуализировалась. Любопытно, что около трети «опознавших» *Хлестакова* охарактеризовали его как «находчивого, хитрого», что, конечно, к литературному образу никакого отношения не имеет.

Теперь попробуем сформулировать выводы по результатам эксперимента. Некоторые из них достаточно очевидны и предсказуемы.

Первое, что бросается в глаза, это резкое «снижение прецедентности» героев классической литературы (речь идет о произведениях, входящих или до недавнего времени входивших в школьную программу): *Тарас Бульба*, *Плюшкин*, *Хлестаков*, *Манилов*, *Гамлет*, *Дон Кихот* не набирают и сорока процентов. Чуть более 50% набрал *Остан Бендер*, но тут у нас нет уверенности, что речь идет о герое книг, а не кинофильмов. Данные результаты, вероятно, могут служить еще одним доказательством часто повторяемого сейчас тезиса: русское лингвокультурное сообщество стремительно утрачивает свою литературоцентричность.

Снижение прецедентности характерно, как легко заметить, практически для всех имен. В наименьшей степени оно коснулось персонажей детской литературы (*Илья Муромец*, *дядя Степа*, *Кащей Бессмертный*, *Колобок*, *Золушка*, *Дюймовочка*, *Шапокляк*), куда мы относим и героев фольклора, т. к. очевидно, что подавляющее большинство русских знакомится, скажем, с *Ильей Муромцем* не по оригинальному стихотворному тексту былин киевского цикла, но по их пересказам для детей и/или мультфильмам.

Мы изначально предполагали, что утратят статус прецедентных имена, связанные с идеологемами советской эпохи. Картина оказалась несколько иной. Если *Макаренко* и *Павка Корчагин* уже практически «выпали» из когнитивной базы, то *Стаханов* и *Павлик Морозов* продолжают сохранять высокий процент «опознаваемости». С чем это связано, мы ответить затрудняемся, лишь констатируем очевидный факт.

Заметно также снижение прецедентности исторических персонажей (*Колумб*, *Нефертити*, *Сусанин*, *Разин*, *Отрепьев*, *Малюта*, *Суворов*), что, безусловно, тоже весьма симптоматично.

Полученные результаты позволяют высказать две гипотезы, каждая из которых имеет право на существование, но при этом и нуждается в подтверждении. С одной стороны, можно предположить, что меняется состав когнитивной базы, одни ее единицы замещаются другими. С другой – можно вести речь о разрушении самой когнитивной базы, утраты общности ядра знаний и представлений об определенных «культурных предметах», которая (общность) необходима для культурного единства сообщества. Рассмотрим каждую из этих гипотез чуть подробнее.

ПИ часто выступают в качестве никнеймов в такой новой для истории языка и его функционирования форме общения, как «виртуальная коммуникация» (воспользуемся этим названием). Само по себе стремительное распространение этой коммуникации, задающей особые речевые формы и речевые жанры свидетельствует о динамике русского лингвокультурного пространства. Но в настоящей работе мы не станем

даже коротко останавливаться на ее особенностях, которым в последнее время посвящается все больше исследований. Заметим лишь, что в ней участвуют в основном представители все той же социальной группы, которые были участниками описанного выше последнего опроса. Это наиболее молодая и «продвинутая» часть русского лингво-культурного сообщества, речь которой не может не оказывать серьезного влияния на функционирование русского языка сегодня. Рассмотрим же, какие ПИ выступают в качестве никнеймов² в различных формах Интернет-общения³.

Заметно значительное количество ПИ, «традиционно» принадлежащих русской КБ: *Штирлиц*⁴, *Горыныч*, *Айболит*, *Хоттабыч*, *Робинзон*, *Бэмби*, *Цезарь* и др. Здесь заметно преобладание персонажей детской литературы («Робинзон Крузо» в России проходит именно по этому разряду), что, как и результаты эксперимента, свидетельствует о достаточно прочном положении инварианта восприятия соответствующих текстов в КБ. Наряду с этим активно представлены и иные имена: *Фродо*, *Лорд-Владыка*, *Дональд Дак*, *Гарфилд*, *Sinderella*, *Зорро*, *Агент007* и др. Здесь мы также видим доминирование «детских» героев, пришедших из американских (почти исключительно) фильмов и мультфильмов. Показательно, что давно «обрусевшая» *Золушка* заменяется *Sinderell'oi*. Может удивить почти полное отсутствие героев классической литературы (отечественной и зарубежной), но это, помимо всего прочего, может объясняться постмодернистской иронией, карнавализацией, характерной для виртуального общения и считающейся в нем хорошим тоном. Таким образом, мы видим подтверждение высказанной выше гипотезы: традиционные единицы русской КБ начинают вытесняться инокультурными феноменами⁵.

Против этой гипотезы говорят те тенденции, которые можно наблюдать в нейминге. Большинство отечественных фирм, товаров, компаний и т. д., в названии которых используются ПИ, обретают имена, давно присутствующие в русской КБ, причем и здесь мы видим тенденцию обращения к персонажам фольклора и детской литературы. Например: *Старик Хоттабыч* (сеть магазинов стройматериалов), *Снегурочка* (бу-

² Формы сетевых имен чрезвычайно разнообразны, мы рассматриваем лишь одну из них, отнюдь не доминирующую.

³ Примеры взяты нами из: *Грушецкая Ю.А.* Никнейм и его место в русском культурном пространстве. (В рукописи).

⁴ Здесь и далее все никнеймы даем в кириллической записи, игнорируя различные и весьма разнообразные формы игры с графикой, характерной для подобного общения, но не интересующей нас в настоящей работе.

⁵ Отдельный сложный вопрос, что называть инокультурным прецедентным феноменом, его мы рассматривать не станем, заметим лишь, что, например, *Карлсон* или *Маугли* давно «освоены» русской культурой и не рассматриваются ее носителями как «чужие», чего нельзя сказать о *Гарфилде* или *Фродо*.

мага), *Буратино* (кафе), *Мальвина* (салон красоты), *Снежная королева* (сеть магазинов зимней одежды), *Маугли* (сеть магазинов детских игрушек), *Морозко* (холодильник) и т. д.

Несколько в стороне от этой тенденции стоит, пожалуй, лишь ресторанный бизнес, активно использующий в названии своих заведений имена героев русской классической литературы: *Тарас Бульба*, *Хлестаков*, *Обломов*, *Раскольников*, *Пьер Безухов*, *Онегин*, *Чичиков*. Любопытно, что для названий ресторанов и кафе используются имена почти исключительно мужских персонажей, исключение составляет лишь кафе «Маргарита», находящееся недалеко от Патриарших прудов. С чем связан интерес к классической литературе у владельцев ресторанов и почему они выбирают только мужские имена, мы ответить затрудняемся.

Подводя итог этих кратких заметок, скажем, что динамические процессы в русской когнитивной базе очевидны, очевидно и все более активное вторжение в нее «инокультурных» (назовем их так) единиц, но при этом ядро КБ существенных изменений все же не претерпевает, что позволяет говорить о пока еще существующем единстве русского лингво-культурного сообщества, хотя некоторые тенденции, о которых было сказано выше, не могут не вызывать тревогу.

Спектральный анализ квазисегментной структуры речевого сигнала: экспериментально-статистическое исследование

© доктор филологических наук К.И. Долотин, 2010

Проблемам теории речевой коммуникации, методическим проблемам исследования речевого мышления, прикладным проблемам речевого общения в настоящее время посвящено много работ [Сорокин, Тарасов, Шахнарович 1979; Тарасов 1985; Красных 2001]. Целью данной работы является анализ динамических изменений в центральных механизмах речеобразования при озвучивании текстов в рамках заданного когнитивного намерения диктора. В проведенном эксперименте дикторам (женщина и мужчина, 27 и 60 лет, образование высшее, русские, филологи) предлагалось прочитать один и тот же текст (отрывок из Ж. Санд, т. 2, с. 5) без предварительной подготовки, а через 10 минут пересказать своими словами его смысловое содержание. Длительность текстов, озвученных дикторами, была в пределах от 45 до 70 секунд. Объектом анализа служили четыре временных ряда, алгоритмически выделенные из формантной структуры речевого сигнала посредством математической экспликации квазидифференциальных обобщенных резонансных признаков речевого тракта (*первый уровень обобщения*). Пятый временной ряд был выделен из речевого сигнала посредством множественного кросскорреляционного анализа первых четырех временных рядов (*второй уровень обобщения*). В первом приближении можно допустить, что временные ряды *первого уровня обобщения* формантной структуры речевого сигнала отражают динамические изменения в центральном механизме управления параметрами речевого тракта (его поперечным сечением и мышечным напряжением), а *второй* – механизм эмоционального регулирования второй сигнальной системы в процессе порождения речи.

Спектральный анализ временных рядов как системы взаимосвязанных процессов позволяет характеризовать динамические свойства этих систем (инерционные и колебательные), а также структуру их взаимного энергетического спектра. В эксперименте первый и второй временные ряды (VAR 1 и VAR 2) были представлены дискретными значениями отношений текущих значений частоты первой форманты ко второй и значениями отношений их ширины, соответственно. Эти ряды в первом приближении характеризуют 1-й обобщенный квази-дифференциальный резонансный признак когнитивной установки диктора. Второй и третий временные ряды (VAR 2 и VAR 3) были представлены

дискретными значениями экспериментально подобранных комбинированных отношений текущих значений частоты и ширины второй и третьей формант. В свою очередь эти ряды в первом приближении характеризуют 2-й обобщенный квази-дифференциальный резонансный признак когнитивной установки диктора в процессе производства озвученной речи.

Пятый временной ряд VAR 5 представлен числами 1 и 0, которые были получены посредством алгоритма, разработанного на основе учета текущих значений интервальных кросскорреляционных функций рядов VAR 1, VAR 2, VAR 3 и VAR 4 (множественная парная кросскорреляция). Временной ряд VAR 5 в первом приближении отражает на оси текущего времени речевого сигнала динамику изменений длительности нарушения взаимодействия совместно работающих нейронных систем, которые управляют параметрами речевого тракта в процессе производства речи в рамках эмоционального процесса, обусловленного заданным когнитивным намерением диктора (1 – нет нарушения, 0 – есть нарушение).

В связи с вышесказанным, ниже приведены некоторые данные кросспектрального анализа временных рядов VAR 1, VAR 2, VAR 3 и VAR 4 с временным рядом VAR 5 (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1.										
<i>Диктор (муж-рус), частота Дельта, Тета, Альфа ритмов (в Гц)</i>										
Сигналы	Дельта-1		Дельта-2		Тета-1		Тета-2		Альфа-1	
	пересказ	чтение	пересказ	чтение	пересказ	чтение	пересказ	чтение	пересказ	чтение
VAR 1 – VAR 5	1,53	0,77	4,2	2,3	4,6	3,2	6,1	4,2	7,3	5,4
VAR 2 – VAR 5	1,1	0,5	3,8	1,9	6,1	3,8	8	5,4	8,5	8
VAR 3 – VAR 5	1,2	0,77	3,4	2,7	4,9	4	6,5	5,4	7,7	7,7
VAR 4 – VAR 5	0,8	0,8	3,2	3,5	5	5,4	6,5	6,6	7,7	7,4

Таблица 2.										
<i>Диктор (жен-рус.), частота Дельта, Тета, Альфа ритмов (в Гц)</i>										
Сигналы	Дельта-1		Дельта-2		Тета-1		Тета-2		Альфа-1	
	пересказ	чтение	пересказ	чтение	пересказ	чтение	пересказ	чтение	пересказ	чтение
VAR 1 – VAR 5	1,1	0,81	4,2	3,8	5,9	5,4	6,3	6,5	7,7	8,5

VAR 2 – VAR 5	1,5	1,9	4,2	3,5	5,7	5,8	6,5	6,5	7,4	7,7
VAR 3 – VAR 5	0,8	1,1	4,2	3,8	6,1	5,1	6,5	6,3	7,7	8,9
VAR 4 – VAR 5	1,1	0,77	4,2	3,8	4,6	4,9	6,1	6,5	8,5	8,9

Статистический анализ измеренных данных обнаруживает значимое различие средних величин частот мозговых ритмов у дикторов (мужчины и женщины, русские) как при озвучивании смыслового содержания текста своими словами, так и при чтении его без подготовки (см. таблицы 3, 4, 5, 6).

Таблица 3.					
<i>Диктор (муж-рус), пересказ,</i> частота Дельта, Тета, Альфа ритмов (в Гц)					
	<i>Дельта-1</i>	<i>Дельта-2</i>	<i>Тета-1</i>	<i>Тета-2</i>	<i>Альфа-1</i>
VAR 1 – VAR 5	1,53	4,2	4,6	6,1	7,3
VAR 2 – VAR 5	1,1	3,8	6,1	8	8,5
VAR 3 – VAR 5	1,2	3,4	4,9	6,5	7,7
VAR 4 – VAR 5	0,8	3,2	5	6,5	7,7
	Средние значения в колонках (в Гц)				
	1,1575	3,65	5,15	6,775	7,8
Статистика однофакторного анализа					
	<i>F</i>	<i>P-Значение</i>	<i>F критическое</i>		
	82,35433	5,07E-10	3,055568		

Таблица 4.					
<i>Диктор (муж-рус), чтение,</i> частота Дельта, Тета, Альфа ритмов (в Гц)					
	<i>д1</i>	<i>д2</i>	<i>т1</i>	<i>т2</i>	<i>а1</i>
VAR 1 – VAR 5	0,77	2,3	3,2	4,2	5,4
VAR 2 – VAR 5	0,5	1,9	3,8	5,4	8
VAR 3 – VAR 5	0,77	2,7	4	5,4	7,7
VAR 4 – VAR 5	0,8	3,5	5,4	6,6	7,4
	Средние значения в колонках (в Гц)				
	0,71	2,6	4,1	5,4	7,125

Статистика однофакторного анализа		
<i>F</i>	<i>P</i> -Значение	<i>F</i> критическое
33,17277	2,75E-07	3,055568

Таблица 5.					
<i>Диктор (жен-рус), пересказ,</i> частота Дельта, Тета, Альфа ритмов (в Гц)					
	д1	д2	т1	т2	а1
VAR 1 – VAR 5	1,1	4,2	5,9	6,3	7,7
VAR 2 – VAR 5	1,5	4,2	5,7	6,5	7,4
VAR 3 – VAR 5	0,8	4,2	6,1	6,5	7,7
VAR 4 – VAR 5	1,1	4,2	4,6	6,1	8,5
	Средние значения в колонках (в Гц)				
	1,125	4,2	5,575	6,35	7,825
Статистика однофакторного анализ					
<i>F</i>	<i>P</i> -Значение	<i>F</i> критическое			
163	3,63E-12	3,05			

Таблица 6.					
<i>Диктор (жен-рус), чтение,</i> частота Дельта, Тета, Альфа ритмов (в Гц)					
	д1	д2	т1	т2	а1
VAR 1 – VAR 5	0,81	3,8	5,4	6,5	8,5
VAR 2 – VAR 5	1,9	3,5	5,8	6,5	7,7
VAR 3 – VAR 5	1,1	3,8	5,1	6,3	8,9
VAR 4 – VAR 5	0,77	3,8	4,9	6,5	8,9
	Средние значения в колонках (в Гц)				
	1,145	3,725	5,3	6,45	8,5
Статистика однофакторного анализа					
<i>F</i>	<i>P</i> -Значение	<i>F</i> критическое			
198	8,72E-13	3,055568			

Статистический анализ измеренных данных обнаруживает значимое различие средних величин амплитуды частот мозговых ритмов у дикторов (мужчины и женщины, русские) как при озвучивании смыслового

содержания текста своими словами, так и при чтении его без подготовки (см. таблицы 7, 8, 9, 10).

Таблица 7.					
<i>Диктор (муж-рус), пересказ,</i> амплитуда частоты Дельта, Тета, Альфа ритмов (в относительных единицах)					
	д1	д2	т1	т2	а1
VAR 1 – VAR 5	0,9	0,5	0,375	0,15	0,23
VAR 2 – VAR 5	0,8	0,46	0,1	0,19	0,04
VAR 3 – VAR 5	2,5	0,3	0,15	0,15	0,04
VAR 4 – VAR 5	1,4	0,8	0,1	0,1	0,05
	Средние значения в колонках (в относительных единицах)				
	1,4	0,515	0,18125	0,1475	0,09
Статистика однофакторного анализа					
<i>F</i>	<i>P-Значение</i>		<i>F критическое</i>		
8,845319	0,000709		3,055568		

Таблица 8.					
<i>Диктор (муж-рус), чтение,</i> амплитуда частоты Дельта, Тета, Альфа ритмов (в относительных единицах)					
	д1	д2	т1	т2	а1
VAR 1 – VAR 5	1	0,6	0,12	0,05	0,11
VAR 2 – VAR 5	0,55	0,65	0,3	0,12	0,08
VAR 3 – VAR 5	1,3	0,7	0,2	0,1	0,1
VAR 4 – VAR 5	2,5	0,45	0,25	0,08	0,05
	Средние значения в колонках (в относительных единицах)				
	1,3375	0,6	0,2175	0,0875	0,085
Статистика однофакторного анализа					
<i>F</i>	<i>P-Значение</i>		<i>F критическое</i>		
7,888094	0,001245		3,055568		

Таблица 9.					
<i>Диктор (жен-рус), пересказ,</i> амплитуда частоты Дельта, Тета, Альфа ритмов (в относительных единицах)					
	д1	д2	т1	т2	а1

VAR 1 – VAR 5	1,4	0,3	0,15	0,15	0,18
VAR 2 – VAR 5	0,63	0,16	0,19	0,19	0,1
VAR 3 – VAR 5	2,15	0,2	0,06	0,06	0,2
VAR 4 – VAR 5	2,6	0,21	0,1	0,02	0,1
	Средние значения в колонках (в относительных единицах)				
	1,695	0,2175	0,125	0,105	0,145
Статистика однофакторного анализа					
<i>F</i>	<i>P-Значение</i>		<i>F критическое</i>		
12,56263	0,00011		3,055568		

Таблица 10.					
<i>Диктор (жен-рус), чтение,</i>					
амплитуда частоты Дельта, Тета, Альфа ритмов (в относительных единицах)					
	д1	д2	т1	т2	а1
VAR 1 – VAR 5	1,1	1,5	0,08	0,1	0,1
VAR 2 – VAR 5	0,5	1	0,15	0,1	0,1
VAR 3 – VAR 5	0,8	1	0,1	0,11	0,19
VAR 4 – VAR 5	1,2	1	0,16	0,11	0,2
	Средние значения в колонках (в относительных единицах)				
	0,9	1,125	0,1225	0,105	0,1475
Статистика однофакторного анализа					
<i>F</i>	<i>P-Значение</i>		<i>F критическое</i>		
29,0755	6,56E-07		3,055568		

Статистический анализ данных обнаруживает также инвариантное по отношению к полу дикторов значимое различие средних величин частоты мозгового ритма д2 и его амплитуды, характерных для пересказа и прочтения текста (см. таблицы 11, 12).

Таблица 11.		
	Пересказ, Ж.Санд т2 с5 (муж-жен, рус)	Чтение, Ж.Санд т2 с5 (муж-жен, рус)
	частота Дельта 2 ритма (в Гц)	
VAR 1 – VAR 5	4,2	2,3
VAR 2 – VAR 5	3,8	1,9
VAR 3 – VAR 5	3,4	2,7

VAR 4 – VAR 5	3,2	3,5
VAR 1 – VAR 5	4,2	3,8
VAR 2 – VAR 5	4,2	3,5
VAR 3 – VAR 5	4,2	3,8
VAR 4 – VAR 5	4,2	3,8
	Средние значения в колонках (в относительных единицах)	
	3,925	3,1625
Статистика однофакторного анализа		
<i>F</i>	<i>P-Значение</i>	<i>F критическое</i>
6,268833	0,025282	4,60011

Таблица 12.		
	Пересказ, Ж.Санд т2 с5 (муж-жен, рус)	Чтение, Ж.Санд т2 с5 (муж-жен, рус)
	Амплитуда частоты Дельта-2 ритма (в относительных единицах)	
VAR 1 – VAR 5	0,5	0,6
VAR 2 – VAR 5	0,46	0,65
VAR 3 – VAR 5	0,3	0,7
VAR 4 – VAR 5	0,8	0,45
VAR 1 – VAR 5	0,3	1,5
VAR 2 – VAR 5	0,16	1
VAR 3 – VAR 5	0,2	1
VAR 4 – VAR 5	0,21	1
	Средние значения в колонках (в относительных единицах)	
	0,36625	0,8625
Статистика однофакторного анализа		
<i>F</i>	<i>P-Значение</i>	<i>F критическое</i>
12,62965	0,003177	4,60011

Вышеприведенные экспериментальные данные кросспектрального анализа и данные анализа кросскорреляционных функций временных рядов VAR 1, 2, 3, 4 и VAR 5 (соответственно) в первом приближении позволяют предположить, что когнитивные намерения дикторов (мужчина и женщина, русские) связаны с активацией определенных корковых отделов мозга в области частотного диапазона Дельта-2 ритма на

частоте 3,925 Гц, амплитуда – 0,366 отн. ед. при пересказе и 3,163 Гц, амплитуда – 0,862 отн. ед. при чтении без подготовки.

Попарный кросскорреляционный анализ временных рядов VAR 1, 2, 3, 4 с VAR 5 в первом приближении позволил статистически оценить среднюю величину временной задержки влияния инициирующего эмоционального процесса VAR 5 на процессы управления параметрами речевого тракта (VAR 1, 2, 3, 4). Например, при чтении без подготовки текста дикторами время такой задержки равно 0,5 секунды, а при пересказе его смыслового содержания своими словами – 0,8 секунды. Эти экспериментально измеренные значения скрытой реакции корковых отделов мозга, посредством которых осуществляется взаимодействие процессов VAR 1, 2, 3, 4 и VAR 5, согласуются с диапазоном значений собственно «времени ассоциации» (0,7–0,9) сек., которое измерялось на основе субъективно-психологического метода, разработанного Вундтом. По этому методу время измерялось следующим образом: испытуемого просили, как можно быстрее реагировать своим ключом «в тот самый момент, когда он замечал, что слово-раздражитель вызывало в нем по ассоциации какое-нибудь другое представление» [Бойко 1964].

Л и т е р а т у р а

1. *Бойко Е.И.* Время реакции человека. М.: Издательство «Медицина», 1964.
2. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.
3. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* К построению теории речевой коммуникации. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. С. 5-125.
4. *Тарасов Е.Ф.* Методологические проблемы исследования речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. С. 8-31.

Миф и массмедиа в лингвокультурологическом пространстве

© доктор филологических наук М.Р. Желтухина, 2010

*Посвящается
выдающемуся УЧЕНОМУ и УЧИТЕЛЮ
Юрию Александровичу Сорокину*

Газеты, радио и телевидение – всего лишь молчаливые или красноречивые погремушки, которыми утешают старость молодых.

Глеб Арсеньев

По озеру
на лодке
плыл
утешаясь хмелем
пересчитывал мальков
юркое серебро
царапал
губы сердца
о звездные мели
и сам себе
завидовал Ли Бо.

*Глеб Арсеньев
16 октября 2003 г.*

Мое поколение станет частью мифа
о несотворении мира.
Глеб Арсеньев

Проблема воздействия на сознание адресата остается одной из основных в таких современных науках, как лингвистика, психология, социология, культурология. Использование структурно-семантического, культурологического, когнитивно-прагматического подходов позволяют выявить особые маркеры реализации суггестивного воздействия на сознание адресата, заключающегося в функционировании основных видов тропов в медиадискурсе, например, ответственность семантики языкового знака, институциональность, стереотипность, мифологичность, метафоричность, комичность, фоносеманτικότητα, адгерентность / актуализованность [Желтухина 2003]. В семантике знака, в коннотации заложены основания для проявления ответственности, суггестивности, которые реализуются преимущественно в чувственной сфере: образность, эмоциональность/эмотивность, оценочность и комичность.

Корни массовой культуры лежат в области массового бессознательного (в инстинкте толпы) и в достижениях научно-технической революции по тиражированию продукции (в бизнесе) (Ситников). Сущность массовой коммуникации раскрывается следующих аспектах [Кашкин 2000]:

1) *интертекстуальность*: как в случае формальной анонимности, так и в случае формального авторства, реальных авторов, ответственных за конкретное высказывание, несколько (копирайтер или спичрайтер, менеджер или политический деятель, журналист, редактор и т. д.);

2) *мифологичность*: массовая коммуникативная среда, склонная к персонификации социальных институтов и мифологизации личностей, конструирует собственную реальность, источником которой выступает мифологема адресанта;

3) *тоталитарность*: как конструирование речевого произведения из интертекстуального материала, так и растворение ответственного авторства в мифологемном суррогате производятся ради получателей сообщения и с помощью их самих: сообщение, дискурс объединяют группу получателей в единых речедействиях, при этом подчиняя их власти или магии слова.

Фантомность медиасознания, фидеистическое отношение к слову, магическая функция языка СМИ – все это обусловило важную роль мифа в массмедиальной коммуникации. Соответственно, мифологема (вербальный носитель мифа) относится к ключевым знакам медиадискурса. Если сознание относится к образу так, что образ считается объективным и поэтому целиком переносится в значение и служит основанием для дальнейших заключений о свойствах означаемого, то мы имеем дело с мифическим мышлением (А.А. Потебня) [Потебня 1989; Красных 2001]. Для мифологического сознания характерно обращение к прецеденту, особенно к образу и деяниям героя-предка [Элиаде 1996а, 1996б, 1994; Мелетинский 1969; Сорокин 1987, 1997; Красных 1998], мифическое сознание верифицируется ссылками на прецедент, на авторитет [Автономова 1991]. Именно этим объясняется активное функционирование в суггестивных текстах прецедентных феноменов (и среди них – прецедентных имен) в интенциональном употреблении, например, синонимы среди имен нарицательных (*Айболит* = доктор, *Джеймс Бонд* = шпион, *Архимед* = ученый, изобретатель и др.): *Кого лечат думские Айболиты?* (МК, 30.01.1999); *И какая бы она (Чечня – Д. Г.) ни была дикая, чудовищная, средневековая, сколько бы ни было здесь обезглавлено Джеймсов бондов, – все равно остается надеждой и опорой английских планов на Кавказе* (Завтра, № 1, 1999).

Миф является в процессе влияния на человека массы исходным, первичным, системообразующим элементом, универсальным для всех форм

общественных связей и типов общества. Понятие мифа связано с языком предметных знаков (нуминозный язык) [Хюбнер 1996: 17]. Причем, речь идет о таких знаках, которые объемлют и внешний мир и человека в их взаимодействии. Нуминозные значения играют в мифе решающую роль. Но согласно концепции Р. Барта [Барт 1996: 258-259, 285-286], миф – это вторичная система, которая предполагает первичную. Первичная система, по мнению Р. Барта, указывает на реальность, которую он называет «чистой материей», в то время как «вторичная» вместе с мифической идеей или мифическим понятием в известной степени надстраивается над первичной и поэтому не может вытекать из «природы вещей». Мифическое понятие, по Р. Барту, «деформирует» и «отчуждает» первоначальный смысл, вследствие чего Р. Барт назвал миф «похищенным языком».

К. Хюбнер, опровергая концепцию Р. Барта, исходит из того, что нет никакой чистой материи или природы в себе, а есть лишь различные толкования реальности, причем немифическое толкование не имеет преимуществ перед мифическим толкованием [Хюбнер 1996: 336]. Здесь Р. Барт материалистичен, а К. Хюбнер выступает в роли идеалиста, трактуя действительность лишь как ее истолкование. Представляется рациональным в концепции Р. Барта то, что есть контакты, общение с популярными авторитетами, их мнение о кандидате, их поддержка активно формируют имидж политика.

Пропаганда во влиянии на человека – самое отточенное веками оружие. Западный исследователь О. Томпсон считает, что пропаганда всегда сопутствовала жизни человечества: определенная техника убеждения масс во все исторические эпохи применялась властями, церковью, оппозицией, как в политической, так и в религиозной сфере [Thomson 1977: 3]. Это попытка повлиять на установку большого числа людей по противоречивым вопросам, нейтральное распространение взглядов не является пропагандой [Lasswell 1950: 218]. Но есть иные точки зрения, которые более расширительно толкуют понятие пропаганды. Тот же историк О. Томпсон, оппонировав Г. Лассуэлу, пишет: «К пропаганде относятся любые средства внедрения и передачи образов, идей или информации, которые влияют на человеческое поведение, взятое с его активной или пассивной стороны. Сюда входят почти все аспекты искусства и коммуникации» [Thomson 1977: 7].

По мнению американского социолога Т. Парсонса, задача пропаганды состоит в том, чтобы влиять на отношения, а отсюда – на действия людей с помощью лингвистических стимулов, слова – письменно или устно [Парсонс 2002]. Т. Парсонс рассматривает пропаганду как средство социального контроля и как техническое средство, способное изменить ситуацию. Он делит пропаганду на усиливающую, революцион-

ную и разрушительную. Усиливающая пропаганда закрепляет установки людей в отношении определенных ценностей, социальных систем, оценок. Это делается в русле социального контроля. Революционная пропаганда нацелена на то, чтобы заставить людей принять новые ценности и идеи, находящиеся в конфликте с существующими – *ситуация в СССР в период перестройки*. Разрушительная пропаганда направлена на разрушение общепринятой системы ценностей – это по сути уже манипулирование общественным сознанием, психологическая война.

Анализ информации с помощью таких инструментов как единица мифа и концепция мифа показывает, что информационные сообщения представляют разновидность того или иного мифа – информационного, публицистического или художественно-публицистического. Любая информация в прессе, на телевидении – образец сконструированного мифа. Информация в прессе и на телевидении, существующая только благодаря методам преподнесения, – это пропаганда. Новость, поданная соответствующим образом, – это пропаганда.

Современный процесс создания мифов в средствах массовой информации породил новый жанр – шоу-публицистику (показную, развлекательную публицистику). Сегодня в России каждый телеканал и все ведущие издания имеют таких шоу-публицистов. На фоне подобной шоу-публицистики аналитическая публицистика, аналитический стиль требуют от публики напряжения мысли, на что способны немногие. Такая публицистика «скучна», не телевизионна, не увлекательна.

Манипулирование сознанием в СМИ – это процесс, связанный с жестким, агрессивным, в отличие от традиционной пропаганды, воздействием на людей, на определенные социальные группы, в том числе и когда те, в силу тех или иных причин, выходят из-под социального контроля. Это процесс, в основе которого лежит система мер, направленная на резкое изменение мировоззрения людей, разложения их сознания, изменение их социального поведения – это разрушительная пропаганда (по Т. Парсонсу). Как пишет П. Фрейре, манипуляция разумом человека «есть средство его порабощения». До пробуждения народа нет манипуляции, а есть тотальное подавление. Пока угнетенные полностью задавлены действительностью, нет необходимости манипулировать ими [Freire 1971: 144-145].

Манипулирование сознанием предполагает активное использование сферы общественной психологии, самой уязвимой, самой чувствительной для воздействия. Она включает в себя такие психические образования, присущие социальным группам и общностям людей, как потребности и интересы, сознание, чувства, настроения, общественное мнение, умонастроение; такие массовые психические процессы, как общение, убеждение, внушение, подражание; такие психические состояния, как

возбуждение, подъем и спад, энтузиазм и стрессы, решимость и растерянность.

Манипулирование сознанием – это, по сути, психологическая война, которая предполагает меры пропагандистского воздействия на сознание человека в идеологической и эмоциональной сферах. Психологическая война есть не что иное, как система воздействия на сознание людей преимущественно через сферу общественной психологии. Указанная система воздействия включает в себя в большинстве случаев аморальные, антигуманные средства – дезинформацию, слухи, информационно-психологические диверсии, и как наиболее объемное средство – провокацию.

Дезинформация, по мнению французского исследователя П. Норда, – «оружие интеллектуального действия, агрессия против человеческого разума» [Nord 1980: 6]. Посредством этого оружия людей можно дезориентировать, сделать беспомощными, они будут не в состоянии применить свои силы. Дезинформация – это сообщение, имеющее целью ввести людей в заблуждение, навязать им искаженное, превратное представление об идеях и о реальной действительности. Среди этих сообщений могут быть сенсации, лживая информация, информация – полуправда. Дезинформация создает стереотипы мышления, переориентирует убеждения. Дезинформация – это средство, с помощью которого можно парализовать волю людей и их лидеров.

Слухи – это инструмент дезинформации, подсказывающий людям линию поведения. Слухи могут быть полностью лживыми или с элементами истины, они могут быть по своей направленности и организации – подстрекательскими, пугающими, паническими или вселяющими надежду. Они могут рождаться на основе умалчиваемой информации – факт известен, но содержание и подробности события замалчиваются.

Информационно-психологические диверсии представляют собой высказывания, оценки, разработанные акции, специальные меры, направленные на разрушение общественного сознания, изменения жизненных установок и ориентации. Диверсии, как правило, нацелены на то, чтобы внушить сомнения в социально-политических и моральных ценностях данного общества или политической партии, движения, разрушить доверие к власти, побудить людей к определенным поступкам, возбудить националистические чувства, национальные предрассудки, что в совокупности должно привести к дестабилизации общества. В числе мер, используемых в информационно-психологических диверсиях – определенного рода публицистика, угрозы и даже шантаж.

Провокация. Если политическую пропаганду рассматривать как систематические меры или усилия с целью повлиять на сознание индивидов, социальных групп, да и общества в целом в определенном направ-

лении, то политическая провокация, как средство манипулирования сознанием, представляет эпизодическую меру, способную оказать мгновенное влияние на сознание общества, определенных социальных и профессиональных групп и отдельных людей, лидеров партий, организаций, фирм и компаний, меру циничную, острую и жестокую по сути. Провокация как средство влияния на сознание людей, как средство борьбы с политическими противниками, как средство завоевания власти, отстаивания и укрепления ее, используется в СМИ, как в демократических, так и тоталитарных обществах. Провокация может носить запланированный и стихийный характер.

Таким образом, кардинальное изменение установок в сознании людей вполне возможно в определенных социально-политических и экономических условиях и при массовой пропаганде в СМИ. Этот вывод говорит об определенной «податливости», управляемости, стереотипности, мифологичности и метафоричности общественного сознания и общественного настроения.

Л и т е р а т у р а

1. *Автономова Н.С.* Метафорика и понимание // Загадка человеческого понимания. – М.: Политиздат, 1991. – С. 95–113.
2. Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
3. *Желтухина М.Р.* Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
4. *Кашкин В.Б.* Кого класть на рельсы? К проблеме авторства в политическом и рекламном дискурсе // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 79–88.
5. *Красных В.В.* Виртуальная реальность и реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.) Научная монография. – М., 1998.
6. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
7. *Мелетинский Е.М.* Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В.Я. Морфология сказки. – М.: Наука, 1969.
8. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проспект, 2002. – 877 с.
9. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. – М., 1989.
10. *Сорокин Ю.А.* Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. – М., 1987. С. 144–145.
11. *Сорокин Ю.А.* Этнические формы культуры: сознание и модусы его вербальной репрезентации (компаративные цепочки) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 21–36.
12. *Хьюбнер К.* Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
13. *Элиаде М.* Аспекты мифа. – М.: «Инвест – ППП», СТ «ППП», 1996а. – 240 с.
14. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии / Пер. с англ. – М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1996б. – 288 с.
15. *Элиаде М.* Священное и мирское. – М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1994. – 143 с.

16. *Freire P.* Pedagogy of the Oppressed. – N.Y., 1971.
17. *Lasswell H.* Power and Society. – N. Haven: Yale Univ. Press, 1950. – 295 p.
18. *Nord P.* L'intoxication – Anne Absolue de la Guerre Subversive. – Paris, 1980.
19. *Thomson O.* Mass Persuasion in History: An Historical Analysis of the Development of Propagandatechniques. – Edinburgh, 1977.

Лингвокультурная стилистика русских и китайских аллегорий

© доктор филологических наук В.И. Карасик, 2010

Аллегория, или иносказание, представляет собой двуплановое высказывание, внешнее содержание которого связано с определенными характеристиками внешнего, наблюдаемого мира, а внутреннее содержание – с нормами поведения или законами миропорядка. Аллегория используется в тех случаях, когда говорящий считает необходимым дать возможность адресату сделать некоторое минимальное интеллектуальное усилие для того, чтобы прийти к определенным выводам. Сделав такое усилие, адресат овладевает престижным стилем общения, понимая, что непрямая коммуникация представляет собой выражение уважения к нему. Специфика аллегии в отличие от символа состоит в том, что аллегория допускает только одно прочтение, в то время как символ принципиально многозначен. У этих способов непрямого выражения смысла существует разная направленность: аллегория сориентирована на приобщение человека к неким нормам социума, она направлена на коллективное знание, символ же в его художественном понимании нацелен на выход за рамки коллективного знания, на актуализацию индивидуального творческого осмысления мира. Разумеется, речь идет о типичных аллегориях и символах. Например, известное русское речение *«Где тонко, там и рвется»* имеет одно прочтение: неудача случается чаще в тех ситуациях, где нет запаса прочности (это осуждение непредусмотрительности). В художественном тексте однозначная интерпретация вряд ли возможна: *«Женщина – подстрочник, мужчина – перевод, Бог – первоисточник. Вот!»* (Вера Павлова). Сравнивая разные типы текстов и предназначение мужчин и женщин, поэт приглашает нас задуматься и понять многомерность такого предназначения. Но наряду с однозначными аллегориями и многозначными символами существуют промежуточные образования, в частности сложные аллегии и относительно простые символы. Кроме того, к одному и тому же тексту можно подойти с разными интерпретативными установками, не случайно в любой фразе при желании можно найти эзотерический смысл.

Несмотря на то, что механизм аллегии универсален, существуют этнокультурные модели типичного выражения поучений. Эти модели отражают многовековой опыт освоения мира, свойственный определенному языковому сообществу. С позиций лингвокультурологии можно говорить об этноспецифической концептуализации действительности [Сорокин 1981? 2003; Красных 2002; Русское культурное пространство

2004; Гудков 2003; Воркачев 2009; Карасик 2004]. Весьма продуктивной является новая лингвокультурологическая модель этностилистики, предполагающая выделение этностиля – стилевых характеристик, типичных для коммуникативной практики определенного народа [Ларина 2009].

В данной работе рассматриваются этностилистические особенности русских и китайских аллегорий на материале пословиц и поговорок. Материалом для анализа послужили паремиологические справочники, составленные В.И. Далем, В.П. Жуковым, Г.Л. Пермяковым и Б.Л. Рифтиным.

Этнокультурная специфика пословиц проявляется в нескольких аспектах: 1) типичный образ, положенный в основу аллегии, 2) типичные модели универсальных высказываний, 3) типичная коммуникативная тональность таких речений.

Типичные образы аллегии связаны с реалиями, окружающими людей. Это реалии географические (в русских пословицах фигурируют лес, поле, река, а не горы, море, тундра), исторические (например, «*Душа божья, тело государево, а спина барская*» – здесь речь идет о физических наказаниях, которым подвергались в России крепостные крестьяне), обиходные (одежда и обувь, жилище, продукты питания), типичные представители фауны и флоры. В китайских паремиях отражены соответствующие реалии: «*У собаки во рту не вырастут бивни слона*», «*Даже красные цветы поддерживают зеленые листья*», «*Если дома почитаешь родителей, то зачем же идти далеко жечь ароматические палочки?*».

Обратим внимание на разные типы ситуаций, которые были осмыслены как основания для поучений. Например, интересна диалектическая русская паремия: «*Не прав медведь, что козу задрал; не права коза, что в лес ушла*». В этой фразе говорится о том, что в конфликте обычно виноваты оба его участника. Китайцы отмечают диалектику развития событий по-своему: «*Вода может нести лодку, а может и перевернуть ее*». Здесь говорится о том, что не следует рассматривать развитие событий только в благоприятном плане. Ситуации такого плана имеют место везде (домашние животные могут отвязаться и уйти в лес, лодка может перевернуться), но в одной культуре они осмысливаются как повод для аллегии, а в другой – нет. Существуют и симметричные варианты аллегорического осмысления ситуаций, например, по-русски говорят о том, что «*Ложка дегтя портит бочку меда*», а по-китайски – «*Горошина мышинного помета портит котел каши*». В обоих случаях речь идет о том, что малая степень чего-то плохого перечеркивает все хорошее, каким бы большим оно не было. Такая симметричность рассматривается В.М. Савицким как семантический изоморфизм – «*возить уголь в Ньюкасл*» (англ.), «*возить борд – сорт ткани – в Йемен*» (перс.),

«со своим самоваром в Тулу ехать» (рус.) [Савицкий 2006: 41]. В этих выражениях критикуется бессмысленность усилий по доставке чего-либо туда, где соответствующий предмет имеется. Аналогичные изоморфные речения касаются и других ситуаций: «Сапожник – сам без сапог» (рус.), «Продающий веер обмахивается рукой» (кит.).

Критика социальной несправедливости отчетливо и разнообразно выражена в русских пословицах: «Алтынного вора вешают, полтинного чествуют» (простых людей сурово наказывают за кражу в малых размерах – алтын был равен трем копейкам, а преступников, расхитивших казну, хвалят: серебряная полтина – 50 копеек – считалась сравнительно большой суммой денег). В пословицах отчетливо выражено критическое отношение к представителям закона: «Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос». Вместе с тем в коллективном крестьянском сознании ясно выражена идея допустимости умеренного покушения на чужую собственность: «Около печи нельзя не нагреться», «Быть у воды – как не напиться?». В русских пословицах формулируется великая дилемма, стоящая перед честными людьми: «Неправдою жить – не хочется, а правдою жить – не можется». В этом речении нет образности, перед нами горькая этическая сентенция, которая конкретизируется в следующих паремиях: «За правдивую погудку смычком по рылу бьют», «Грех воровать, да нельзя миновать». Этическое и практическое в русском сознании четко разделены и противопоставлены. Такая антитеза имеет универсальный характер, человек живет в двойном измерении: он твердо знает, как следует себя вести, видит, что так прожить невозможно, сознательно идет на нарушения, оправдывая себя тем, что реальная жизнь не соответствует законам высшей справедливости. Бросается в глаза непрагматичность норм русского поведения, отраженного в пословице: «Доносчику первый кнут». Это речение объясняется исторически обычаем пытаться доносчика первым, чтобы убедиться в истинности его показаний. Следовательно, доносительство не поощрялось. В русских пословицах выражена надежда на то, что справедливость будет восстановлена: «Отольются волку овечьи слёзки / Отольются кошке мышьины слёзки» – Обидчику придется держать ответ за обиды, причинённые слабому. Эта фраза обычно произносится как утешение обиженному.

Для русского языкового сознания весьма важной является идея трезвой оценки непреодолимых обстоятельств: «Лбом стену не прошибёшь», «Плетью обуха не перешибёшь», современное речение «Против лома нет приёма». Такая трезвая оценка базируется на необходимости смирения, весьма важного концепта традиционной русской лингвокультуры. Смирение предполагает жертвенность: «Лес рубят – щепки ле-

тят». Говорящий признает, что жертвы неизбежны и тем самым оправдывает их заранее.

В китайских паремиях акцент делается на практических последствиях поступков: *«Выбитые зубы попадают в живот»* (когда нет возможности жаловаться, надо молча переносить обиду). Вместе с тем констатируется несправедливость мироустройства: *«Все хорошие дела достаются прекрасной барышне, а плохие - валяются на плешистую служанку»*. Вывод – тем, кому плохо, и далее придется страдать.

Китайцы подчеркивают множественность взглядов на мир: *«Выпадает снег – собакам радость, а у воробья в животе полно злости»*. Акцентируется идея различий между людьми, при этом нет указания на какую-то одну позицию, с которой ассоциирует себя говорящий. При этом делается вывод, что когда от чего-то кому-то хорошо, другому от этого же будет плохо. В русских пословицах на первый план выдвигается мысль о том, что люди отличаются друг от друга своими пристрастиями: *«На вкус и на цвет товарища нет»*, *«Кто любит попа, кто попадью, кто попову дочку»*.

В китайских паремиях осуждается претенциозность: *«Днем ходит, как вельможа, а по ночам ворует сою»*. В этом речении выражена очень важная для китайской лингвокультуры норма поведения – нельзя терять лицо.

Ориентированность на эту жизнь резко отличает китайские паремии от русских: *«Думай лучше о еде в этом мире, а не о том, что на том свете нечем будет топить»*. Человек должен думать о проблемах настоящего дня.

В китайском языковом сознании остро переживается идея несоответствия между низким статусом человека и его завышенными притязаниями: *«Жаба всем сердцем хочет попробовать лебединого мяса»*. Вместе с тем допускается возможность выхода за рамки своей социальной группы: *«И из курятника выходят фениксы»*. Феникс, как и дракон, являются высшими персонажами китайской мифологии. В китайском сознании закреплена идея возможности социального роста человека. В русском сознании такой рост оценивается иначе: *«Из грязи, да в князи»*. Здесь подчеркивается другой смысл: получив высокий статус, человек низкого происхождения остался тем же, кем и был – грязью. Эта весьма частотная паремия используется в тех ситуациях, когда люди презрительно отмечают низкие этические качества тех, кто сумел пробиться наверх. В русских паремиях идея соответствия статуса человека и его поведения выражена как предостережение тем, кто вмешивается не в свое дело: *«Знай сверчок свой шесток»*. Вместе с тем и в русском языковом сознании приветствуется идея продвижения по службе: *«Плох тот солдат, который не надеется стать генералом»*. Вероятно, в

коллективном сознании есть некая усредненная норма социального роста, плохо, если кто-то слишком быстро поднимается вверх, и нехорошо, если кто-то останавливается на пути.

Принято считать, что в китайской лингвокультуре не поощряется самовыдвижение. Однако в корпусе китайских пословиц наличествует такое речение: *«Если есть цветы, так воткни их в волосы при всех»*. Это означает, что окружающие должны знать о достоинствах человека, их не нужно скрывать. Человек не должен со всеми соглашаться: *«Из круглых камней стена непрочная»*. Аллегория понятна: удобный и приятный всем человек сравнивается с круглым камнем, но на такого человека нельзя положиться.

Китайские пословицы советуют человеку придерживаться выбранного курса: *«Коль собрался бить в барабан, не бей в гонг»*. Стабильность высоко ценится в китайской лингвокультуре. Очень интересно речение, в котором рекомендуется ценить то, что находится рядом: *«Лекарство, что стоит тысячу монет, растет у самого плетня»*. Народная мудрость учит человека внимательно смотреть на реальность и говорит о том, что наилучший выход из сложной ситуации может быть найден поблизости.

Китайцы подчеркивают важность умеренности: *«При трех ноздрях будет идти лишняя струйка воздуха»*. Иначе говоря, избыток вреден. В русской лингвокультуре актуализируется идея полярного контраста, драматического выбора между взаимоисключающими вариантами: *«Пан либо пропал»*, *«Либо в стремя ногой, либо в пень головой»*, *«Либо грудь в крестах, либо голова в кустах»*. Такой выбор – всё или ничего – свидетельствует о приоритете эмоционального романтического порыва над здравым смыслом, о презрении к золотой середине и, если задуматься, о более значимой роли ситуаций противоборства по сравнению с ситуациями повседневного труда.

В русском языковом сознании множественно и вариативно выражена идея коллективизма: *«Лес по дереву не плачет»* - Интересы всего общества важнее интересов отдельных людей. Особенно важно быть вместе с другими людьми в критических ситуациях: *«На миру и смерть красна»*. Количество ратников часто решает судьбу сражения: *«Один в поле не воин»*. Коллективный труд более производителен: *«Артельный горшок гуще кипит»*, *«Одной рукой узла не завяжешь»* – Сообща легче справиться с любым делом. В китайской паремиологии показаны как плюсы, так и минусы коллективной жизни. В рискованных предприятиях человеку нужна поддержка: *«Чтобы убить тигра, непременно нужны родные братья»*. Помимо коллективности в этом речении подчеркивается важность родственных связей. Но в паремиях встречаются и критические оценки тесных взаимных связей: *«Можно вместе переносить*

невзгоды, нельзя вместе делить радость». Подобная пословица резко диссонирует с русскими речениями на эту тему: *«Если радость на всех одна, то и беда одна»*.

Отметим точность наблюдений о человеческом характере в китайских пословицах: *«Сорвавшаяся рыба всегда самая большая»*. Человеку свойственно преувеличивать значимость того, что потерялось, чуть не став обретением.

Универсальные высказывания строятся по определенным моделям, включающим кванторы существования и всеобщности, причинно-следственные отношения, перечисления и противопоставления. Если говорить о прототипных ситуациях поучений, лежащих в основе аллегорических речений, то это ситуации побуждения к действию, запрета (побуждения к отказу от возможного действия), констатации некоторого положения дел – простого и сложного. Например, *«Не бей Фому за Ерёмину вину»*. В этом запрете содержится предписание устанавливать ответственность человека за совершенное им действие и не наказывать невиновного. В паремии содержится обобщенное наблюдение, включающее несколько суждений. Например, *«Ворон ворону глаз не выклюет»*. Это речение означает, что своих в сложной ситуации пожалеют. Ворон может выклевать глаз другому живому существу, и люди могут вести себя достаточно агрессивно, но по отношению к своим агрессия будет иной по сравнению с отношением к другим.

В китайских паремиях весьма часто мы сталкиваемся с симметричными суждениями. Например, *«Деньги в руках посыльного – баран во рту у тигра»*. В этой конструкции (А есть В) второе суждение раскрывает сущность первого. Именно второе суждение содержит аллгорию. Подобные речения встречаются и в русской коммуникативной практике (*«Женщина за рулем – обезьяна с гранатой»*, распространенное сексистское утверждение, посредством которого мужчины пытаются самоутвердиться в собственных глазах; на самом деле женщины водят автомобили осторожнее мужчин). Интересны симметричные китайские речения, в сжатом виде повествующие о развитии некоторых событий: *«дерево свалится, мартышки разбегутся»*. Аллегорический потенциал этой паремии допускает такую интерпретацию: дерево – любая опора в прямом и переносном смысле, позволяющая тем, кто находится там, чувствовать себя в безопасности, как только эта опора рушится, они пытаются спастись. При этом нужно знать, что мартышки бывают агрессивными, особенно, когда чувствуют себя неуязвимыми: их любимое занятие – бросать сверху на людей или животных плоды. Таким образом, общий смысл такого речения – обидчики торжествуют, пока они в безопасности, но это пройдет. В китайских паремиях часто имеет место риторическое удвоение смысла: *«Женщина, продающая овощи, ест*

желтые листья; женщина, продающая цветы, вставляет бамбуковые листья в волосы). В этом изречении выражена одна идея в двух вариантах: тот, кто распоряжается какими-либо ресурсами, часто не пользуется ими. Продавая овощи, можно было бы их есть, но женщина не может использовать даже свежие зеленые листья и вынуждена довольствоваться высохшими желтыми; и продавщица цветов не может воспользоваться своим товаром для украшения своих волос. Аналогичным образом используется риторическая тавтология в других китайских пословицах: *«Когда лодка опаздывает, то и ветер встречный; когда крыша протекает, то и дождь идет*». Смысл этого удвоенного речения в том, что неблагоприятные обстоятельства часто накладываются друг на друга. В русском языке эта идея выражена менее образно: *«Беда не приходит одна», «Пришла беда – открывай ворота*». В английском языке есть подобное высказывание: *«It never rains, but it pours»* – Если уж пошел дождь, то это – ливень. Китайская концептуализация такого положения дел является более подробной. Идея выражена с помощью двух образов-ситуаций, которые по своей динамичности похожи на видеоклип.

Симметричность структуры многих китайских пословиц объясняется следующим образом: «типичной спецификой китайской пословицы является *dui ou* (букв. пара + парность; знач. параллельный стиль или симметрическое построение ее частей). Она отражает специфику мышления китайского народа (единство противоположности) и эстетическое восприятие их (парность) (Лю Цзюань 2004: 94). Симметричные поучения обычно содержат общую идею, выраженную формулой «А – В, С – D)», при этом в аллегорическом смысле переосмысливаются все компоненты паремии. Например: *Chu men wen lu, ru xiang wen su* – *Отправляешься в дальний путь – узнай дорогу; придешь на новое место – узнай обычай*. Эта пословица применима к широкому спектру ситуаций знакомства с кем-либо. В паремиях могут полностью повторяться компоненты первой и второй частей: *Yi bo wei ping, yi bo you qi* – *Не успела одна волна накатить, как поднимается другая*. В этом образе аллегорически выражена идея необходимости постоянно быть готовым к испытаниям судьбы.

Модели универсальных высказываний, выступающих в качестве основы для аллегорического осмысления, представляют собой свернутые повествования. Аллегория часто выражается в виде нарратива:

Некто звал Чжуан-цзы к себе на службу. Чжуан-цзы так ответил посланцу:

– Видали вы когда-нибудь жертвенного быка? Наряжают его в расшитые ткани, откармливают сеном и бобами! А потом ведут в храм предков – на

заклание. Он и рад бы тогда снова стать простым теленком – да не тут-то было! (Чжуан-цзы).

В этой притче говорится о расплате за роскошную жизнь. Фабула данного повествования представляет собой диалог царского посланца и мудреца, который, отказываясь от лестного приглашения стать придворным, аллегорически сравнивает царедворца с жертвенным быком. Сюжет нарратива – это жизнь жертвенного животного: этот бык избран из стада, его красиво наряжают, сытно кормят, мы можем также заключить, что его не заставляют работать, а потом его ведут на заклание, и вернуться в стадо и стать простым быком он уже не может. Эту притчу можно было бы свернуть в поговорку: Знает ли жертвенный бык, для чего его откармливают?

В русской культуре поучения ситуативно конкретизированы и часто завершаются четкой формулировкой, которая впоследствии начинала циркулировать в качестве поговорок. Например: *«Целовал ворон курочку до последнего перышка»*. Иная любовь приводит объект этой любви к печальному концу, и человек иногда не понимает, что губит любимое существо своей страстью. Вместе с тем в известном собрании сказаний и легенд русского народа в книге А.Н. Афанасьева приводится ряд притч, имеющих религиозную основу. Например:

Когда-то пришел Христос в худой нищенской одежде на мельницу и стал просить у мельника святую милостыню. Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!» Так-таки ничего и не дал. На ту пору случись – мужичок привез на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился: «Подь сюды, я тебе дам». И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий все свою кису подставляет. «Что, али еще отсыпать?» — «Да, коли будет ваша милость! Ну, пожалуй!» Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так, самая малость. «Вот дурак! Сколько отдал, – думает мельник, – да я еще за помол возьму; что ж ему-то останется?» Ну, хорошо.

Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть; смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпется, да сыпется! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намолось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпется, да сыпется... Мужик не знал, куда и собирать-то!

Эта история («Чудо на мельнице») представляет собой сюжет об испытании богатого и бедного на щедрость. Богатый мельник отказал нищему в милостыне, бедный мужичок щедро поделился с нищим своим зерном, и поэтому произошло чудо: из небольшой мерки ржи вышло много муки. Мораль этой истории сводится к тому, что следует быть щедрым. Скупой богач будет наказан, а щедрый бедняк награжден, или еще короче: скупой потеряет, а щедрый найдет. Щедрость, как известно,

– одна из базовых ценностей традиционной русской культуры. Кроме того, в этой притче содержится осуждение богатых людей, которые из-за своего богатства очерствели сердцем. В современном русском языковом сознании существует пословица «*Скупой платит дважды*». Интересно, что в современном русском паремиологическом фонде нет речений, в которых бы положительно оценивалась щедрость. Возможно, это связано с тем, что осуждение недостатков более значимо, чем восхваление достоинств. Отметим также, что противопоставление богатства и бедности в современном русском сознании приобрело иной характер: «*Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным*». Такая метаморфоза ценностей объясняется изменением социальных ориентиров в современной России. Норма становится актуальной только тогда, когда в ней есть некая новизна, самоочевидные вещи повторяются только с игровой целью. Можно, разумеется, усмотреть игровой смысл в приведенном речении, и тогда оно воспринимается как пустоговорка, существующая для заполнения паузы. Но можно построить иную объяснительную схему: раньше считалось, что главное – это духовное богатство, а материальный достаток не важен, а теперь считается, что материальное богатство, как и физическое здоровье, – это то, к чему следует стремиться.

Коммуникативная тональность – это эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения [Карасик 2009]. Тональность ситуативна и присуща дискурсу в целом, отдельные высказывания могут значительно отличаться друг от друга по этому параметру, попадая в другие типы дискурса. Но если даже слово, по М.М. Бахтину, хранит в своем значении типичные ситуации употребления, то подобная дискурсивная память тем более свойственна высказываниям. Это в полной мере относится к универсальным высказываниям, которые предназначены для поучений. И.М. Снегирев [1848: XXIII] отмечает, что «коренная, древнейшая форма пословиц есть эпическая; но нередко облекается она в лирическую и символическую, иногда принимает и драматическую». Эпическая форма представляет собой повествование – в прошедшем, настоящем либо будущем времени. Мы видим развитие событий: «*Взвыла собака на свою голову*» (рус.) – Собака завыла, хозяин вышел и побил ее. Мораль: надо молчать, как бы плохо ни было на душе, иначе будет еще хуже, поскольку люди редко проявляют сочувствие. Мы можем представить себе ситуацию использования такого речения следующим образом: в неподходящий момент кто-то жалуется начальнику на кого-либо, а начальник вместо сочувствия начинает ругать обиженного. Комментатор, рассказывая такую историю, приводит эту пословицу в качестве типич-

ного развития событий. Подобные высказывания широко распространены в русской паремиологии. Перед нами притча в ее классическом концентрированном выражении, т. е. отдельный случай, имеющий аллегорическое истолкование. В высказывании выражена авторская оценка поступка – «на свою голову». В этом комментарии мы видим и осуждение, и сочувствие.

В китайской паремиологии критические речения широко представлены: *«Бедный за богатым ходит, ходит – а штанов все равно нет»* (кит.). Отрицательно оценивается неверная стратегия поведения. В затруднительной ситуации слепое подражание или ожидание помощи не принесет пользы. Человек должен искать иные решения. Обращает на себя внимание саркастичность речения. Подобная тональность прослеживается во многих речениях, осуждающих неумное поведение: *«Поднял с земли семена кунжута, а потерял арбуз»* (кит.). Преследуя неверную цель, человек неизбежно несет потери. Ситуации ошибочного поведения весьма разнообразны. Например: *«Когда вор ушел, закрывают двери»* (кит.). Надо было вовремя думать о вероятных неприятностях. Ирония выражается в несоответствии поступков: *«Когда садишься в свадебный паланкин, поздно прокалывать дырочки в ушах»* (кит.). Осуждается отсутствие планирования и предусмотрительности в жизни. В современном русском разговорном обиходе есть соответствующее прислобие: *«Поздно пить боржом, когда печень отвалилась»* (рус.).

Ироничная тональность прослеживается в целом ряде русских пословиц. Например: *«Вылетела птишка из клетки, не знает, где и сесть»* (рус.). Бывает так, что человек, осуществив свою мечту, не знает, что дальше делать. Особенно это касается молодых и неопытных людей. Говорящий не проявляет сочувствия к персонажу, сравнивая его с глупой птичкой, а укоризненно покачивает головой. Иронично звучит речение, выражающее критическую оценку неблагодарности: *«Дали нагому рубашку, а он говорит: толста»* (рус.). Эта идея в иной тональности достаточно часто проявляется в паремиологическом фонде: *«Дареному коню в зубы не смотрят»* (рус.).

В пословицах часто аллегорически выражается призыв к бдительности. Например: *«Умерла щука, да зубы остались»* (рус.) – Хотя источник зла устранен, его последствия еще будут приносить вред. Эта идея очень важна: в данном речении содержится предостережение против естественной беспечности. Перед нами серьезное поучение в чистом виде.

В пословицах может содержаться утешение и сочувствие. Например: *«Подняться в небо – нет дороги, спуститься под землю – нет ворот»* (кит.). Так говорят о безвыходном положении. По-русски в такой ситуации говорят так: *«Куда ни кинь, везде клин»* (рус.). Русское речение

носит более разговорный характер. Общий вывод таких речений – случаются безысходные ситуации. Зачем нужны такие речения, в которых не содержится совет? По-видимому, они являются способом эмоциональной разрядки и в этом плане эквивалентны междометиям, если обращены к самому себе. Но если такие высказывания адресованы другим людям, то предполагается, что в ответ говорящий услышит слова сочувствия и поддержки. С некоторыми оговорками такие речения можно назвать лирическими. Утешение сопряжено с оправданием: «*Лока не попадешься на удочку, не станешь знатоком*» (кит.). Здесь выражена идея неизбежности совершения ошибок. Эта же идея прослеживается в русской поговорке: «*Конь о четырех копытах, и тот спотыкается*». Такой вывод зафиксирован в паремиологии многих народов, например: «*Человеку свойственно ошибаться*» (лат.). Существуют и речения, в которых сочувствие не сопряжено с оправданием: «*Уломали сивку крутые горки*» (рус.). Так говорят о тех, кто не выдержал напряженной работы, сошел с дистанции, не выполнил своих планов. Такая ситуация точно отражена в хрестоматийно известных словах Екатерины Ивановны Мармеладовой из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: «*Заездили клячу – надорвалась!*». Яркий образ уставшей изможденной лошади сразу же обрастает аллегорическим смыслом.

Некоторые паремии парадоксальны: «*Огонь в бумагу не завернешь*» (кит.). Здесь выражена идея бессмысленности применения неподходящих средств для решения тех или иных проблем. Подобные парадоксальные суждения есть и в русской паремиологии: «*Плетью обуха не перешибешь*» (рус.). Несочетаемость огня и бумаги, плети и топора самоочевидна. Говорящий находит яркий контраст для того, чтобы объяснить адресату, что тот поступает неправильно и неизбежно сильно пострадает, если не изменит своего поведения. Перед нами акцентированная тональность настойчивого увещивания. Здесь можно усмотреть и самооправдание: говорящий оправдывается перед собой или другими, что предпринимал какие-то усилия, но все оказалось безрезультатным.

В паремиях может выражаться тональность удивления, смешанного с некоторой досадой: «*В рай за волосы не тянут*» (рус.). Так говорят в тех случаях, когда не удается убедить кого-либо в том, что было бы ему полезно. У этого речения есть коммуникативные эквиваленты: «*Вольному воля, а спасенным рай*» (рус.) или в современном варианте с некоторой долей юмора: «*Колхоз – дело добровольное*» (рус.).

В русской паремиологии обращают на себя внимание шуточные речения. Например: «*У каждой избушки свои поскрипушки*» – Каждому человеку присущи какие-то свои привычки, которые кажутся странными другим. Эта идея поддержана современным разговорным речением: «*У каждого свои тараканы в голове*». Стремление понизить стилисти-

ческий регистр в поучении свидетельствует о том, что говорящий отдает себе отчет в возможной негативной реакции на это поучение со стороны слушающего. Такая коммуникативная тактика оказывается весьма успешной, поскольку, как известно, действенна только благожелательная критика. В китайской паремиологии подобные шуточные изречения попадают значительно реже. Возможно, требуется более полный список пословиц, но не исключено, что в китайской лингвокультуре поучение не сопряжено с юмористической тональностью. В ряде случаев ирония становится достаточно едкой: *«Хоть дуйся, хоть не дуйся, уж не быть быком лягушке»* (рус.). В этом речении осуждается спесивое надменное поведение кого-либо.

В пословичном фонде представлены и диалоги, своеобразные драматургические аллегорические речения: *«Тит, поиди молотить!»* – *«Брюхо болит»*. – *«Тит, поиди вина пить!»* – *«Дай кафтанишко ухватить»*. Вариант: *«Тит, иди кашу есть!»* – *«А где моя большая ложка?»*. В этом диалоге иронически показано отношение к лодырю.

Подведем основные итоги.

В коммуникативной практике выделяются ситуации, значимые для поучений. Такие ситуации закрепляются в определенных речениях, обычно в пословицах и притчах. Анализ русских и китайских аллегорий на материале паремиологии показал, что существует определенная специфика фиксации аллегорического смысла в сравниваемых лингвокультурах. Эта специфика выражается в типичных образах, которые положены в основу аллегорий, в типичных моделях универсальных высказываний и типичных разновидностях коммуникативной тональности, закрепленных в соответствующих аллегорических речениях. Образ, модель и тональность представляют собой семиотическое представление прототипной ситуации поучения, в которой выделяются семантические, синтаксические и прагматические характеристики. Семиотическое своеобразие образов, используемых в аллегорических речениях, сводится к набору исходных реалий и к совокупности значимых идей, выражаемых посредством этих реалий. В русской лингвокультуре выделяются идеи справедливости и коллективизма, в китайской – целесообразности и трезвого учета обстоятельств. Китайские паремии часто построены в виде симметричных суждений, русские аллегорические высказывания могут выражаться в разных структурных типах предложений. Основными типами коммуникативной тональности в паремиологии являются осуждение и утешение, при этом для русских речений характерно шуточное снижение стилового регистра, а для китайских – явно выраженная назидательность.

Л и т е р а т у р а

1. *Воркачев С.Г.* Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2009. – 190 с.
2. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
6. *Лю Цзюань.* Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. – 193 с.
7. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
8. *Савицкий В.М.* Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
9. *Сорокин Ю.А.* Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Аспекты изучения текста. М., 1981. – С.93-101.
10. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. – 160 с.

Л е к с и к о г р а ф и ч е с к и е и с т о ч н и к и

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. Т.1. М.: ТЕРРА, 1996. 432 с.; Т.2. М.: Терра, 1996. 422 с.
2. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1993. 537 с.
3. *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.
4. *Рифтин Б.Л.* Китайские пословицы и поговорки // Мудрое слово Востока. М.: РИПОЛ, 1996. С.273-309.
5. *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. – 550 с.

Гендерная специфика русской и немецкой устной академической коммуникации

© доктор филологических наук А.В. Кирилина, 2010

Статья посвящена сравнительному анализу данных, полученных при изучении гендерных аспектов академической коммуникации в немецкой и русской научной среде, также содержит некоторые методологические выводы, обусловленные эмпирией.

Сопоставляются результаты, полученные в 90-е годы XX века немецкими учеными в ходе выполнения проекта “*Kommunikative Konfliktpotentiale zwischen Frauen und Männern*” (Потенциальные коммуникативные конфликты между мужчинами и женщинами – *перевод наш.* – А.К.) [Вагон 1996а, 1996б, 1998; Барон 2005], и результаты изучения гендерной специфики согласия/несогласия в устной научной дискуссии, полученные в первом десятилетии XXI века при реализации руководимого автором доклада проекта «Научные основы профессиональной институциональной коммуникации» [Кирилина, Маслова 2007; Маслова 2007; Маслова, Кирилина 2008; Кирилина, Маслова 2009].

Оба проекта имеют сходные предмет и объект; построены на сходных методологических (социоконструктивистских) основаниях (подробнее см. [Кирилина 2010]). В фокусе внимания находится гендерная специфика выражения согласия/несогласия (С/НС) и ее коммуникативно-прагматическая значимость¹.

В характере и условиях протекания немецкого и русского институционального общения обнаруживается сходство:

1. степень выраженности речевого поведения тесно связана с закрепленностью различных формальных/институциональных структур;
2. в институциональном контексте несогласие не только служит деловому обсуждению темы, но и представляет собой инструмент создания и поддержания статуса/ социального престижа;
3. «косвенность» критики, завуалированность истинных намерений критикующего является главной особенностью выражения несогласия в академической среде. Доминирует стратегия неконфронтативности. Репертуар средств маскировки несогласия широк и во многом совпадает в немецкой и русской академической коммуникации (квазивопросы;

¹ Феномен С/НС рассматривается широко и включает такие речевые акты, как полное и частичное, прямое и косвенное согласие, похвалу, совет, порицание, критику, ответ на критику и т.п.

особенности интонирования; определенный набор лексических и стилистических средств (инициальная похвала; применение модальных формул неуверенности); ирония (только в немецком материале); несогласие под видом уточнения; выражение совета (только в русском материале для лиц с высоким внешним статусом).

Гендерно предпочтительные формы согласия/несогласия также обнаруживают совпадения. В выступлениях ученых-женщин отмечаются:

- самокритика (... *das sei jetzt bestimmt überzogen, aber auch 'n bißchen provokativ* / *Сейчас это, конечно, натянуто, а также несколько провокационно...*);

- предвосхищение критики (*Also, wie gesagt, ich hab das Gefühl gehabt, dass ich mein, äh, Versprechen nur zur Hälfte eingelöst hab, und... / Как я уже сказала, у меня такое чувство, что я свое ээ обещание только наполовину исполнила...; Вот мне так кажется, конечно, не без доли субъективизма*);

- самоограничения, прежде всего содержательного и количественного параметров высказывания (*Ich habe da nur einen ganz kleinen Abschnitt bearbeitet / Я обработала лишь только небольшой фрагмент!; Das kann sicher nicht alles erklären / Это объяснение, конечно, не является универсальным* [Baron 1996a: 126; Маслова 2007: 101 и след.]).

Кроме того, в немецком исследовании отмечается:

- Тезисы женщин в среднем ограничиваются частной точкой зрения; у женщин отмечаются более редкие ссылки на авторитет, цитаты, обучения, а также упоминание знакомств с видными людьми и замечания о значимости собственных достижений.

- Женщины обнаруживают тенденцию чаще проявлять себя как говорящий субъект: они меньше подчеркивают свою институциональную роль и отказываются от характерных для научного языка «скрытых перформативов». Ученые-мужчины, заявляя вопрос или краткое замечание, чаще переходят в формат доклада, совершая развернутые монологические высказывания.

- Редкое использование иронии женщинами при несогласии.

- Предпочтение менее интенсивных тактик «косвенности» критики.

- Выбор прямых форм высказывания приводит не к прямой критике, а к тому, что противоположное мнение (только в контексте официальной коммуникации!) преподносится очень осторожно (заявленные «дополнение» или «переспрос» сохраняют свое прямое значение) [Baron 1996a: 126 и след.].

В российской научной дискуссии в женских выступлениях отмечены формулы, выражающие готовность строго соблюдать институциональные нормы коммуникации, особенно регламент (*я понимаю/ что все уже устали, я постараюсь так сказать строго придерживаться регламента/ и даже может быть раньше закончить* и т. п.) [Маслова 2007: 101 и след.].

Различия в результатах нем и русского исследований

1. Различия в институциональном фрейме: различное количественное соотношение мужчин и женщин в немецкой и русской академических средах. В германских университетах и по сей день преобладают мужчины, женщины часто занимают подчиненные должности, а также – что подчеркивает Б. Барон – в целом реже берут слово в дискуссиях даже в разнополюх группах с преобладанием женщин.

В исследованной русской научной коммуникации эти выводы не подтвердились или оказались выраженными значительно менее ярко. Отечественные исследования строились на данных гуманитарной сферы, в которой женщины преобладают, занимая, в том числе, и значительное (хотя и не подавляющее) число руководящих позиций (профессор, зав. кафедрой, декан, проректор, ректор и т. п.).

2. Б. Барон отмечает: «Иногда наблюдается, что защиту точки зрения докладчицы, стоящей на средней или низшей ступени научной иерархии, берет на себя мужчина с более высоким социальным статусом, который вместо нее отвечает на критику» [Барон 2005: 532-533]. В отечественном же научном общении сходная ситуация не обнаружила гендерной специфики.

3. Важным средством маскировки критики в немецкой академической коммуникации является ирония, которая, однако, практически не используется женщинами. Б. Барон считает этот факт стабильным гендерно специфичным признаком. В русской академической коммуникации не выявлено расхождений по данному параметру. Более того, ирония практически не встречается исследованном русском материале.

4. В немецкой дискуссии, «заявляя о своем желании выступить, женщины-специалисты высказываются короче, их выступления демонстрируют меньшую приверженность стандарту литературного языка, однако за рамками высказывания чаще дополняются самоэксplikациями» [Барон 2005: 533]. По материалам российских дискуссий можно, напротив, заключить, что от литературной нормы речь женщин не отклоняется. Вместе с тем в русском общении зафиксированы случаи (нечастые – всего 13 реплик трех докладчиков-мужчин) серьезного на-

рушения институциональных норм (резкая отповедь, грубость в ответ на вежливо высказанное несогласие) [Маслова, 2007: 101 и след.]:

О: . Нет/ это не нужно вводить/ это после Сократа

Д: . Ну может вы помолчите хоть чуть-чуть/ хотя бы тридцать секунд// Если не трудно// Э-э вот// <...> Вы не можете молчать/ я вижу// <...>

Заключение

И в немецкой, и в русской академической среде женщины-ученые в роли докладчиц, руководителей секций и участников дискуссий обнаруживают иные, нежели их коллеги-мужчины, тенденции к построению своих высказываний. Для женского вербального поведения в рассматриваемом жанре общения более характерна стратегия негативной самопрезентации, а для мужской – стратегия положительного преподнесения себя как знающего и авторитетного специалиста.

И хотя оба исследования убедительно показали, что не существует прямой зависимости между стилистическими средствами и целью высказывания, все же практически все названные речевые тактики, свойственные женщинам, имеют негативные последствия для их профессионального имиджа, так как ассоциируются с некомпетентностью и непрофессионализмом в данном типе коммуникативного пространства.

Полученные результаты позволяют также сформулировать некоторые методологические выводы для дальнейших отечественных исследований, в которых концептуализация понятия «гендерные различия» обнаруживает чрезвычайную пестроту.

Несмотря на довольно широкое распространение гендерной проблематики в отечественном научном описании последних лет, все еще недостаточно осознается связь гендерного подхода с социоконструктивистскими и социоконструкционистскими теориями и вытекающая из этой связи методология лингвистического исследования гендера, рассматривающая его не столько как индивидуальную, сколько как социальную конструкцию, в значительной степени зависящую не от пола индивида, а от его конформности и согласия/несогласия встраиваться в имеющуюся гендерную «систему координат», то есть от степени интенсивности конструирования гендера.

Изучение манифестации гендера в языке представляет собой поэтому исследование одной из социальных инструкций по усвоению «мироустройства», а изучение гендерной составляющей коммуникации направлено на выявление способов воспроизводства / коррекции / ниспровержения индивидом этого мироустройства.

Анализ устной академической коммуникации (в данном случае – на русском материале в его сопоставлении с немецким) позволил сформулировать следующие положения:

1. Гендерные различия и сегодня нередко пытаются обнаружить, пускаясь на поиски различий в частоте употребления различных частей речи, определенных слов, эмоциональных высказываний и т. п. Критерии разграничения лежат, однако, как правило, вне языка – в сфере мотивации и системы ценностей коммуникантов. Следовательно, для анализа гендерной специфики более подходят теории, базирующиеся на прагматике – теория речевых актов, теория прагматического контекста, теория коммуникативной адаптации и иные социально-философские и психологические теории личности.

2. Гендерные различия в профессиональной коммуникации могут быть связаны с разным пониманием социального престижа мужчинами и женщинами вследствие неодинаковых социализационных установок, что ведет к различной коммуникативной (отнюдь не всегда речевой) манифестации одного и того же стремления – повысить или сохранить свой престиж и статус.

3. Конструирование гендера в профессиональной среде связано с конструированием статуса компетентного лица (эксперта). Общепринятым (конвенциональным) в большей степени является мужской способ репрезентации своей компетентности, что в профессиональной коммуникации делает конструирование женственности фактором, снижающим статус эксперта.

4. Гендерный параметр проявляется с различной степенью интенсивности, которая зависит от взаимодействия с другими параметрами индивида: статусом, возрастом, компетентностью и т. п.². Наиболее интенсивно проявляется тот из них, различия по которому наиболее велики. Коммуникативное поведение отдельных мужчин и женщин может существенно отклоняться от среднего «гендерного стандарта». Однако такое отклонение следует объяснять общими закономерностями коммуникации и интерпретировать с позиции взаимодействия параметров коммуниканта.

5. Одна и та же реплика, произнесенная мужчиной или женщиной в сходном контексте, может вызвать разную реакцию и интерпретироваться по-разному вследствие ранее сформированной предубежденности, которую общество прививает своим членам в ходе социализации. Сле-

² Интенсивность проявления гендера в коммуникации также зависит и от установок других коммуникантов, однако этот вопрос требует отдельного обсуждения.

довательно, существуют заданные, доопытные оценки; наиболее яркие из них – гендерные стереотипы.

6. Гендерные стереотипы влияют на сознание исследователя, задавая его мысли стандартное направление, что в ряде случаев сказывается на интерпретации результатов исследования.

7. Следует различать эксплицитное и имплицитное конструирование гендера в речевом поведении коммуникантов; наибольший интерес представляют имплицитные способы, так как они осознаются слабо или не осознаются коммуникантом вообще.

8. В условиях динамической синхронии, то есть ускоренного темпа изменений языка и всей жизни человека и общества, необходимо учитывать и динамичность гендерного конструкта; его динамика, однако, далеко не всегда однонаправленна. Конструирование гендера в коммуникации может коррелировать с доминирующими на данном этапе в обществе гендерными репрезентациями.

Л и т е р а т у р а

1. Барон Б. «Закрытое общество»: существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации? / Б. Барон // Гендер и язык – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 511–538.
2. Кирилина А.В., Маслова Л.Н. Некоторые особенности устной научной дискуссии // Языковое сознание: Парадигмы исследования / под ред. Н.В. Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой. – Москва–Калуга, 2007. – С. 255. – 276.
3. Кирилина А.В., Маслова Л.Н. Устная научная дискуссия: взаимосвязь конструирования гендера и статуса компетентного лица // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред. Элизабет Шоре, Каролин Хайдер, Галины Зверевой / Sex. Gender. Kultur. Deutsche und russische Forschungen / Hrsg von Elisabeth Cheaure, Carolin Heyder und Galina Zvereva. – М, 2009. – С. 231. – 260.
4. Кирилина А.В. Гендерная специфика академической коммуникации: исследования в русистике и германистике // Вестник НГЛУ, № 2, 2010 (В печати).
5. Маслова Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): Дисс. ... к-та. филол.н. – М., 2007. – 158 с.
6. Маслова Л.Н., Кирилина А.В. Гендерные аспекты авторитетности // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография; серия «Аспекты языка и коммуникации»; Вып. 4 / Под общ. ред. В.Б. Кашкина. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. – 216 с. – С. 52-74.
7. Baron B. “Geschlossene Gesellschaft”. Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? / Baron, Bettina // Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe in Sommersemester 1996. – Konstanz, 1996. – S. 114–129.
8. Baron B. Die Inszenierung des Geschlechterverhältnisses im akademischen Streitgespräch. Zur Kontextabhängigkeit der Dissensformatierung / Baron, Bettina // Jahrbuch Arbeit. Bildung. Kultur / Hrsg. vom Forschungsinstitut für Arbeiterbildung. – Bd. 14. – 1996. – S. 69–80.

9. Baron B. "Freiwillige Selbstkontrolle" im Fachgespräch: Selbstkritik und Skopuseinschränkung in Beiträgen von Wissenschaftlerinnen / Baron, Bettina// Zeitschrift für Germanistische Linguistik – 1998. – S. 175–201.

Комплимент и оскорбление: общее и различное (на материале современной русской речи)*

© доктор филологических наук М.Л. Ковшова, 2010

Речевые акты комплимент и оскорбление исследовались в плане описания их семантики и структуры; см., например: [Иссерс 2002; Мосолова 2005; Федорова 2004]; данная работа посвящена выявлению единства речевых стратегий комплимента и оскорбления.

Под речевой стратегией нами понимается комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Понятие речевой стратегии как нельзя более уместно для описания комплимента и особенно оскорбления, так как по сути своей понятие стратегии соединено с идеей планирования действий, связанных с конфронтацией и противоборством. Действительно, в военном деле стратегия определяется как искусство ведения военных действий, в политическом – искусство руководства политической борьбой. В коммуникации речевые стратегии изучаются как действия, оптимальные для достижения той или иной коммуникативной цели, независимо от того, какому они способствуют общению – конфликтному или бесконфликтному [Сорокин 2007].

Гипотеза данного исследования заключается в том, что при построении комплимента и оскорбления в русской коммуникации используется одинаковый набор речевых стратегий, и это не является простым совпадением. Единство речевых стратегий комплимента и оскорбления обусловлено общим «механизмом», который приводит в движение эти, на первый взгляд, полярные речевые действия.

Обратимся к комплименту и оскорблению и дадим их сравнительную характеристику.

Семантика комплимента состоит в восхищении внешними качествами и внутренними свойствами человека: *Какие у Вас чудесные серые глаза! Какой ты смелый!* В ряде случаев комплимент имплицитно содержится в сходном речевом акте – похвале: *Вы прекрасно организовали праздничный концерт!* – читай: *Только Вы с Вашими организаторскими способностями, талантом, умом могли организовать такой концерт!* Комплимент нередко используется и для другого речевого акта – объяснения в любви – в его сдержанной от смущения или боязни форме: *Вы удивительная женщина! Ты хороший!* – понимай: *Я Вас люблю! Я хочу быть с тобой.* Б. Окуджава называет комплименты «любви счастливы-

* Работа выполнена при поддержке гранта «Оптимизация семиотических процессов в многоязычных контекстах» НШ-6469.2008.6.

ми моментами», однако в отличие от «слов любви» комплимент гораздо менее эмоционален и принадлежит, главным образом, этикетному поведению.

Этикет понимается нами как система обеспечения социального взаимодействия; одновременно о нем можно говорить как о системе сдерживания эмоций, так как этикет направлен на создание определенного модуса благорасположения в обществе: человек в общении ищет одобрения и потому выбирает определенную «дозу радушия» [Федорова 2004: 220]. Комплимент, если воспользоваться удачным выражением Э. Берна, играет роль словесного «поглаживания» [Берн 1992].

Оскорбление же играет совсем другие роли – словесных «ударов», «пинков», «уколов»; его семантика состоит в неприятии внешних качеств и внутренних свойств человека, отторжении их от себя. Такое неприятие может быть выражено более или менее экспрессивно и восприниматься более или менее остро, болезненно, в зависимости от того, что считает для себя предельно обидным, оскорбительным объект оценки, что в большей мере унижает его как личность. Ср.: *Неряха! Нахал! Хамье! Дубина стоеросовая! Глупец! Мерзавец! Гад ползучий! Ну ты и чучело! Козел! Мутант!* и т. п.

Оскорбление – всегда открытое выражение негативного отношения, и потому оно всегда и заведомо искренне. Комплимент принадлежит этикетному поведению и потому освобожден от искренности. Это не означает, что всякий комплимент заведомо неискренен – данный речевой акт просто находится вне области искренних отношений, так как должен по своей этикетной функции сдерживать выражение эмоций, а эмоции, как известно, сопряжены с искренностью. Именно поэтому, особенно в русской культуре, нацеленной на поиск правды, комплимент зачастую интерпретируется как неискреннее восхищение или как лесть, т. е. восхищение кем-л. из корыстных побуждений. Оскорбить же в корыстных целях, в ожидании какого-л. вознаграждения, невозможно, если только оскорбление не интерпретируется слушающим (в защитных целях) как высшая степень честности. Обязательная искренность для оскорбления и необязательная для комплимента – вот в чем мы видим первое отличие этих речевых актов.

Далее, в отличие от комплимента, оскорбление принадлежит к анти-этикетному поведению, так как нарушает принцип социального взаимодействия. В то же время, оскорбление, как и комплимент, может быть признано актом сдерживания эмоций и на этом основании входит в систему этикета: являясь древнейшим культурным приобретением человечества, словесное оскорбление служило и продолжает служить заслоном от прямой физической агрессии. Одновременно с этим словесное оскорбление остается, пусть более мягкой, но формой проявле-

ния агрессии, так как нацелено на «причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [Бэрн, Ричардсон 1997: 24; Лоренц 1994]. Таким образом, словесное оскорбление принадлежит одновременно и этикетному, и антиэтикетному поведению.

Что бы ни говорить об отдалении комплимента в силу его этикетного характера от области эмоций, и комплимент, и оскорбление являются эмоционально настраивающими тактиками, которые управляют коммуникативной дистанцией. При этом «позитивный» речевой акт комплимент направлен на эмоциональное сближение, т. е. установление добрых отношений, создание расположения к себе. «Негативный» речевой акт, оскорбление, направлен на эмоциональное отдаление – разрыв добрых отношений, создание нерасположения к себе. Таким образом, в социально-психологическом аспекте и комплимент, и оскорбление управляют коммуникативной дистанцией между людьми.

Необходимо указать еще один фактор, сближающий эти речевые акты: с их помощью происходит вторжение в личную зону партнера по общению, приятный или неприятный для него «переход на личности». Это, в свою очередь, обеспечивает изменение стиля общения – и комплимент, и оскорбление способны устанавливать межличностные отношения, «переводить» стиль общения в неформальный – для комплимента и грубо-фамильярный – для оскорбления.

Но самое главное, что сближает комплимент и оскорбление, это то, что одинаково коренится в основе их такой разной семантики – оценка. Область значения комплимента составляет позитивная оценка, область значения оскорбления – оценка негативная.

(Оговоримся в скобках, что негативная оценка может принимать и этикетные формы выражения, т.е. реализоваться в речевых актах порицания, замечания, укора; ср.: *Надо убирать за собой; Опять ты не убрал за собой; Как не стыдно оставлять такой беспорядок!* Однако если негативная оценка выражена экспрессивно, с преувеличением, с приравниванием отдельного проступка к постоянному свойству личности, то такая форма выражения всегда воспринимается тем, кому адресована оценка, как обида или оскорбление: *Опять нагрязнил! Какой же ты неряха! Ну ты и свинья!*)

Говорящий, который является субъектом оценки, играет роль эксперта (X): он положительно или отрицательно оценивает обычно непосредственного слушающего, объект оценки (Y). Мотивом, не всегда осознаваемым в случае комплимента и полностью осознаваемым в случае оскорбления, является желание эксперта (X), чтобы адресат (Y) знал о его положительной или отрицательной оценке и был соответственно доволен или, напротив, недоволен, задет, уязвлен.

Пресуппозицией комплимента является приятие X внешних качеств и внутренних свойств Y; семантика комплимента состоит в выражении восхищения этими качествами и свойствами. Пресуппозицией оскорбления является неприятие X внешних качеств и внутренних свойств Y, семантика оскорбления состоит в резком, грубом выражении этого неприятия, в нанесении сильной обиды, в причинении ущерба самолюбию, достоинству, чести Y.

Таким образом, семантика комплимента и оскорбления имеет общее основание – оценку, которая направлена на возвышение или на унижение адресата. В нашем понимании, оценка всегда является насильственным актом, причинением ущерба душевному спокойствию объекта оценки, нарушением равновесия в его привычном, адекватном самому себе состоянии. Именно поэтому объект оценки в русской речевой культуре склонен к неприятию не только оскорбления (это объяснимо), но и комплимента, не умеет сдержанно и с достоинством принять комплимент, старается уменьшить его содержание или полностью отклонить, перевести всё в шутку, в насмешку и т. п. Ср.: – *Как Вы прекрасно выглядите!* – *Ну что Вы, я постоянно не высыпаюсь / Голову два дня не мыла / Скажете тоже / Это оптический обман / Да ладно, перестань / Хватит издеваться* и т. п. Ср. с адекватным, но редким для русской коммуникации типом ответа: – *Спасибо / Как приятно слышать / Как мило с Вашей стороны* и т. п.

Субъект оценки в комплименте и оскорблении принимает на себя функцию эксперта, но, по сути, является квазиэкспертом. Оценка, положительная в комплименте и отрицательная в оскорблении, не обусловлена правоммерностью ее вынесения, она изначально субъективна, насколько субъективны сами приязнь и неприязнь, являющиеся глубинными мотивами комплимента и оскорбления. Кроме того, достоинства или недостатки Y определяются экспертом согласно его шкале ценностных ориентиров, того, что следует считать хорошим или дурным. Субъект оценки всегда делает выбор, даже если ценностные ориентиры и их расположение на шкале сформированы в том или ином культурном социуме или социально сконструированы [Тарасов 2009: 52].

Более того, только абсолютизация или преувеличение достоинств может сильно подействовать на чувства того, кому делается комплимент, только абсолютизация или преувеличение недостатков (т. е. умаление физических, интеллектуальных, нравственных или профессиональных достоинств оппонента) способны сильно задеть чувства оскорбляемого, обидеть или унижить его как личность. И в том, и в другом случае субъект оценки, или эксперт, осознано или неосознано, но трансформирует модель мира, конструируя своей речью искусственный

образ объекта оценки – столь позитивный, чтобы восхищаться, или столь негативный, чтобы раздражать, злить, вызывать агрессию.

Тем самым, в комплименте и оскорблении больше того, что их сближает. Это принадлежность в той или иной мере к этикету как системе сдерживания эмоций; это принадлежность к эмоционально настраивающим тактикам, связанным с «переходом на личность» (позитивным при комплименте и негативным при оскорблении); это выражение чувства-отношения (приятности, восхищения при комплименте или неприятности, раздражении и т. п. при оскорблении); это оценка, лежащая в основе семантики как комплимента, так и оскорбления; это субъективность данной оценки.

Расходятся же комплимент и оскорбление, прежде всего, как было сказано выше, в плане искренности: оскорбление заведомо искренне, комплимент заведомо освобожден от такой характеристики.

Возьмем в качестве проверки фразеологизм *в глаза*, который является речевым символом искренности, прямоты в выражении чувства-отношения. Его значение – ‘обращаясь непосредственно к кому-л., открыто и решительно; не скрывая своего отношения’. Ср. возможное высказывание с данным фразеологизмом в составе оскорбления: *Я тебе в глаза скажу, что ты Иуда (болван безмозглый, пенек замшелый и т. п.)* и невозможное или комическое, игровое высказывание с данным фразеологизмом в составе комплимента: **Я тебе в глаза скажу, что ты необыкновенно умен; *Я тебе в глаза скажу, что у тебя тонкие музыкальные пальцы*. Как видно из этих примеров, искренность и комплимент относятся к разным сферам, их пересечение возможно, но не обязательно.

Отличаются комплимент и оскорбление также в плане эмоционального переживания: комплимент «свободен» от «аффективно-чувственной температуры», присущей реально переживаемым чувствам, особенно тем, которые ведут к конфликтному общению [Сорокин 2007: 95]. Следует также отметить неравномерность соотношения комплимента и оскорбления в плане контролируемого / неконтролируемого поведения.

Наконец, главное, коренное отличие комплимента и оскорбления заключается в том, что только один из них принадлежит области этики: оскорбление – форма этического поведения, это поступок, оценивающийся с морально-нравственных позиций. В социуме принято осуждать оскорбление, но нельзя ни осуждать, ни одобрять комплимент – данный акт «свободен» от этических норм.

Таким образом, общая характеристика комплимента и оскорбления показала, что сходство и различие в этих, на первый взгляд, полярных речевых актах тесно переплетены.

Сравнение самих текстов комплиментов и оскорблений обнаруживает сходство, которое говорит о существующем общем «механизме», их порождающем, о «механизме», который обуславливает единый набор речевых стратегий, или действий, ведущих к осуществлению столь разных коммуникативных целей – восхититься для комплимента и в крайней степени обидеть, унижить для оскорбления.

Этот «механизм» состоит из трех частей: в основе семантики комплимента и оскорбления лежит оценка; эта оценка предельно субъективна; оценку выносит эксперт (или, точнее, квазиэксперт), стремящийся так или иначе обосновать (усилить) свою позицию, чтобы и комплимент, и оскорбление были убедительны, а значит действенны.

Перейдем к характеристике речевых стратегий комплимента и оскорбления и дадим им комментарий исходя из сказанного выше.

1. Прямой комплимент (*Какой ты храбрый! Ты такой хороший заботливый муж! У Вас чудесная улыбка! Ты всегда такая нежная?*) – прямое оскорбление (*Ты трус! Ужасная прическа! Всегда такой придурок?*).

Комментарий: эксперт констатирует наличие у объекта оценки позитивного или негативного качества, свойства. Эксперт хочет подчеркнуть абсолютную уверенность в выносимом им суждении, его справедливость и потому выбирает для своих высказываний форму прямых оценочных номинаций. Наиболее сильными по воздействию здесь будут формы номинаций, в которых персонифицируется то или иное качество/свойство. Ср.: *Ты храбрый!* – *Храбрец!* Ср. то же в оскорблении: *Ты глупый!* – *Глупец!*

2. Комплимент «через вещь» (*Тебе очень идет это платье! Тебе всё к лицу! Замечательный у вас дом, я таких уютных не видел!*) – оскорбление «через вещь» (*Ну и домишко! В какой дыре вы живете! Только ты мог купить эту рухлядь*).

Комментарий: эксперт удостоверяет наличие у объекта оценки отдельных позитивных или негативных качеств, свойств с помощью «вещественного доказательства». Эксперт в этом случае также абсолютно уверен в выносимом им суждении, тем более что оценка, выносимая не самому лицу, а вещи, создает видимость объективной экспертизы. Ничего личного – говорит эксперт; ведь он подвергает анализу не достоинства или недостатки конкретного человека, а достоинства или недостатки вещи, того, что существует отдельно от человека. За комплимент, сделанной вещи, труднее благодарить; столь же сложно оскорбиться «за вещь», зато и в первом, и во втором случае можно решить, что сказанное не имеет к тебе прямого отношения. Тем не менее, то или иное «вещественное доказательство» удостоверяет «экспертное заключение».

Наиболее сильными будут формы номинаций, в которых абсолютизируется то или иное качество/свойство вещи; ср. в комплименте: *Какое на тебе красивое платье! – Какая на тебе красота надета!* Ср. также в оскорблении: *Какое на тебе ужасное платье! – Зачем ты носишь такое уродство?*

3. Комплимент-сравнение, прямое и косвенное (*Ты красивее всех! Ты супер! Вы настоящий силач! Глаза, как озёра*) – оскорбление-сравнение (*Страшнее невесту трудно было найти! Никогда ничего более идиотского не слышал! Как корова на льду! Ворчишь, как старая бабка*).

Комментарий: Сравнение является мощным инструментом в руках эксперта: под оценку подводится база для обоснования оценки; этой базой служат образцы хорошего и плохого, к которым апеллирует говорящий, желая произвести позитивное или негативное впечатление на слушающего. В комплименте-сравнении и оскорблении-сравнении есть указание на образцовость, эталонность соответствующих свойств – это и наделяет оценки «априорной истинностью» [Яковлева 1999: 115]. За сравнением в комплименте и в оскорблении стоят коллективные представления, синестезирующие в себе типовые ситуации и свойства. Апелляция к этим представлениям и служит обоснованием для вынесенного экспертом «заключения».

В образцах, которые выбирает X, для измерения внешних качеств и внутренних свойств Y, проявляют себя те или иные установки культуры, которых придерживается X. То, что они извлекается из комплимента и оскорбления, доказывает лингвокультурологический анализ. Ср., например, оскорбление-сравнение: *Ты глуп как сивый мерин!* ‘абсолютно, без надежды на улучшение’. В зооморфном коде русской культуры образ сивого мерина – поседевшего от возраста и повседневной работы старого, холощеного жеребца – служит знаком конца, предела возможностей; с таким животным сравнивается глупый человек, который несет всякий вздор, бессмыслицу, не понимает простых вещей, одним словом, ни на что уже не пригоден. Выражение *сивый мерин* является устойчивым образцом глупости, и потому оскорбительность сравнения кого-л. с сивым меринком культурно детерминирована.

Ср. комплимент-сравнение: *Ты умен как черт!* ‘очень, в высшей степени’. В религиозном коде русской культуры черт означает сверхъестественное существо, персонафицирующее злое начало; с таким сверхъестественным существом сравнивается необыкновенно изобретательный в плане всяких хитростей, лукавый человек, способный убедить, перехитрить, обмануть кого-л., справиться со сверхсложной ситуацией. Во многих выражениях *черт* является устойчивым образцом сверхъестественности, в том числе сверхъестественных свойств, тем самым,

комплимент усиливается культурной детерминированностью такого сравнения.

4. Комплимент-метафора (символ, стереотип, прецедентное имя и др.) (*Наше всё! Ангел! Куколка! Луч света в темном царстве*) – оскорбление-метафора (*Ты где его выкопала? Урод! Червь ползучий! Иуда! Ваши идеи пахнут нафталином! Старая колымага! Детский сад, штаны на лямках*).

Комментарий: метафора, будучи имплицитным сравнением, также является инструментом для вынесения оценки, так как служит созданию верных, с точки зрения эксперта, средств измерения достоинств или недостатков. Культурно детерминированные, закрепленные в социуме благодаря их постоянному воспроизводству в речи, символы, эталоны, стереотипы, прецедентные имена обладают огромным потенциалом для подтверждения позиции эксперта.

5. Комплимент «через ощущение» (*Мне так тепло с тобой; Хочется взять Вас за руку; Ты занимайся своими делами, а я буду сидеть и смотреть на тебя*) – оскорбление «через ощущение» (*Меня сейчас от тебя вырвет! Уши вянут Вас слушать! Отойди, не порть мою ауру!*).

Комментарий: Это самый эгоистичный по характеру, но при этом самый интимный, граничащий с объяснением в любви комплимент; это самое субъективное оскорбление. Эксперт при вынесении оценки пользуется, казалось бы, таким не подходящим инструментом, как собственные ощущения, физиологические реакции. Однако именно физиологическая реакция, вышедшая на первый план, делает комплимент вдвойне убедительным, а оскорбление вдвойне унижительным – физиологическая реакция наиболее естественна и неконтролируема, и тем свидетельствует о правильности экспертизы.

6. Комплимент «чужими устами» (*Тебе уже говорили, что ты прекрасно рисуешь? Все восхищаются Вами! Сам <даже> У сказал, что вы отвязные чувачки*) – оскорбление «чужими устами» (*Все знают, что ты жадный; Сам <даже> У сказал, что ты слабак; Ведь предупреждали меня умные люди, что от Вас можно ожидать любой подлости*).

Комментарий: комплимент и оскорбление «чужими устами» есть своеобразная повторная экспертиза. Эксперт, как это принято при проведении экспертизы, апеллирует к мнению авторитета (в том числе коллективного – *все знают*). Такая речевая стратегия позволяет не только повторно указать на утвержденную ранее оценку чьих-л. качеств или свойств, но представить эти качества или свойства как непреложный факт. Эксперт присоединяется к тому, что было установлено до него другими экспертами; его самоустранение убеждает в истинности достоинств или недостатков объекта оценки, создает видимость объективности выносимого экспертного заключения.

7. Комплимент дедуктивный (*Женщины, которые так улыбаются, самые романтические; Приятно иметь дело с умным человеком; Теперь я понимаю, в кого этот талантливый ребенок*) – оскорбление дедуктивное (*Теперь я знаю, что такое стерва; Я всегда подозревал, что «скорпионы» психопаты*).

Комментарий: как и в предыдущем случае, это комплимент и оскорбление «на дистанции», возможно, на самой «длинной дистанции». Эксперт дает возможность слушающему самому сделать вывод о том, что сказанное (положительное или отрицательное) имеет к нему отношение, что оценка, вынесенная кругу лиц, к которому, по мнению эксперта, принадлежит У, распространяется на У в полной мере. Эта стратегия, благодаря своему характеру обобщения, выведения общих закономерностей, создает афористичность суждения, еще более подтверждающую объективность экспертного заключения.

8. Комплимент «несмотря на» (*Среди всей молодежи, которая Вас окружает, Вы самая интересная! Мне всё в Вас нравится, даже когда Вы злитесь*) – оскорбление «несмотря на» (*У такого хама и такие культурные родители; Умный-то он умный, да большой дурак*).

Комментарий: эксперт учитывает все детали, все частности, которые, противореча общей оценке, не могут «изменить существа дела»; объединение всех «плюсов» и «минусов» свидетельствует о предельной объективности эксперта.

9. Гиперкомплимент (*Какое милое твое лицо, какая нежная улыбка! Кто тебя научил так нежно улыбаться?*) – гипероскорбление (*Какой дурак строил этот сарай? У меня скоро ноги отвалятся подниматься по вашей вонючей лестнице!*).

Комментарий: соединение двух и более речевых стратегий в одном высказывании дает возможность совмещения разного вида «экспертных заключений», так или иначе удостоверяющих «факт».

10. Сомнительный комплимент (*Тебе идет даже этот жуткий пиджачок! Отличный костюм, ходи только в нём! Ты такая хозяйственная... как мыло! Ну, Вы своего не упустите; Пообщался тут с твоей высококультурной мамой; Из твоих рук все, что угодно, даже гамбургер*) – сомнительное оскорбление (*Умный мерзавец! Подлецу всё к лицу! Вы хоть и старая, а память у Вас девичья*).

Комментарий: сомнительный комплимент, как и сомнительное оскорбление, замечательно демонстрируют условность ценностной шкалы, зависимость оценки от многих факторов, от конкретной ситуации. Оценка, при определенных условиях, может превращаться в свою противоположность: так, *высококультурная мама* вряд ли вызывает восхищение, если свою культуру она употребляет на то, чтобы показать свое интеллектуальное превосходство; напротив, в оскорблении *умный мер-*

завец видится дань восхищения умом «противника». Кроме того, речевая стратегия сомнительного комплимента и оскорбления способствует созданию семантической неопределенности, превращает комплимент в оскорбление, а оскорбление – в комплимент; позволяет включиться иронии; дает возможность перевести общение в область комического. Это стратегия ведет к смешению речевых стратегий, к игре, где свои цели и правила и где нет места ни комплименту, ни оскорблению.

Таким образом, мы постарались охарактеризовать данные речевые акты, установить их сходство и различие, выявить глубинное единство речевых стратегий комплимента и оскорбления исходя из интенций субъекта оценки, надевающего на себя маску эксперта. Вероятно, и другие речевые акты, в основе семантики которых лежит оценка, будут иметь те же речевые стратегии, что у комплимента и оскорбления.

Л и т е р а т у р а

- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. – М., 1992.
- Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. – СПб., 1997.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2002.
- Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). – М., 1994; СПб., 2001.
- Мосолова И.Ю.* Комплиментарные высказывания с позиции теории речевых актов (на материале французского, русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2005.
- Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). – М., 2007.
- Тарасов Е.Ф.* Социальные аспекты формирования языкового сознания // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2009. – С. 51–56.
- Федорова Л.Л.* Прямое выражение агрессии в речевом общении // Агрессия в языке и речи. – М., 2004. – С. 219–232.
- Яковлева Е.С.* Об одном из оценочных стереотипов в древнерусском языке // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Материалы к коллективному исследованию. Тезисы докладов. – М., 1999. – С. 110–115.

К вопросу о будущей науке «семиософия» (в продолжение разговора с Ю.А. Сорокиным)

© доктор филологических наук В.В. Красных, 2010

Ю.А. Сорокин относился к той не слишком часто – увы! – встречающейся породе исследователей, которые позволяют себе роскошь «вступать в зону риска <...>, который можно было бы квалифицировать как интеллектуальный идиориск / эгориск» [Сорокин 2008: 3]. Это было его кредо и его призвание. И на этом пути воина-философа Юрий Александрович благодаря своему предвидческому дару зачастую высказывал идеи, вызывавшие и вызывающие до сих пор либо однозначное приятие и полную поддержку (иногда молчаливую, поскольку требуют остановиться и подумать в тишине, наедине с самим собой), либо недоуменное пожимание плечами, либо полное неприятие. Последнее, впрочем, не удивительно, поскольку Юрий Александрович далеко не всегда писал и говорил простыми словами, часто не довольствуясь тем готовым, что может предложить ему язык, и изобретая новые образования, наиболее точно выражающие его мысли. За этим слово-творением, кстати, проглядывало мудрое лицо Глеба Арсеньева. В любом случае многие умозаключения Ю.А. Сорокина заставляют по-другому взглянуть на то, что нас окружает, и всерьез задуматься, ибо открывают безбрежные горизонты многомерного мира человеческого духа и мысли (как минимум его – мира – глубину, широту и высоту), поскольку Юрий Александрович понимал, предчувствовал, пред-видел то, что со временем становилось очевидным для многих.

В этой статье я остановлюсь на некоторых фундаментальных идеях Ю.А. Сорокина, которые он высказывал в связи с перспективами и возможными путями развития психолингвистики – науки, которой он занимался всю свою жизнь.

Итак, предоставляю слово самому Юрию Александровичу Сорокину и процитирую программный, как мне думается, первый параграф – «Психолингвистика в третьем тысячелетии» – Раздела I книги «Неканоническая русистика» [Сорокин 2008].

«1. На мой взгляд, в будущем появится еще одно (наряду с этнопсихолингвистикой) ответвление психолингвистики, а именно с е м и - о п с и х о л и н г в и с т и к а , в рамках которой станут изучать восприятие и понимание коммуникатов, относящихся к вторичным знаковым системам, а также строить и уточнять не только модели речевой перцепции и речепорождения, но и модели восприятия и производства с е м и о л е к т о в . Будет также решен и вопрос о зеркальности или незер-

кальности этих моделей и о локусе их паралингвистических (кинесико-проксемических) и фоносемантических фрагментов (детально описанных и экспериментально подтвержденных). <...>

3. Наряду с интенсификацией экспериментальных усилий, опирающихся на логически строгие (рациональные) постулаты, допущения и теории, следует ожидать интенсификации исследований, опирающихся на интуитивные (метафорические) постулаты, допущения и теории. Иными словами, следует ожидать появления и формирования семиософии и как ее части – культурософии <...>, а в их рамках появления и формирование этнопсихолингвистической и семиопсихолингвической драматургии и герменевтики.

4. В свою очередь, именно эти две субдисциплины окажутся, вероятно, самыми важными для этнической конфликтологии и контактологии <...>.

5. Будущие исследования будут смещаться от изучения физического и социального пространства микро- и макрогрупп к изучению физического и социального эгопространства и отношений между ними» [Сорокин 2008: 4-5].

Можно, вероятно, предположить (у самого Ю.А. уже, увы, не спросишь, так ли это), что семиопсихолингвистика непременно должна будет подойти – помимо всего прочего в широчайшем спектре заявленных исследовательских задач – к рассмотрению той проблематики, которая сегодня находится в центре внимания не только этнопсихолингвистики (о чем упоминал Ю.А. Сорокин), но и лингвокультурологии. На пересечении интересов этих наук может сложиться и, пожалуй, уже складывается новая интегративная дисциплина, основным объектом которой выступает Человек Говорящий (Homo Loquens), рассматриваемый и изучаемый, во-первых, во всей совокупности своих проявлений: как носитель сознания, носитель языка, представитель культуры и лингвокультуры, участник коммуникации, творящий и разгадывающий смыслы, созидающий и читающий их, их кодирующий и декодирующий; во-вторых, во всех своих ипостасях:

- а) как личность языковая, речевая и коммуникативная;
- б) как человек разумный (представитель рода человеческого – Homo sapiens) и человек культурный / символический (Homo litteratus / symbolicus);
- в) как уникальная личность со своими собственными, неповторимыми чертами и как представитель своего сообщества (своих сообществ), обладающий типичными, устойчивыми и специфическими чертами, которые характерны для всех и каждого из

членов такового и которые воспроизводятся человеком и в человеке;

- г) как творец мира, в котором он живет, материального и духовного, и как творение такового; как субъект языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации и как объект таковых (вспомним в связи с этим, в частности, идею Гумбольдта о том, что человек не только сплетает язык внутри себя, но и вплетает себя в язык, при этом язык есть дух народа, и дух народа есть его язык);
- д) как личность, формирующаяся, живущая, выражающая и реализующая себя на перекрестке миров: вербального и невербального, мира слов и мира «за-словных», «вне-словных» образов (визуальных, аудиальных и проч.).

Думается, что при формулировании теоретических оснований такой новой дисциплины следует учитывать в том числе и ряд положений, которые уже частично разработаны и на которые сегодня опирается ряд исследователей, работающих в разных направлениях современной науки. В данном случае я позволю себе остановиться лишь на нескольких понятиях и положениях, которые частично восходят к некоторым постулатам этнопсихолингвистики и лингвокультурологии.

При всем том, что каждый из нас уникален и неповторим, каждый из нас в то же время является (ибо не может не быть, что сегодня уже не требует доказательств) представителем того сообщества (сообществ), которое является родным, т. е. в котором человек социализовался (стал личностью, полноправным членом общества). И раз так, то, несмотря на всю, казалось бы, «свободу», «непредсказуемость» и проч. конкретных действий конкретного человека-личности, несомненно, существуют *культурная детерминированность речевой деятельности, языкового сознания, коммуникативного поведения* (об этом писал еще А.А. Леонтьев) и *культурная маркированность проявлений жизнедеятельности человека говорящего, включая его коммуникативное поведение*. Применительно к условиям России как таковой (не отдельных ее субъектов, а на уровне нации, понимаемой как воображаемое сообщество, по Б. Андерсону [Андерсон ЭР]) следует, по всей видимости, говорить о «национально-культурной» детерминированности и маркированности. Однако, поскольку речь в данном случае идет все-таки о более общих вещах, представляется более корректным не уточнять в предложенной формулировке, о культуре какого «масштаба», «охвата» и проч.: на уровне племени, этноса, нации и т. д. – идет речь.

Соответственно, чтобы осуществлять какую бы то ни было деятельность (а это в любом случае будет совместная деятельность, что подчеркивал еще А.Н. Леонтьев), человек-личность должен вступать в коммуникацию с себе подобными. Чтобы коммуникация состоялась,

чтобы она была успешной и адекватной (в идеале – с точки зрения всех коммуникантов), чтобы цель ее была достигнута (т. е. произошло желаемое и планируемое изменение состояния сознания партнеров по коммуникации), у человека *говорящего обязательно должна наличествовать культурно-языковая компетенция* (о ее необходимости неоднократно писала В.Н. Телия, см., напр., [Телия 1996]). Разумеется, мы легко можем представить себе ситуацию, когда необходимым и достаточным будет наличие только языковой, речевой или коммуникативной компетенции, более того, мы можем вообразить ситуацию, когда можно обойтись только последней (напр., Вы находитесь в незнакомой стране, языка которой Вы не знаете, но Вам обязательно нужно найти ресторан или вокзал; думаю, что в принципе это не такая уж неразрешимая задача). Но все-таки такого рода случаи общения являются скорее маргинальными, нежели повседневно-привычными, скорее исключением, нежели нормой. И это значит, что человек-личность должен уметь кодировать в знаках языка и декодировать культуросносные смыслы, уметь видеть за знаками языка единицы языка культуры и лингвокультуры (последняя понимается как культура оязыковленная, воплощенная и закрепленная в знаках языка; подробнее см., напр., [Красных 2006, 2008]). Применительно к новой науке «язык», вероятно, следует трактовать расширительно, включая различные семиотические системы, используемые человеком в коммуникации: мимика, жесты, позы, визуальные и проч. образы и т. д.

Представленное только что размышление самым непосредственным образом связано с утверждением, которое сегодня уже вряд ли вызывает серьезные возражения: *человек говорящий предстает одновременно как субъект сознания, языка, культуры, лингвокультуры и коммуникации*. При этом человек говорящий является *не только их субъектом, но и объектом*, т. е. не только их творцом, но и творением.

Вероятно, новая наука будет иметь дело (возможно, в качестве своих частных предметов) с единицами разных семиотических систем, в том числе и таких крупных, как, к примеру, язык и культура как таковые. Следовательно, крайне важным представляется постоянно учитывать тот факт, что *единицы сознания и мышления, единицы (естественного) языка, единицы лингвокультуры и единицы языка культуры при принципиальной их неслиянности определенным образом соотносены между собой*.

Имея в виду, что новая наука не откажется от принципа *синхронизма*, можно предположить, что не менее важным для нее окажется и принцип *исторического шкалирования по синхронным срезам*, понимаемым как эпохи смены культурно значимых ориентиров (об этом см. [Телия 1996]). Следовательно, возникает «*крест реальности*» как неко-

торая *система координат*: на вертикаль «исторической», «культурной» памяти накладываются образующие горизонталь синхронные срезы-шкалы.

Конечно же, в рамках короткой статьи не представляется возможным сколько-нибудь подробно представить и изложить многочисленные мысли, порожденные стимулирующее-провокационными (в лучшем смысле!) идеями Ю.А. Сорокина. И если Юрий Александрович прав, а он прав, для меня это очевидно, то новая научная дисциплина, названная Ю.А. Сорокиным семиософией, призвана занять свое весьма достойное место среди современных наук. Но она еще только рождается, и все мы находимся еще только в самом начале пути.

Л и т е р а т у р а

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Электронный ресурс.
2. *Красных В.В.* Система координат лингвокультуры сквозь призму Homo Loquens // Язык. Сознание. Культура. Тематический сборник. М., 2006. С. 61-69.
3. *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. СПб, 2008. С. 333-344.
4. *Сорокин Ю.А.* Неканоническая русистика: (Статьи, заметки, реплики). / Отв. редактор д.ф.н. А.П. Юдакин. М.: Ариадна, 2008. 172 с. (Российская Академия Наук. Институт языкознания).
5. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Часть III. Культурно-языковая специфика единиц фразеологического состава языка. С. 214-269.

Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию

© доктор филологических наук Е.Ю. Мяжкова, 2010

Несмотря на широкое обсуждение в научной литературе вопросов, связанных со способностью языка выражать и называть эмоции, и наличия теорий, обобщающих данные в этой области исследования, дискуссия по поводу соотношения языка и эмоций далека от завершения. Представляется, что множество неясностей, связанных с выяснением роли эмоций в овладении языком, становлении значения слова, формировании языковой компетенции и т. п., вызваны тем, что заинтересованные этой проблемой ученые работают в рамках различных лингвистических парадигм, в результате чего полученные ими выводы и заключения часто противоречат друг другу¹. Для того чтобы определить, по каким основаниям разные теории могут быть сопоставимы и как они могут обогатить и дополнить одна другую, целесообразно обратиться к данным психологических исследований, которые напрямую занимаются изучением эмоциональной сферы человека.

По-видимому, основой для поиска ответов на поставленные выше вопросы должны стать психологические теории, в которых эмоции и другие психические процессы исследуются в их *единстве и взаимообусловленности*.

С точки зрения таких теорий, чувства и эмоции – не аномалия по отношению к рассудку, но неотъемлемая его часть, задействованная во всех его проявлениях: возможно, стратегии человеческого сознания не могли бы развиваться (как с точки зрения эволюции в целом, так и с точки зрения конкретного индивида) без направляющей силы механизмов биологической регуляции²). Эмоциональная сфера понимается как *многоуровневый* феномен, включающий как не всегда осознаваемые чувства-ощущения, так и опосредованные культурой эмоции, которые индивидуально переживаются опять же в виде чувств-ощущений. Природа эмоциональных явлений – биологические механизмы регуляции дея-

¹ См., например, о различиях лингвистического и психолингвистического подхода к анализу значения слова: *Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. – М.: Гнозис, 2006. – 543 с.; *Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: Монография. – Курск: Изд-во КГУ, 2000. – 112 с..

² *Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.; см. также: *Damasio A.R.* Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. – New York: Avon Books, 1995. – 313 p.

тельности. Однако, это лишь первичный уровень сложного процесса. Выступая в качестве неотъемлемого компонента психики, эмоциональные реакции формируются и активизируются на всех уровнях психической деятельности. В области высших форм психики, связанных с образом мира и себя самого, речь, однако, идет уже о процессах других уровней, связанных с формированием социализированных эмоций³. Тем не менее, поскольку все уровни связаны между собой, то, говоря об эмоциональных процессах, мы должны иметь в виду **и** то, **и** другое.

Таким образом, эмоциональная сфера человека может быть представлена как, по меньшей мере, трехуровневая структура (см. рис. 1), в основании которой лежит первичная эмоция, представляющая собой врожденный механизм жизнеобеспечения, помогающий организму дифференцировать полезное/вредное, безопасное/опасное и т. п. Вторая ступень представлена чувствами, которые переводят первичные эмоции в область ощущения и первичной рефлексии. При этом первичные эмоции не «превращаются» в чувства, но действуют параллельно с ними и являются для них основой. Третью ступень представляют так называемые социализированные эмоции, отфильтрованные культурой, получившие название в языке и включающие в себя первичные эмоции базового уровня и основанные на них чувства (вторая ступень). Специфической характеристикой эмоциональной сферы человека является *одновременная* задействованность всех показанных на схеме уровней и (в соответствии с природой каждого из уровней) разная степень их осознаваемости.

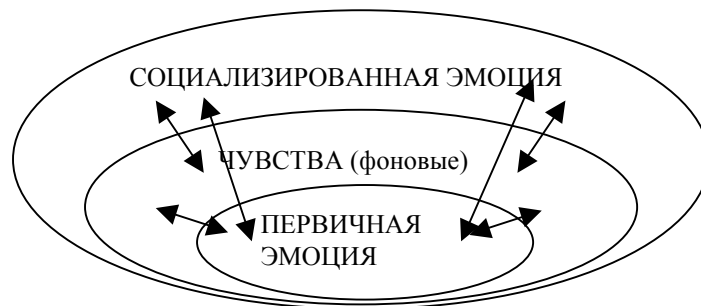

Рис. 1. Трехуровневая структура эмоциональной сферы

По-видимому, формирование второго уровня связано формированием сознания и является для этого необходимым условием. В эмо-

³ Ср. с рассмотрением уровней эмоциональной сферы в: *Damasio A.R. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain.* – New York: Avon Books, 1995. – 313 p.

ции/переживании реализуются два компонента: отношение к объекту и отношение к себе. Кроме того, человек всегда отображает свои состояния на «карте» собственного тела. Можно согласиться с мнением А. Дамазо⁴, что первичные репрезентации самого тела обеспечивают также пространственную и временную схему, на которой могут быть основаны другие репрезентации. Именно эта схема, по-видимому, и становится основанием, точкой отсчета, при формировании сложного комплекса переживаний. Данные экспериментов⁵ свидетельствуют о том, что любое слово в той или иной мере выводит нас на ощущение (преимущественно неосознаваемое) собственного тела и его ориентацию в пространстве. Это ощущение может быть элементарной составляющей фоновых чувств⁶, определяющих нормальное (комфортное) состояние организма. Таким образом, пространственные и связанные с ними временные схемы, которые являются неотъемлемым элементом ощущения себя, также не могут быть исключены из анализа эмоционально-чувственного компонента значения.

Таким образом, специфика эмоции – в ее двойственности с точки зрения направленности маркированного эмоцией отношения. Эта двойственность состоит в одновременном переживании отношения к факту окружающего мира и к себе самому. В этом смысле любой продукт сознания имеет такую двойственную природу. Поскольку слово является средством доступа к единой информационной базе человека, оно неизбежно выводит (через соответствующей длины цепочку ассоциаций) на это двойственное переживание. В принципе любая единица языка, выводя на какой-то фрагмент индивидуальной картины мира (которая одновременно обязательно является социально и культурно опосредованной), неизбежно задействует комплекс переживаний разной степени сложности и осознаваемости. Разные структурные единицы языка, по видимому, можно было бы рассматривать как «указатели» на соответствующие типы комплексов переживаний (например, предлог – фрагмент ориентации в пространстве, в мире предметов и отношений между ними и между людьми, существительное – фрагмент области предметных знаний и т. п., поэтому комплекс связанных со словом переживаний специфичен и в значительной степени опосредован уровнем социализированных эмоций). Понятно, что этот комплекс не статичен – так же, как возникающие в мозге репрезентации постоянно модифици-

⁴ Damasio A.R. *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain.* – New York: Avon Books, 1995. – 313 p.

⁵ См., например: Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: Монография. – Курск: Изд-во КГУ, 2000. – 112 с.

⁶ См.: Bloom L. *The transition from infancy to language. Acquiring the power of expression.* New York: Cambridge University Press, 1993. – 350 p.

руются (обновляются), меняются и вызываемые ими переживания, сохраняя при этом «следы» предыдущих. Основные (базовые) эмоции определяют направления модальности, которые восходят к знаку эмоции (положительные или отрицательные в зависимости от полезности, ощущения комфортности и пр.).

Мы рассмотрели основные особенности эмоциональной сферы человека с точки зрения теории единства психических явлений. В таком контексте исследование соотношения эмоций и языка языковедами будет, по-видимому, определяться тем, какой из уровней эмоциональной сферы попадает в поле зрения ученого. Понятно, что это поле зрения, в свою очередь, задается методологическими установками, определяющими сущность языка и методы его изучения. Попробуем определить место некоторых из существующих языковедческих и гуманитарных научных парадигм в современной ситуации изучения эмоциональных характеристик языка. Представляется, что некоторые из них могут быть следующим образом «вписаны» в схему, приведенную на рис. 1 (см. Рис. 2).

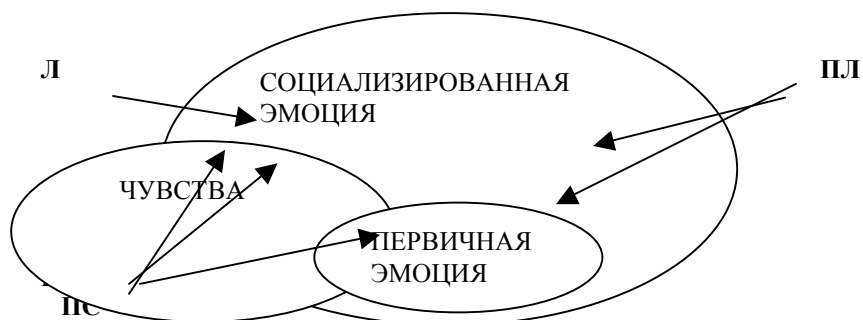

Рис. 2. Подходы к исследованию эмоциональной сферы

Итак, изучением эмоциональной сферы занимаются (в ряду других наук) лингвистика (Л), психолингвистика (ПЛ) и психология (ПС). Все эти науки исследуют эмоции через: а) анализ слов, называющих эмоции; б) описание вербального поведения как способа выражения эмоции. Таким образом, все три названные отрасли знаний обращаются к словам. Однако эмоции рассматриваются ими с разных исходных позиций, следовательно, фокус внимания смещается в ту или иную сторону.

Из рис. 2 видно, что лингвистика обращается лишь к высшему уровню эмоциональной сферы – социализированным эмоциям (то есть к тому, что фиксируется на уровне системы языка). Рассматривая слово как единицу системы языка, традиционная лингвистика описывает те

аспекты эмоциональности/эмотивности, которые так или иначе маркированы (например, словообразовательными элементами, лексикографическими пометами и пр. – или специфичными речевыми жанрами). Психолингвистические исследования позволяют приблизиться к более глубокому уровню эмоциональной сферы, поскольку в экспериментальных исследованиях эта наука обращается к носителю языка, который воспринимает мир пристрастно, поэтому любая единица знания для него окрашена определенным эмоционально-оценочным отношением (переживанием). Психологические изыскания нацелены на все уровни обсуждаемого феномена, однако не все эти уровни в одинаковой степени могут быть эксплицированы. При этом для психологии язык является лишь средством доступа к сфере психического и не становится предметом исследования. Понятно, что приведенная схема в значительной степени условна, но, на наш взгляд, она позволяет объяснить, почему в области изучения эмоций имеется так много разногласий и противоречий (ведь обсуждая *эмоции*, исследователи зачастую говорят о совершенно разных вещах!). В последнее время все чаще говорится о необходимости разработки новой, интегративной теории языка, однако понятно, что для ее создания важно осознавать, что она должна представлять собой не «сочетание несовместимого» (как иногда происходит, если игнорируются описанные выше различия в научных парадигмах), но принципиально иной подход к изучению языковых явлений. Заметим, что это потребует и создания (или строгого «содержательного контроля») терминологического аппарата, который исключил бы возможные появления терминов и их сочетаний типа «ментально ориентированные разновидности когнитивной функции»⁷.

Представляется, что для продвижения к интегративной теории языка и, в частности, той ее части, которая будет опираться на интегративную модель эмоциональных свойств языковых единиц, необходимо ответить на целый ряд вопросов. Среди них обязательным будет определение позиции по отношению к различным трактовкам понятия «эмоция» и обоснование предпочтения того или иного определения (или создание нового). Кроме того, в свете современных когнитивных исследований языка необходимо определить собственные позиции относительно взаимоотношения эмоции и познания. Понятно, что в сферу внимания не может не попасть становление языка с точки зрения развития когнитивных способностей и роли эмоций в формировании языковой лично-

⁷ Куликова И.С., Салмина Д.В. Теория языка: учебно-методический комплекс. В 2 ч. Ч. II.: Язык – человек – народ. – СПб., М.: Наука: САГА: ФОРУМ, 2009. – 480 с. В качестве примера противоположного этому стремления к точности научного языка, чтобы избежать подобных казусов, можно привести терминотворчество Ю.А. Сорокина – см., например: Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 160 с.

сти. Следует подчеркнуть, что с такой точки зрения достижения разных языковедческих парадигм (лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики) нисколько не противоречат друг другу и друг друга не исключают, но являются во многом взаимодополняющими.

Если говорить об исследовании эмоциональных характеристик слова, то дальнейшее исследование эмоционально-чувственного компонента значения слова⁸ уже показало сложность этого феномена, рассматриваемого как комплекс связанных со словом переживаний разной степени осознанности. Выше уже говорилось о двойственной природе переживания. Возможно, стоило бы попытаться «расчленивать» эту двойственность: например, на материале анализа метафоры показать одновременную реализацию отношения к миру и отношения к себе.

Метафоричность языка может объясняться той же двойственностью переживания: поскольку точкой отсчета всегда является собственное тело и собственное «я», все обозначаемые языком предметы и явления окружающего мира имеют тенденцию быть сравниваемыми с тем, что «ближе к телу». Поэтому основные «когнитивные» метафоры связаны с выходом на пространственные, временные и соматические ориентиры⁹.

Важно, что эти схемы, являющиеся неотъемлемой составляющей эмоционально-чувственной основы языковой картины мира, усваиваются в процессе «врастания» индивида в культуру. Они не могут не быть культурно специфичными, поскольку, формируясь в культуре, модифицируются множеством факторов, и эта специфика отображается в языке. Учет эмоционально-чувственного фактора представляется исключительно важным при решении проблем межкультурной коммуникации. Кроме того, учет особенностей формирования эмоционально-чувственного значения слова должен стать необходимым при организации обучения языку, как родному, так и иностранному. При овладении языком ребенок усваивает слово в контексте конкретной ситуации, с которой у него связаны определенные переживания. За каждым словом постепенно формируется чувственный образ, который на протяжении жизни слова в индивидуальном сознании меняется. Понимание этого факта чрезвычайно важно, например, в современной ситуации организованного обучения, когда дети еще в начальной школе начинают изучать иностранный язык. Результаты экспериментальных исследований и наблю-

⁸ Мяжкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: Монография. – Курск: Изд-во КГУ, 2000. – 112 с.

⁹ Ср., например, Lakoff G. & Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp.195-221; Lakoff G. & Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp.195-221. и др.

дений показывают, что неудовлетворительные результаты в этой области часто обусловлены именно недостаточным вниманием к эмоциональной сфере ребенка¹⁰.

Каким бы ни было направление дальнейшего исследования взаимоотношений языка и эмоций, не следует забывать, что достижения всех языковедческих парадигм составляют необходимую базу для движения вперед. В этом смысле психолингвистические исследования не могут не опираться на лингвистические теории эмоций¹¹, которые не только дают описание системных свойств эмотивной лексики и особенностей ее функционирования, но и базируются на богатейшем языковом материале. Кроме того, необходимо учитывать и современные тенденции развития когнитивной науки в плане ее обращения к проблемам телесности¹². По-видимому, в ближайшей перспективе на пути исследования соотношения эмоциональной сферы человека предстоит переход на новый уровень моделирования с учетом новых достижений близких к языковедению научных направлений.

¹⁰ См.: *Кремнева А.В., Мягкова Е.Ю.* Чувственные основания значения слова // Язык, коммуникация и социальная среда: Сбор. научн. Трудов. – Вып. 5. – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2007. – С. 144-151; *Кремнева А.В.* Эмоциональная составляющая образа, стоящего за иноязычным словом в лексиконе младшего школьника: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 18 с.

¹¹ См., например, *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: Монография Изд. 2-е, испр., доп. – ЛКИ, 2008а. – 208 с.; *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008б. – 416 с.

¹² См.: *Ruthrof H.* Semantics and the body: meaning from Frege to the postmodern. – Melbourne: Melbourne Univ. Press, 1998. – 321 p.; *Ruthrof H.* The body in language. – London; New York: Cassel, 2000. – 193 p.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

О переводческом опыте Ю.А. Сорокина и о метрическом переводе

© доктор филологических наук В.Н. Базылев, 2010

В одной из своих последних книг Ю.А. Сорокин обратился к вопросам антиметрономного перевода. Он напишет: «Относительно существования русских стихов в “адекватном” завтрашнем дне, говорящем по-немецки или по-французски или даже по-киргизски, существования достоянного и благоприятного, также можно сомневаться, если считать уникальным образно-тропологический и фоносемантический инструментальный любого поэтического языка» [Сорокин 2003: 49]. Ю.А. Сорокин считает, что допустимо полагать: автохтонный художественный коммуникант автономен и самодостаточен, а его переводческая версия – всего лишь симулякр. И самое главное, они отсылают к разным экзистенциальным смыслам, телеологически неравномоощным и неравноценным в силу избирательности фокусов внимания к деталям своего бытия. По словам Ю.А. Сорокина, «антиметрономный перевод – нехудожественен и, тем самым, существует лишь как документ, подтверждающий отсутствие в нем литературных фактов» [Сорокин 2003: 51].

Ясно, что если бы между языком и системой поэтической просодии существовал подобный детерминизм, перевод поэзии был бы не только не возможен, но и абсурден по определению. Любой значимый поэтический перевод представляет собой сознательный или бессознательный протест против этой идеи; не будем забывать, что многие крупные поэты были не только переводчиками поэзии, но и создателями своей «национальной» метрики.

С технической точки зрения сохранение, удаление или смена размера является, без сомнения, конфликтным выбором, так как семантическая и риторическая точность стиха в большой степени зависит от этого выбора, поскольку соблюдение ритма может привести к изменению смысла, и наоборот. С этой же позиции можно говорить о четырех стратегиях размерности при поэтическом переводе: миметической форме, аналогической форме, ритмическом метаморфизме и смешанной формуле.

Миметическая форма: Это наиболее амбициозное стремление к музыкальной точности, особенно когда она включает рифму: одинаковое число слогов, одинаковое ударение, одинаковая рифмовал схема. Обычно считается, что нет идентичных размеров в различных языках, но именно поэтому такой выбор – наиболее смелый, поскольку, помимо технических трудностей, он наиболее ярко опровергает так называемую непроницаемость различных метрик, пропагандируемую теориями метрики. На примере таких стихов мы видим, что, несмотря на то, что к теориям, преобладающим в каждой стране, относятся по-разному, эти стихи сохраняют музыкальную схему оригинала в пределах, устанавливаемых самой системой метрики. Независимо от того, как называются, в зависимости от теоретической нормы каждой страны, «обязательные» элементы этих стихов – пентаметры, десятисложные или одиннадцатисложные – все они совпадают (стиховое ударение на десятом слоге и ударение полустушия *a minore* – на четвертом слога или *a minore* – на шестом слоге, в то время как с переменными элементами – ударение на других позициях – обращаются с большей свободой). Точность перевода от этого выигрывает. То же самое имеет место в александрийских стихах, где соблюдаются стиховые ударения (шестой слог каждого полустушия), а с остальными обращаются свободно, поскольку их положение в оригинале также допускает изменение. Ритмы и размеры – не вечные пленники языка, и фактически существует несомненная омофония между испанским одиннадцатисложным стихом, итальянским одиннадцатисложным стихом, франкопровансальским десятисложным стихом, каталанским десятисложным стихом, португальским десятисложным стихом, английским пентаметром и русским пятистопным стихом [Гаспаров 1989: 288-300].

Аналогическая форма преследует другую цель и имеет другие ограничения: даже когда технически возможен музыкальный миметизм, одна и та же схема не может пользоваться одинаковым успехом в различных странах, так как этот успех не только зависит от свойств ритма как таковых, но и от влияния традиции, то есть от авторитета предыдущих произведений, написанных с тем же размером великими национальными поэтами. Эта форма часто используется при переводе греческих и латинских классиков на современные языки, для которых количественный гекзаметр довольно далек от литературной нормы (помимо сомнительной фонетической восприимчивости противопоставления долгих и кратких слогов).

Ю.А. Сорокин рассматривает это решение, которое «национализирует» оригинальный стих, как подлинную равнозначность. Он считает, что

это часто является единственно возможным решением. Он приводит пример из китайской классической поэзии времен династии Тан, поясняя, что она основывалась на регламентированном чередовании тонов в изосиллабических рифмованных стихах, в которых каждый слог являлся словом и одновременно иероглифом, что позволяло достичь эффекта визуальной симметрии. Просто невозможно сохранить смысл, музыку и образ этой поэзии в немоносиллабическом, неидеографическом и нетональном языке. То, что для Ли Бо было «поэмой из пяти букв», требовало от него, как переводчика, намного больше слогов, поэтому он отказался от миметизма и прибег к размерам русской традиции без какой-либо формальной связи с оригиналом, но в соответствии с русским вкусом [Сорокин 2003: 122 и сл.].

Ритмический метаморфизм представляет собой замену ритма чем-либо технически целесообразным с точки зрения переводчика.

Более «длинный» размер. Во избежание чрезмерных смысловых жертв переводчик прибегает к более медленному темпу с помощью стихов, которые, имея больше слогов, передают то же самое, что весьма полезно для перевода с «лаконичных» языков (китайский, английский, французский) на языки, которые имеют больше слогов в слове (итальянский, испанский); часто переводчик в этом случае заменяет одиннадцатисложный стих александрийским, восьмисложный – одиннадцатисложным и т. п.

Более «короткий» размер. Это решение на первый взгляд может показаться весьма странным, так как оно повышает техническую сложность перевода. Тем не менее с помощью этого метода получено много весьма удачных переводов. Поскольку золотое правило поэзии заключается в умении высказать как можно больше с использованием как можно меньшего числа слов, обычно синтез бывает более эффективным, чем ампликация, поэтому использование самого короткого размера, несмотря на сложности, помогает избежать опасностей, связанных с заполнением «лакун», которые создал сам переводчик. Можно сказать, что искусство переводчика поэзии лучше всего заметно, как бы парадоксально это ни казалось, в его способности сократить в нужном месте, чтобы ритм не искажался в пользу смысла, и наоборот. Именно этого великолепно добился Ю.А. Сорокин в своих переводах из Анри Бретона, Эзры Паунда и Поля Элюара, где он с потрясающей ловкостью превращает острую нехватку слогового пространства в достоинство вместо недостатка.

Смешанные формулы заключаются в использовании полиметрических стихов там, где могут чередоваться миметические размеры с рит-

мическими метаморфизмами, как более короткими, так и более длинными.

Помимо представленной классификации и описания конкретных методов, в заключение позволю себе сформулировать две основные мысли.

Никакой метод не может считаться лучше другого, на что претендуют некоторые специалисты по переводу, так как каждый из них соответствует определенным потребностям, имеет свои преимущества и недостатки.

Границы, основанные на предполагаемых языковых детерминизмах в области поэтики, постоянно размываются под действием поэтических переводов, выступающих в качестве настоящей «пятой колонны».

Л и т е р а т у р а

1. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. – М.: Наука, 1989. – 302 с.
2. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение. Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: Гнозис, 2003. – 160 с.

Слово в многомерном пространстве культуры

© кандидат филологических наук И.И. Богатырева, 2010

В современной лингвистической литературе представлено немало различных определений и трактовок такого понятия, как перевод. При всём многообразии существующих подходов и интерпретаций есть единое понимание того, что результатом данного вида деятельности должен явиться текст на одном языке, эквивалентный тексту на другом языке, несмотря на то, что зачастую осуществляется перевод текста, принадлежащего одной культурной традиции на язык совершенно другой культурной традиции, и переводчик вынужден действительно *переводить* с пространства на пространство, с времени на время, с культуры на культуру. И, *переводя*, одновременно соединять то, что разъединено, преодолевать ту пропасть, что лежит между исходным и переведённым текстом как носителями разных традиций, создавать какие-то новые каналы связи, заставляя «свои» смыслы вступать в диалог с «чужими» смыслами, не утрачивая и не искажая при этом того, что составляет сущность, или, как говорил В.Н. Топоров, «глубинный нерв» каждой культуры.

В той или иной степени эта ситуация знакома всякому переводчику, но особенно она касается тех, кто переводит тексты восточной культуры на язык западной. Вышеназванные проблемы неоднократно рассматривались и в трудах Юрия Александровича Сорокина, занимавшегося как вопросами теории перевода, так и практической переводческой деятельностью. Юрий Александрович, сталкиваясь с лингвокультурной спецификой китайских текстов, неоднократно отмечал чрезвычайно важную для них глубину (противопоставленную длине) контекста, обусловленную специфически китайской «ментальной конфигурацией» (см.: [Сорокин 2001а, 2001б, 1991, 1999, 2003; Сорокин, Морковина 1989] и др.). Он писал о том, что художественный перевод ориентальных текстов почти всегда предполагает «маскировку зон несогласий», что при переводе таких текстов неизбежны «когнитивные шумы», а переводчик-востоковед часто вынужден заниматься «трансплантацией» ряда смыслов.

Быть посредником между двумя традициями и цивилизациями – Востоком и Западом – очень ответственная миссия. И чем дальше во времени отстоит от нас восточный текст, тем сложнее адекватно донести его суть. Потому комментарии к таким переводным текстам зачас-

тую могут быть сопоставимы по объёму с собственно переводом на европейский язык. Это касается как художественной литературы, так и научной. Покажем вначале на примере маленького фрагмента из хрестоматийного текста на санскрите – «Рассказа о Савитри» из Лесной книги «Махабхараты», – как иногда не очень сложная и не очень длинная фраза требует порой довольно многословных комментариев: иначе весь её глубокий смысл будет не понят и утерян¹.

Так, в шлоке 28 из второй главы «Рассказа о Савитри» сказано:

*manasā niścayaṃ kṛtvā tato vācābhidhīyate
karmaṇā kriyate paścātpramāṇaṃ me manastataḥ*

Дадим вначале обычный, не «толкующий», перевод этих строк:

Решение [вначале] принимается разумом (мысленно), затем [о нём] сообщается словами,

*Потом совершается действие [реализующее принятое решение].
Поэтому мерилом всему для меня является разум (мысль).*

Также необходимо к этому добавить, в каком литературном контексте возникает вышеприведённая шлока. Ситуация такая: главная героиня, царская дочь Савитри, возвращается домой после поисков для себя мужа. Она сообщает о своём решении отцу, царю Ашвапати, и мудрецу Нараде. Выясняется, что её избранник Сатьяван имеет огромное количество достоинств и добродетелей, но у него есть всего один, но весьма существенный недостаток – Сатьяван должен умереть через год. Дело в том, что некоторым мудрецам (в том числе, и Нараде) известно будущее. Нарада и Ашвапати пытаются отговорить Савитри и убеждают её в необходимости пересмотреть принятое ею решение, на что юная девушка отвечает вышеприведёнными словами, являющимися по своей сути отказом от предлагаемого ей выхода из сложившейся ситуации. Она не согласна отказаться от своего собственного выбора и несмотря ни на что готова следовать своему решению. Всё это можно увидеть в тексте соответствующего фрагмента «Махабхараты». Всё, что касается непосредственно сюжета. Но по-настоящему понять смысл слов Савитри и объяснить её поведение можно лишь в том случае, если имеешь представление о том, как было устроено древнеиндийское традицион-

¹ Хочется особо отметить, что здесь берётся фрагмент из достаточно понятного раздела «Махабхараты»: это вполне конкретная история юной девушки, сумевшей многое преодолеть и принести счастье и благополучие себе и своим близким. Мы намеренно не рассматриваем шлоки, например, из «Бхагавадгиты», для настоящего понимания которых очевидно требуется много дополнительных комментариев. Но, как выяснилось, и этот простой текст совсем не прост для представителя другой культурной традиции.

ное общество, что представлял собой индийский ритуал и какова была роль слова в Древней Индии.

Попробуем сформулировать (по возможности кратко, но ёмко) наиболее существенные для понимания процитированной шлоки идеи и положения, без которых она не может быть осмыслена. Не вызывает сомнения, что в центре всего находится понятие *ритуала*, причём, ритуала как силы, сформировавшей всё множество древнеиндийских текстов в единое целое и определившей сущность ведийской культуры. Вся жизнь древнего индуса была подчинена разного рода обязательным или желательным храмовым и домашним ритуалам, обрядам, связанным с теми или иными жизненными циклами. Ритуал в Индии - один из наиболее мощных механизмов, регулирующих как жизнь всего социума, так и отдельного индивида. Он, *как и любая иная деятельность*, осуществляется как бы на трёх уровнях, или в трёх разных плоскостях: действием, словом и мыслью (телесно, вербально и ментально). Такая трёхкомпонентная структура ритуального (или любого другого) действия обусловлена древнеиндийским представлением об устройстве макрокосмоса, состоящего из трёх миров, – земного, или мира людей, небесного, или мира богов, и пространства, их соединяющего. Таким образом, всё, что связано с телесностью, представляет мир земной; разум, сознание, интеллект – всё это относится к миру небесному; а речь – олицетворение промежуточного мира. Поэтому слово и речь для древнего индийца – это не просто средство коммуникации, а некая особая магическая реальность, имеющая божественную природу.

Тот или иной ритуал обеспечивался благодаря согласованным действиям разных жрецов. Причём, у каждого вида жрецов были свои особые функции, а также каждый вид жрецов был определённым образом соотнесён с одной из четырёх Вед, представлявших собой, как известно, наиболее значимый для индийской культуры состав текстов. Жрец хогатар занимался рецитацией гимнов Ригведы, жрец удгатар исполнял нужные напевы из Самаведы. Такими *словесными* формулами эти жрецы и приглашали богов на совершаемое жертвоприношение, и пытались склонить их к выполнению какой-либо просьбы. Одновременно с этим пением и рецитацией гимнов жрец адхварью совершал вполне конкретные ритуальные *действия*, осуществляя их главным образом физически: он мог доить корову, разделявать тушку жертвенного животного, разводить огонь и т. д. Но при этом он тихо, вполголоса, произносил специальные жертвенные формулы, потому жрецы адхварью соотносятся с третьей Самхитой – Яджурведой. За правильным соблюдением всего ритуала *молча* следит жрец брахман, именно он обеспечивает точное,

безошибочное осуществление всей церемонии. Брахманы обычно соотносятся с Атхарваведой, хотя этот текст в ведийский канон был включён существенно позже предыдущих трёх Вед, и поэтому его связь с брахманами признаётся не всеми. Но несомненно то, что роль брахмана особенно велика в силу того, что именно он своими *ментальными* усилиями обеспечивает данную ритуальную процедуру: ведь решающая роль принадлежит именно *мысленно* принесённой жертве. Таким образом, одновременно происходит *действие*, сопровождаемое *словом* и *мысленным* усилием, причем основа всего – именно мысль. Можно без преувеличения сказать, что в данном представлении заключается одна из самых важных для древнеиндийской культурной традиции идей, составляющих её глубинную суть.

Вернёмся снова к нашей шлоке. Зная про описанное выше триединство дела, слова и мысли, уже по-иному расцениваешь слова Савитри. И в предложении, сделанном её отцом (при молчаливой как будто бы поддержке мудреца Нарады) – отказаться от сделанного ею выбора, – можно даже усмотреть своего рода провокацию: могла ли в действительности добродетельная, благочестивая Савитри, знающая все тонкости обрядовой стороны жизни, изменить своё решение? Конечно, нет. Иначе этим можно было вызвать на себя ещё больший гнев со стороны богов: ведь согласившись пойти на поиски другого супруга, она бы нарушила одну из самых важных заповедей традиционного древнеиндийского общества (триединства, о котором мы только что говорили). На самом деле у Савитри не было реального выбора. Главное решение – мыслью – уже принято: сделан первый, определяющий всё дальнейшее, шаг. В словесную форму это решение уже облечено и сообщено отцу и Нараде: сделан второй шаг. Значит, неизбежно и воплощение этого решения в виде конкретных действий, т.е. свадьбы (именно с Сатъяваном) и дальнейшего замужества, пусть и такого недолгого (как было обещано свыше): ведь если два шага из трёх сделаны, обратного пути быть не должно.

Вот такими непростыми смыслами оперировали создатели данного *художественного* текста, и простой перевод без комментариев здесь может привести к тому, что для ряда современных европейских читателей многое останется «за кадром». Чтобы этого не произошло, переводчик должен стать одновременно и интерпретатором текста, и проводником в другую культуру.

Посмотрим теперь на восточный *научный* текст с этой же точки зрения: есть ли там какие-то подводные течения, препятствующие его правильному пониманию и переводу на современный западный язык. Об-

ратимся для этого к медицинскому трактату по аюрведе «Аштангахридая самхита»², написанному Вагбхатой в VI веке. Мало сказать, что это один из классических трудов в данной области знания. Это был универсальный учебник, который заучивался наизусть представителями медицинских династий в древности и на который опираются и ссылаются по сей день.

Возьмём оттуда совсем небольшой фрагмент – шлоку 6 из первого раздела первой книги – и попробуем его перевести:

*vāyuḥ pittaṃ kaphaḥ ceti trayo doṣāḥ samāsataḥ
vikṛāvikṛā dehaṃ ghnanti te vartayanti ca*

Ветер, желчь и слизь – вот вкратце три компонента [человеческого тела].

Они [либо] разрушают, [либо] поддерживают (укрепляют) тело [в зависимости от того,] в каком они состоянии: видоизменённом или нормальном.

Чуть ниже, в первой части шлоки 20, сказано:

rogastu doṣavaiśamyam doṣasāmyamarogātā

Болезнь же – это [результат] нарушения равновесия [трёх] компонентов, а здоровье – это [результат] их равновесия (гармонии).

Понятно ли современному западному читателю, что здесь имеется в виду? Скорее нет, если ограничиваться только таким переводом, какой был дан выше. Не говоря уже о том, как мало это напоминает научный текст в нашем традиционном его понимании. Не случайно долгое время в европейских учебниках по истории медицины бытовал взгляд на аюрведу как на нечто наивное, ненаучное и даже «чудовищное», состоящее из одних слабых мест. Главным образом это было обусловлено отсутствием грамотных переводов с санскрита на современные европейские языки не то что целостных базовых текстов, но даже отдельных аюрведических терминов.

Обратимся к нашему переводу. Посмотрим на выбранные русские соответствия санскритским словам: *vāyu* – ветер, *pitta* – желчь, *kapha* – слизь, *doṣa* – компонент [человеческого тела]. Именно так долгое время переводились эти термины на русский, английский и др. языки носителями этих языков (а не самими индусами). Нельзя сказать, что это неправильный перевод, но он скорее неудачный, поскольку не отражает того, что в реальности стоит за этими основополагающими для концеп-

² Нами было использовано следующее издание: Vagbhata's Aṣṭāṅga Hṛdayam: Text, English translation, Notes, Appendices and Indices. Vol. 1-3. Krishnadas Academy, Varanasi, 1995.

ции аюрведы терминами. И не только не отражает их смысла, но и даже некоторым образом вводит носителя русского языка в заблуждение.

Поясним, в чём здесь дело. Одним из самых существенных положений восточных систем медицинских знаний (древнеиндийской, древнекитайской, тибетской) является то, что они исходят не из анатомии человеческого тела, а из *функциональной* деятельности организма. Для Востока первична функция, а не орган, орган, конечно же, связан с каким-то набором функций, но он вторичен, произведен от них. Более того, выражаясь языком математики, организм человека видится как некий *континуум*, который реально не членится на составные элементы и в котором все *функции непрерывны*. Континуум нельзя составить из частей (а ведь именно так представлено тело человека в рамках современной европейской медицинской традиции). Эту старую истину сформулировал ещё Аристотель («Физика», книга 8, глава 8): «Когда непрерывную линию делят пополам, то одну точку принимают за две, её делают и началом одной половины, и концом другой; однако, когда производится деление таким образом, то ни линия, ни движение не остаются непрерывными. В непрерывном, хотя и заключается бесконечно много половин, но только в возможности, а не в действительности»³. Здесь обретает силу тот принцип, что нельзя разделить то, что не является само по себе разделённым. Таков, с точки зрения аюрведы, и организм человека: это непрерывно функционирующая целостность. Это первое.

Второе, что необходимо понимать, переводя древнеиндийский медицинский текст, – это то, что тело человека (микрокосмос) устроено по образцу Вселенной (макрокосмоса). И вышеназванные три «компонента» – это аналоги пяти первоэлементов, которые лежат в основе всего бытия. Их ни в коем случае не следует отождествлять с конкретными материальными носителями или веществами. Нужно помнить, что здесь мы имеем дело с принципиально *иным* уровнем представления человеческого тела, отличным от того, что принят в современной европейской медицине.

Как же тогда поступать переводчику? По всей видимости, разумней всего следовать традициям перевода философских текстов, представленных в трудах всемирно признанного индолога Ф.И. Щербатского. Не случайно на его могильной плите выгравированы такие слова: «Он объяснил своей стране ум древних мыслителей Индии». Сам Щербатский, говоря о том, что побудило его к изучению и активной популяризации идей и положений древнеиндийской философии, отмечал, что в особен-

³ http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/arist/fizik02.php

ности его беспокоил «нездоровый интерес к индийской философии, интерес, вызванный именно туманным состоянием наших о ней сведений и разными баснями о сверхъестественных силах, в ней почерпаемых» [Щербатской 1922: 2]. Эти слова сейчас в полной мере можно отнести и к нашим представлениям о древневосточной медицине.

Сформулируем кратко, в наиболее общем виде, в чём в своё время проявилась новизна подхода Ф.И. Щербатского к вопросам, связанным с переводом древневосточных текстов на язык Запада. Щербатской был противником господствовавшей в то время традиции «буквального» перевода. Учёный совершенно справедливо полагал, что в этих случаях буквальный перевод бесполезен, что он вообще не выражает авторской мысли. До Щербатского переводчики буддийских текстов обычно либо не распознавали во многих санскритских словах специфические термины, либо достаточно произвольно подбирали им европейские «эквиваленты», которые таковыми не являлись. При этом, естественно, происходила подмена смыслов, неверно переосмыслился весь культурный и исторический контекст. В противовес этому Ф.И. Щербатской основал традицию перевода «философского», т.е. толкующего, интерпретирующего, поскольку, как он полагал, *полного* европейского соответствия, видимо, не имеет ни один термин восточной философии.

Считается, что своим подходом Щербатской обязан индологам Г. Бюлеру и Г. Якоби. Принцип, выработанный этими учёными на текстах нефилософского содержания, состоял в следующем: предметная область значений каждого термина должна определяться только в ходе реконструкции всей системы понятий данного учения, производимой с учётом индийской комментаторской традиции⁴. Щербатской же перенёс этот принцип на философскую почву, сделав его основой своей деятельности как переводчика и интерпретатора индийских философских трактатов⁵.

Огромная заслуга Щербатского состоит также в том, что он сумел увидеть (и донести в своих текстах до европейского читателя) в индийских учениях самобытные системы, которые по степени формализованности понятийного и терминологического аппарата не уступали европейским концепциям. Благодаря созданному им «философскому», или толкующему, переводу, Щербатской «сделал сами тексты своих переводов фактом диалога Востока и Запада, заставив индийских мыслителей излагать свои концепции на языке европейской философии XIX – нача-

⁴ Сейчас, конечно же, эта идея выглядит как нечто само собой разумеющееся. Но больше века тому назад это было принципиально новым подходом.

⁵ Более подробно это изложено в работе [Васильков 1989].

ла XX века»⁶. Важным моментом здесь является то, что процедура истолкования, проделанная Щербатским, предполагала не просто передачу древнего текста современным языком, но и выбор такого языка, который будет адекватен философской школе, в рамках которой первоначально и возникло то или иное знание. Следует особо подчеркнуть, что таким переводом древних восточных теорий Щербатской ни в коем разе не пытался продемонстрировать цикличность основных идей в истории мировой философии. Он не занимался открытием у индийских или тибетских философов мыслей, которые затем возникли в головах европейских учёных. Он сам постоянно подчёркивал условный характер этих аналогий, указывая на то, что такой тип перевода является для него «комментаторским приёмом», позволяющим сделать чуждые индийские теории понятными путём контраста или параллелизма с европейскими теориями. Как нам представляется, это прекрасный способ устранения «чуждости» чужих идей, который при этом не устраняет их самобытности.

Есть ещё одна возможность избежать те возможные минусы, которые кроются в буквальном переводе, – это использовать транслитерацию восточных терминов, которую Щербатской называл «полупереводом». Как известно, последние десятилетия этот путь выбирают многие востоковеды. В случае нашего примера с *компонентами тела человека, ветром, желчью и слизью* транслитерация однозначно более предпочтительна, нежели такой перевод. Лучше сказать *питта* или *капха*, нежели *желчь* или *слизь*. Лучше хотя бы потому, что такие незнакомые слова не вызовут неправильных ассоциаций с какими-то веществами или материальными структурами. Ведь, как уже было сказано, эти три составляющие человеческого тела не являются субстанциями, это скорее функциональные системы нашего организма. Справедливости ради нужно отметить, что за выработку собственно желчи (т.е. вещества, необходимого для правильного процесса пищеварения) действительно отвечает питта, а капха ведаёт, помимо всего прочего, правильным функционированием всех наших слизистых оболочек и рядом выделений, среди которых есть и собственно слизь в нашем понимании этого слова. Но это совсем не одно и то же.

Представляется, что во многих случаях такой «полуперевод» аюрведических терминов необходимо совмещать с «толкующим», или интерпретирующим. И здесь чрезвычайно важно помнить о необходимости реконструкции целостной системы понятий аюрведы и соответственно

⁶ См. вышеуказанную статью Я.В. Василькова, с. 187.

системы терминов, их именующих. Так, в частности, слово *doṣa* имеет смысл оставить по-русски как *доша*, поскольку называть его *компонентом тела* нехорошо (о причинах этого было достаточно сказано выше). К тому же, три доша – это не просто три основные функциональные системы организма, но одновременно и три его болезненных начала. Если они находятся в равновесии между собой (см. выше шлоку 20), то человек здоров; если же они чрезмерно возрастают или убывают, нарушая тем самым гармоничное сочетание в организме всех его составляющих, то те же самые доша становятся причиной самых разных болезней. Все эти и многие другие смыслы (а их ещё немало, поскольку данный термин является одним из основополагающих в концепции аюрведы) данного понятия теряются, если его перевести просто словом *компонент*.

Итак, мы попытались показать на этих скромных примерах, насколько большая ответственность возлагается на переводчика, который должен связать две разные традиции, связать их по возможности так, чтобы, утратив чуждость «чужого», не превратить его при этом в чисто «своё».

Л и т е р а т у р а

1. *Васильков Я.В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского // Восток – Запад: Исследования, переводы, публикации. Вып. IV. – М., 1989. С. 178–224.
2. *Сорокин Ю.А.* «Азбука классики» или азбука погрешностей? // Вестник ВГУ, Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001а, № 2. С. 81–88.
3. *Сорокин Ю.А.* Интуиция и перевод: рефлексивный опыт переводчика-китаиста. // Перевод как моделирование и моделирование перевода. – Тверь, 1991. С. 4–19.
4. *Сорокин Ю.А.* Ориентальное переводоведение и его болевые точки. // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 9. – М., 1999. С. 149–153.
5. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М., 2003.
6. *Сорокин Ю.А.* Переводоведческий триптих. // Проблемы прикладной лингвистики – 2001. Сборник статей. – М., 2001б. С. 261–276.
7. *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Национально-культурная специфика художественного текста. – М., 1989.
8. *Щербатской Ф.И.* Предисловие // Дхармакирти. Обоснование чужой одушевленности. С толкованием Винитадева. / Перевёл с тибетского Ф.И.Щербатской. – Петербург, 1922.
9. *Vagbhata's Aṣṭāṅga Hṛdayam: Text, English translation, Notes, Appendices and Indices.* Vol. 1-3. Krishnadas Academy, Varanasi, 1995.

Особенности переводческой рефлексии в англо-русском отраслевом переводе

© кандидат филологических наук С.В. Власенко
доцент кафедры английского языка при факультете права
Государственного университета – Высшая школа экономики
при Правительстве РФ (ГУ-ВШЭ), 2010

Переводчик живет в мире постоянной рефлексии.
Ю.А. Сорокин, 2003

Реализация семантического соответствия ...
является, по-видимому,
самой важной задачей переводчика.
Ю.А. Сорокин, 2009

Отраслевой перевод – это межъязыковой перевод, протекающий в сфере профессиональной коммуникации в виде языкового опосредования общения, происходящего между членами экспертных сообществ, которое формализуется посредством порождения, распространения и обмена большого массива отраслевых текстов¹ на языках разных специальностей. Отраслевой перевод как результат основан на речезыковом перекодировании определенного набора предметных знаний в овнешненной речезыковой форме, которые выявлены переводчиком в соответствии с его когнитивным профилем² [Власенко 1996: 4, 2009а; ТППСПК 2006: 33–35], интеллектуальным развитием (психометрическим интеллектом, по И.А. Бубновой [Бубнова 2008]) и коммуникативно-языковой компетенцией [Власенко 1996: 4; 2009б; Комиссаров 2001; Львовская 2008; Швейцер 1988].

В условиях неустанно возрастающего день ото дня англо-русского дискурсивного взаимодействия, в особенности профессионального, актуальность изучения переводческой рефлексии видится самоочевидной. Именно в этой связи первым эпиграфом к настоящей статье были выбраны слова Ю.А. Сорокина о постоянной рефлексии переводчика

¹ Под *отраслевыми* понимаются тексты, содержание которых отражает современное состояние, историю или перспективы развития, а также частные вопросы определенных отраслей знаний или областей деятельности; к ним не относятся тексты художественные, публицистические и строго научные (хотя относятся научно-популярные) (цит. по: [ТППСПК 2006: 67–68]).

² Данное понятие сопоставимо с понятием «когнитивная база» В.В. Красных [Красных 2003].

как естественном и органичном компоненте его профессиональной деятельности [Сорокин 2003а: 61]. Уместно процитировать Н.И. Жинкина, полагавшего, что «в круговороте кодовых переходов надо найти самое неясное, самое неуловимое звено – человеческую мысль, внутреннюю речь. Это, несомненно, экстралингвистическое явление, но интересное для лингвистики» [Жинкин 1964: 30].

Переводоведение располагает недостаточно солидным корпусом текстов в отношении переводческой рефлексии (среди прочего [Власенко 1996, 2008, 2010; Глазачева 2006; Залевская 2005; Зимняя 1993; Ключанов 1989; Чернов 1987; Эко 2006 (2003)] и некоторые др.), в связи с чем напрашивается вопрос о некоторой затянувшейся стерилизации проблемы переводческой рефлексии в русле интеллектуальных механизмов познания и коммуникативного взаимодействия результатами познавательной деятельности, а также механизмов и компонентов языкового сознания отраслевых переводчиков [Рябцева 2008]. Вопрос этот вовсе не праздный, поскольку переводческая практика в условиях возрастающей политехнизации глобального сообщества и объективного усложнения экзистенциальных контекстов ставит перед отраслевыми переводчиками вопросы, которые не решаемы легко даже и для наиболее подготовленных представителей профессии.

Исходя из имеющегося опыта отраслевого перевода, заметим, что даже самые опытные переводчики, работающие на престижных международных форумах, приостанавливаются, а иногда замолкают (что недопустимо), когда сталкиваются с такими терминологическими последовательностями, как, например, *кредитные обязательства градообразующих предприятий; авуары кассовой наличности слабо позиционированных на рынке банков; техническая фондовооруженность предприятий в условиях посткризисной конъюнктуры; особенности формирования расходов по операциям с финансовыми инструментами срочных сделок* и др. Однако представляется, что не громоздкая структура подобных терминообразований служит причиной растерянности переводчиков. Вероятно, одной из причин подобной растерянности можно назвать трудность одномоментного схватывания, которое возможно только при полноценной проекции (проецируемости) таких последовательностей на индивидуальную сетку смысловых координат переводчика.

Приведем несколько примеров эмоционально «труднорастворимых» или вовсе «нерастворяющихся» терминологических выражений, представленных протяженными полилексемными (несколькословными) рядами терминов:

- макроэкономическая статистика:

- комплексная система статистических показателей методики разработки отдельных видов спутниковых счетов туризма;
- внесение уточнений в действующую методологию расчетов выпуска продукции сельского хозяйства в части оценки продукции выращивания скота и птицы;
- создание методики расчета индекса физического объема инвестиций в нефинансовые активы;
- экономика труда:
 - расчёт оплаты труда работников различных структурных подразделений организации;
 - формы утверждения нормативов расчета индивидуальных и коллективных фондов оплаты труда;
- административное право:
 - принципы и порядок разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственного управления Российской Федерации и органами государственного управления субъектов Российской Федерации;
- таможенное право:
 - административная ответственность за недекларирование либо недостаточное декларирование товаров и (или) транспортных средств в области таможенного дела;
- бухгалтерский учет:
 - особенности заполнения книги покупок и книги продаж по счетам-фактурам на авансы выданные.

Аналогичная ситуация наблюдается и в английском языке [Власенко 2007], среди многочисленных примеров назовем следующие:

- управление персоналом, кадровая политика:
 - *subscription private equity jobs database and career management tool*;
 - *private equity and venture capital jobs*;
- реклама, маркетинг:
 - *the popular boy-wizard fantasy book series 'Harry Potter'*;
- банковское дело:
 - *banks' required local-currency-deposit reserve accounts*;
- сфера социального обеспечения:
 - *the client-centered social work case management practice*;
- предпринимательское право:
 - *the company's non-extended debt payment waiver*;

- договорное право:
 - *tanker owners voluntary agreement concerning liability for oil pollution* и многие др.

В особенности проблемным для перекодирования оказываются внутритекстовые связи указанных терминообразований в связи с общей пропозицией высказывания. При русско-английском перекодировании фрагменты типа *заведомо причиненный имущественный ущерб в отсутствие практики исполнения судебных решений, хотя и при наличии определенных предусмотренных законодательно средств судебной защиты* с большой долей вероятности могут подвергнуться значительному сокращению и семантическому упрощению в процессе их восприятия и понимания переводчиком или иным переводящим субъектом. Аналогичные действия могут быть предприняты переводчиком перед лицом следующих последовательностей: *наиболее распространенные (типичные) дела в судебно-арбитражной практике оспаривания размещения государственного и муниципального заказа или правовые проблемы участия в торгах договорных объединений участников, а также аффилированных лиц.*

В контексте отраслевого перевода укажем на предметно-деятельностные контексты, самоочевидность присутствия которых на когнитивном континууме переводчика указывал Ю.А. Сорокин еще четверть века назад в связи с анализом природы текста: «Понятие “текст” не может быть определено только лингвистическим путем. Текст есть, прежде всего, понятие коммуникативное, ориентированное на выявление специфики определенного рода деятельности: только на этой основе возможен плюрализм определений понятия “текст”, обусловленный многообразием родов деятельности» [Сорокин 1985: 7].

Современные отраслевые тексты отсылают к предметно-деятельностным контекстам, которые не предстают в чистом виде как *моноотраслевые контексты*, а скорее в сочетании двух и более сфер или областей, т. е. как *межотраслевые* и *полиотраслевые контексты*, в рамках которых происходит коммуникативное взаимодействие экспертов. Приведем небольшой пример из области вычислительной техники, который показывает специфику отраслевого языка, обуславливающую, на наш взгляд, небезосновательно, неизбежность приостановки внимания переводчика для понимания передаваемого смысла:

- *If data input formats are revised seldom, copies of data input formats file should be made to capture each revision.* → Если форматы ввода данных изменяются редко, копия файла форматов

ввода данных должна создаваться при каждом изменении формата.

Учитывая приведенный и аналогичные примеры, думается, что переводческая рефлексия – это тот процесс смыслопоиска, который построен на обращенности сознания переводчика к смысловому континууму автора исходного текста и который детерминирует конечный результат – текст перевода. Для иллюстрации *рефлексивной деятельности* переводчика могут и должны использоваться сопоставляемые тексты на двух языках-коммуникантах. Как известно, такая практика многие десятилетия использовалась в художественном, в том числе поэтическом, переводе. Действительно, сопоставимость текстов на двух языках-коммуникантах позволяет проводить детальный анализ и устанавливать истинные параметры эквивалентности текстов оригинала и перевода по отношению друг к другу. В представлениях о воспринимаемом и перекодированном предмете мысли находит выражение характерный для рефлексии переводчика способ восприятия действительности, т. е. его картина мира, причем как общая, так и профессиональная. Бесспорно, что реальность задается текстом оригинала безотносительно к тому, какое отражение она получают в сознании переводчика, т. е. безотносительно к возможной или вероятной переводческой рефлексии.

Заметим, исходя из собственной практики, что только в стадии *активной рефлексии* переводчику «открывается» доступ к речевым овнешнениям перекодированного смысла в том смысле, в котором о нем говорит Н.И. Жинкин: «код <...> представляет собой систему материальных сигналов, в которых может быть реализован какой-нибудь определенный язык» [Жинкин 1964: 31]. Среди разных трактовок рефлексии остановимся на определении, которое дал С.А. Рубинштейн. Он, в частности, отмечал, что «рефлексия <...> как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее... С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни. Сознание вступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней» [Рубинштейн 1976: 348].

Следующий пример иллюстративен для понимания *специфики рефлексивной деятельности отраслевого переводчика*. Безосновательно заметим, что управление вниманием – один из основных слагаемых профессионализма переводчика. Однако независимо от накопленного опыта можно предположить с большой долей вероятно-

сти, что при восприятии следующего названия конференции внимание переводчиков будет притормаживаться: *Межрегиональной конференции по вопросам взаимодействия служб по связям с общественностью коммерческих и общественных структур с органами государственного и муниципального управления и проблемам реализации гражданских прав на информацию в Российской Федерации* или названия документа «*О проекте административного регламента Федеральной службы финансово-бюджетного надзора по исполнению государственной функции органа валютного контроля*»³. Далее в целях рассматриваемой проблематики приведем один из абзацев указанного проекта регламента:

- *Проект Регламента определяет сроки и последовательность действий Федеральной службы финансово-бюджетного надзора и территориальных органов Федеральной службы, порядок взаимодействия между структурными подразделениями и должностными лицами Федеральной службы и её территориальными органами, а также порядок взаимодействия Федеральной службы и её территориальных органов с другими федеральными органами исполнительной власти, юридическими и физическими лицами при исполнении государственной функции органа валютного контроля.*

Обратим внимание на подчеркнутую в вышеназванном примере социологему [Власенко 2009г], которая показывает «обыденность» таких явлений, как тавтология и плеоназм, в отраслевых текстах. Попутно заметим, что перевод подобного рода примеров сопряжен с владением целым набором переводческих приемов, формирующих технику перекодирования. Рассмотрим следующий пример:

- *Базовые нормативы платы установлены Постановлением Правительства РФ «О нормативах платы за выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ стационарными и передвижными источниками, сбросы загрязняющих веществ в поверхностные и подземные водные объекты, размещение отходов производства и потребления» от 12.06.03 № 344.*

Предложим свою переводческую версию⁴ для данного примера:

- *Basic payment rates have been set in the RF Government Resolution “On Payment Rates for Air Pollution Emissions by Stationary and Moveable Sources, Pollutants Spillage into Surface and Underground*

³ Источник: <http://www.rosfinnadzor.ru/catalog.aspx?ID=493>

⁴ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи с использованием следующих словарей: [АРФС 2005; БАРФЭС 2000; АВВУУ 2006].

Water Facilities, Production and Consumption Wastes Burial” as of 12.06.03 No. 344.

В порядке комментария заметим, основываясь на саморефлексии, что переводчик как бы притормаживает, «локализует» в ходе своей «тонкой нарезки» смыслового континуума, те овнешненные формы – речезыковые воплощения, – которые ощущаются им как «неудобные» для восприятия и непрозрачные для понимания (см. выделенные подчеркиванием единицы распространенных конструкций, требующие последовательного согласования). Такая локализация коммуникативно «неудобных» (напрягающих, перенапрягающих внимание) единиц сопряжена с процедурой максимального покомпонентного разложения, почти атомизацией, овнешненных речезыковых форм. Переводчик препарирует непонятную для него единицу текста более атомарно, направляя свое «светлое поле внимания» (по А.Н. Леонтьеву) как бы «целевому адресату». Получается многоступенчатое дробление протяженных речезыковых построений, хотя для принимающей аудитории это может проходить вовсе незаметно. Данный процесс условно сравним с увеличением, которое производят при расшифровке данных спутниковой аэрофотосъемки. «Светлое поле внимания», вероятно, фокусируется для оперативной инвентаризации речезыковых средств «нанизывания смысла». К этой стадии рефлексивной деятельности переводчика подходит характеристика, сформулированная У. Эко, – «контекстуальная переключка означающих» [Эко 2006а (1968): 269].

Приведем два примера текстовых фрагментов из банковско-финансовой сферы, содержащих детализированные отраслевые знания, овнешненные терминами (выделены подчеркиванием), которые, на наш взгляд, «тормозят» внимание переводчика, требуя повторного прочтения:

- *Необходимо создать систему диспозитивных лимитов, ограничивающую максимально допустимый объем ежедневных (на дату валютирования) сальдированных оборотов на включенных в систему банковских счетах.*
- *Когда на включенном в систему банковском счете в результате платежных операций окажется дебиторское сальдо, оно выравнивается тем, что с центрального банковского счета системы на включенный в систему банковский счет с дебиторским сальдо переводятся наличные средства.⁵*

⁵ Цит по: [Власенко 2008б: 31].

Повторное прочтение указанных и подобных текстовых фрагментов не всегда возможно: так, например, в ситуации синхронного перевода принципиально недоступна связь с ораторами, а в ситуации письменного – с авторами текста. Это обстоятельство порождает широко наблюдаемую в настоящее время практику «недоперевода», квазиперевода [Власенко 2008а: 67–68, 2009в] или некорректного перевода отраслевых текстов.

Плеоназм как органичное свойство отраслевых текстов

Анализ материалов отраслевых текстов по разным специальностям позволяет утверждать, что такие средства смысловой избыточности, как тавтология и плеоназм, могут расцениваться как вписывающиеся в норму отраслевых языков, будучи «обычными». Рассмотрим два близких примера⁶:

- **Оптимизация** организационной структуры компании **с целью оптимизации** финансовых потоков;
- **Оптимизация** организационной структуры компании с целью **повышения ее эффективности**.

Здесь лексема *оптимизация*, означающая ‘улучшение, повышение, совершенствование, достижение большей эффективности’ и т. п., выступает в прямом значении, вследствие чего построение *оптимизация ... с целью повышения* плеоназматично. На лицо избыточный смысл, смысловое уплотнение, коммуникативно напряженное для перевода. Еще один небольшой пример:

- *Проверка используемых для целей валютного контроля сведений, заявленных в таможенной декларации, и представленных документов.*

Наш комментарий: здесь, по меньшей мере, здесь наблюдается нелогичное последовательное соподчинение «проверка документов», а потом «проверка сведений о... из...»

Современные отраслевые тексты как основные составляющие сферы профессиональной коммуникации в самых разных сферах деятельности и областях знаний отличаются полипредметностью, междисциплинарным характером, сложной синтаксической организацией и плотной информационной фактурой. Исходя из преобладающего числа

⁶ Из объявления о семинаре «Использование системы управления управленческого учета и бюджетирования как антикризисной технологии для повышения устойчивости бизнеса» (январь 2009 г.) на сайте: < <http://www.ane.ru/povyshenie-kvalifikacii/index.html> > .

переводчиков-филологов в общем числе межъязыковых посредников, не будет опрометчивым допустить, что отраслевые тексты для них априорно лакунарны, т. е. содержательно непрозрачны [Власенко 1996; 2006б; 2009а; Власенко, Сорокин 2007а, 2007б; Сорокин 1977а, 1977б; 2003б]. Однако степень лакуарности может варьироваться в широком диапазоне [Сорокин, Власенко 1998]. Когда переводчик не понимает или частично не понимает, недопонимает, текст, текстовый фрагмент, текстовую последовательность или комбинацию текстовых единиц, то он – помятуя о своем профессиональном предназначении как посредника экспертного взаимодействия – делает естественную попытку притормозить, приостановить свое внимание в определенном месте потока поступающей через воспринимаемый текст информации. Такая приостановка – это реакция на уже приостановленный речемыслительный процесс, который оказался прерванным из-за остановки или приостановки порождения у переводчика ассоциативно-вербальные связи и пробуждения образных, и возможно чувственно-образных, рядов [Власенко 2010]. В этом случае допустимо говорить об остановке воссоздания в сознании переводчика или переводящего субъекта ассоциативно-вербальных реакций, о заблокированности «ментальной картинки», которая не подкрепляется визуализацией и формированием образно-чувственной ткани.

Базируясь на субъективной рефлексии, отметим, что торможение осуществляется переводчиком выборочно, поэтому мы предложили называть его дифференцированным торможением [Власенко 2008б]. Под ним мы понимаем реакцию оперативной памяти на *коммуникативное напряжение* или *коммуникативный дискомфорт*, которая возникает в ответ на референционно непрозрачную текстовую единицу оригинала, непрочитаваемую, нерасщепляемую последовательность единиц или текстовый фрагмент. Обычно, помимо референционной непрозрачности, такие единицы или фрагменты оригинального текста являются носителями сложного предметного знания, сочетающего помимо собственно предметных, также и отношенческие знания автора (*attitudinal knowledge* [Уокоуама 1986]). Иными словами, некоторые речезыковые единицы, для восприятия которых требуется смысловая развертка – часто пошаговая и несколькоуровневая – трактуются нами как лакунарные единицы, создающие вокруг себя плотно лакунизированные, непрозрачные для понимания, фрагменты текста [Власенко 1996, 2006б; Власенко, Сорокин 2007а, 2007б].

По нашему убеждению, понятие отраслевого перевода включает определенный *элемент парадоксальности*, поскольку переводчик

оказывается перед необходимостью понять и правильно назвать некоторое смысловое содержание, которое, с той или иной долей вероятности, для него гипотетично, если не вовсе чуждо [Сорокин, Власенко 1998]. Это смысловое содержание вполне может представлять знания или опыт, не являющиеся частью эмпирического континуума переводчика, вследствие чего «следы» такого знания или опыта будут отсутствовать в общем арсенале переводческих знаний, не являясь ни прецедентными, ни встроенными в его когнитивную базу (по В.В. Красных). Актуализированный в переводимом тексте смысл, безусловно, может проецироваться в языковом сознании переводящего субъекта в виде ассоциативно-образной сетки как «нечеткие», расплывчатые, неяркие или даже яркие, но «чужие», ассоциативно-образные ряды и (или) предметно-образные ассоциации. Вместе с тем, подобные ассоциации отражают фрагментарность опыта познания переводчика, что предсказуемо: процесс познания бесконечен и вряд ли существуют люди с целостной картиной мира.

В этой связи показательны следующие примеры⁷, которые цитировались на международной встрече экспертов и поэтому являлись объектом русско-английского перевода:

- *В связи с этим если согласно договору на оказание услуг по предоставлению в аренду помещений расходы **арендодателя** по оплате электроэнергии не включаются в стоимость аренды платы, а перечисляются **арендатором** в порядке компенсации расходов **арендодателя** по оплате электроэнергии с налогом на добавленную стоимость, то счета-фактуры по электроэнергии **арендодателем арендаторам** не выставляются.*
- *При представлении иностранной организацией, имеющей право на получение **дохода**, указанного подтверждения налоговому агенту, выплачивающему **доход**, до даты выплаты **дохода**, в отношении которого международным договором Российской Федерации предусмотрен льготный режим налогообложения в Российской Федерации, в отношении такого **дохода** производится освобождение от удержания налога у источника выплаты или удержание налога у источника выплаты по пониженным ставкам⁸.*

В обоих случаях фразовые единства – информационно пересыщены в плане предметных знаний и, потому, многобарьерны для

⁷ Письмо Минфина от 6 сентября 2005 г. № 07-05-06/234.

⁸ Примеры цит по: [Власенко 2010: 9].

восприятия. Примеры содержат многократно повторяющиеся термины⁹, плотно следующие друг за другом. Эти термины могут остаться, сами по себе прозрачные для понимания, одной только частотой своего повторения могут вызвать у переводчика ощущение «ускользания» пропозиции в силу густо переплетенных друг с другом других текстовых единиц. При этом в обоих примерах информационная пересыщенность коррелирует с предметно-событийной сложностью и многокомпонентностью события-прототипа, для понимания которого переводящему субъекту требуются особые тактики восприятия и обработки актуализированного в оригинале смысла [Власенко 2010].

Внимательный анализ двух вышеприведенных примеров дает все основания предположить, что эти примеры в их английских версиях с большой вероятностью будут носить следы *смысловой деформации*. Иными словами, *деформация смыслоформирующих компонентов или их причинно-следственных связей* в переводе и как процессе, и как результате представляется нам вполне предсказуемой и, в ряде случаев, даже неизбежной.

В порядке принятой в переводоведении практики сопоставления оригиналов и переводов, а также в целях детализации анализа переводческой техники предложим свою версию перевода на английский второго из приведенных выше примеров:

- *When a foreign organization entitled for generating income provides an indicated evidence to the tax agent which pays the income prior to the income payment date in whose regard there are tax relief provision in the international agreement where Russian Federation is a part, such income is exempt from tax at source or tax at source is withheld at discount rates.*

Ранее описанный нами опыт саморефлексии в англо-русском переводе [Власенко 1996; 2006б; ТППСПК 2006] позволяет рассматривать межъязыковой перевод как процесс распредмечивания актуализированных в тексте смыслов с их последующей интериоризацией и означиванием средствами переводящего языка. Собственно саморефлексия используется нами как инструмент анализа глубины и точности понимания переводимого текста. Межъязыковой перевод отраслевых текстов как процесс осуществляется во многих случаях посредством *дифференцированного торможения внимания переводчика*, под которым понимается одна из основных тактик восприятия и понимания отраслевых текстов, в особенности лакунизированных [Власенко 2009а, б, д].

⁹ Выделены шрифтом.

В заключение отметим, что, во-первых, от успешности *рефлексивной деятельности* переводчика зависит переводческий результат его деятельности. Во-вторых, торможение внимания переводчика на отдельных текстовых последовательностях, которое осуществляется переводчиком выборочно на основе саморефлексии и субъективно принимаемого решения, мы называем дифференцированным, или выборочным, торможением внимания. Такое торможение при восприятии текстовых единиц представляет своего рода экстремальный «всплеск», сигнал сознания переводчика, оповещающий его о наличии выявленного непрозрачного участка или участков текста, границы которого мысленно осознанно фиксируются. После осознанной фиксации границ непрозрачного для смысловозначения и коммуникативно дискомфортного фрагмента или единицы, такой фрагмент/единица «выхватывается» из общего речевого¹⁰ потока текстовых единиц. Именно субъективные ощущения переводчика при осознании подобных текстовых участков как «сцепленных сгустков» информации, кластеров, либо наоборот, фрагментарной «россыпи» информационных деталей, обуславливают явление торможения. Названные непрозрачные для понимания «сгустки» сложны для одномоментного смыслового расщепления и требуют дополнительного усилия в виде концентрации переводчиком внимания. В данном случае речь идет о составном этапе распредмечивания. В-третьих, распредмечивание и интериоризация смысла оригинального текста переводчиком, по нашим наблюдениям, реализуется на практике исключительно посредством осознанной и (или) полусознанной процедуры целенаправленного выборочного торможения внимания при восприятии им текста оригинала. Параметры длительности торможения ситуативны, крайне субъективны и мало непредсказуемы для переводчика, и вовсе не предсказуемы для внешнего наблюдателя.

Л и т е р а т у р а

1. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) : Автореф. ... докт. филол. наук / РАН. Ин-т языкознания. М., 2008.
2. Власенко С.В. Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / РАН. Ин-т языкознания. М., 1996.
3. Власенко С.В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский русский // Contract Law: Professional Translation Practices in the English-Russian Language Pair : Уч. по спец. юрист–переводчик. М., 2006а.

¹⁰ Рассматривается общий механизм восприятия речи – как устной, так и письменной – в межъязыковом переводе отраслевых текстов (подробнее об этом см. [Власенко 1996]).

4. *Власенко С.В.* Перевод лакунизированного текста как процесс принятия переводческих решений в условиях неопределенности // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы 5-й межвуз. науч. конф. МОСУ. М., 2006б. С. 211–214.
5. *Власенко С.В.* Когнитивная стилистика: английские рамочные конструкции как компоненты стилистической схемы представления картины мира англоговорящих // Межкультурная коммуникация. Лексикология. Вестник МГЛУ. Вып. 522. Серия «Лингвистика». – М., 2007. С. 62–71.
6. *Власенко С.В.* Современное переводоведение: необозримые горизонты и актуальные проблемы развития (Очерк к 85-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера) // Вопросы филологии. 2008а. № 3 (30). С. 65–75.
7. *Власенко С.В.* Понимание отраслевых текстов в межязыковом переводе: тактика дифференцированного торможения при восприятии плотно лакунизированных текстовых единиц // Понимание текста: междисциплинарный подход к исследованию и обучению / Журнал Международного института чтения им. А.А. Леонтьева. М., 2008б. № 8. С. 31–33.
8. *Власенко С.В.* Перевод в сфере профессиональной коммуникации: психолингвистические аспекты декодирования лексических лакун (англо-русские переводческие сопоставления) // Вестник Московского ун-та. Серия 22: Теория перевода. 2009а. Вып. 2. С. 3–20.
9. *Власенко С.В.* Перевод в сфере профессиональной коммуникации: восприятие и понимание смысла отраслевых текстов в психолингвистическом ракурсе на примере анализа англо-русских переводческих прецедентов // Вестник Московского ун-та. Серия 22: Теория перевода. 2009б. Вып. 4. С. 16–40.
10. *Власенко С.В.* Англо-русский квазиперевод или тотальный языковой импорт англицизмов в современный русский язык // Мир русского слова. 2009в. № 1. С. 20–29.
11. *Власенко С.В.* Социолингвистические аспекты перевода: англо-русские переводческие сопоставления *социологем* – фразовых номинативных комплексов, обозначающих социально-экономические институты и социально-статусные реалии // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2009г. Вып. 37. С. 41–54. http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_37.pdf
12. *Власенко С.В.* Дискретность текстовосприятия в переводе как результат нарушения непрерывности речемыслительных операций // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы : XVI Межд. симп. по психолингвистике и теории коммуникации Тез. Докл. / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2009д. С. 258–259.
13. *Власенко С.В.* Восприятие и понимание предметного смысла в отраслевом переводе: интроспекция англо-русского переводчика // Понимание в контексте науки, культуры, образования / Журнал Международного института чтения им. А.А. Леонтьева. № 9: Матер. 14-й науч.-практ. конф. по психологии и педагогике чтения. М. 2010. С. 27–28.
14. *Власенко С.В., Сорокин Ю.А.* Текст как плотно лакунизированное пространство // Вопросы психолингвистики. 2007а. № 5. С. 41–45.
15. *Власенко С.В., Сорокин Ю.А.* Текст и области его референции (на примере англо-русских соответствий) // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс–3. Волгоград, 2007б. С. 87–111.
16. *Глазачева Н.Д.* Модель лакунизации как составляющая теории перевода. На примере русского и китайского языков : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2006.
17. *Дейк Т.А. ван, Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // НЗЛ. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка / Перев. с разн. яз. М., 1988. С. 153–211.
18. *Жинкин Н.И.* Язык–речь–творчество // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
19. *Залевская А.А.* Перевод как понимание // А.А. Залевская. Психолингвистические исследования. Слово и текст: Избранные труды. М., 2005. С. 367–369.

20. *Зимняя И.А.* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993. С. 51–58.
21. *Клюканов И.Э.* Психолингвистические проблемы перевода. Калинин, 1989.
22. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М., 2001.
23. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
24. *Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода / Пер. с исп. М., 2008.
25. *Рубинштейн С.А.* Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 348.
26. *Рябцева Н.К.* Стереотипность и творчество в переводе // *Стереотипность и творчество в тексте.* Пермь, 2008. Вып. 12. С. 12–26.
27. *Сорокин Ю.А.* Метод установления лакун как один из способов выявления специфики культур // *Национально-культурная специфика речевого поведения.* М., 1977а. С. 120–136.
28. *Сорокин Ю.А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // *Национально-культурная специфика речевого поведения.* М., 1977б. С. 166–173.
29. *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста // *Ю.А. Сорокин. Психолингвистические аспекты изучения текста.* М., 1985. С. 5–34.
30. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003а.
31. *Сорокин Ю.А.* Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // *Лакуны в языке и речи.* Благовещенск, 2003б. С. 3–11.
32. *Сорокин Ю.А.* Девять статей о поэтическом тексте. М., 2009.
33. *Сорокин Ю.А., Власенко С.В.* Переводческая рефлексия: эмпирический и гипотетический референт в переводе // *Hermeneutics in Russia : Online Journal / Tver State University, Russia.* 1998. Vol. 2. No. 2. <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-2/1998-2-10.pdf>
34. *Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. М., 1987.
35. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
36. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. СПб., 2006 (1968).
37. *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыт о переводе / Пер. с итал. А.Н. Ковалев. СПб., 2006 (2003).
38. *Yokoyama O.T.* *Discourse and Word Order.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publ. Comp., 1986.

С л о в а р н ы е и з д а н и я

39. АРФС: *Англо-русский финансовый словарь.* В 2-х тт. / Сост. В.Я. Факов. М., 2005. Т. I.
40. БАРФЭС: *Большой англо-русский финансово-экономический словарь* / Сост. А.Г. Пивовар. М., 2000.
41. ТППСПК: *Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь* / Сост. Власенко С.В. // С.В. Власенко. *Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский русский.* М., 2006. С. 16–90.

Э л е к т р о н н ы й р е с у р с

42. *ABBYY LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary, Version 5, 2006.*

**Роль воображения в понимании текста:
в продолжение психотипической теории перевода
Ю.А. Сорокина**

© кандидат филологических наук В.Г. Красильникова, 2010

В одной из своих последних книг Ю.А. Сорокин вновь обратился к всегда волновавшим его вопросам перевода [Сорокин 2003]. Анализируя интерпретативные подходы А.Н. Крюкова, Н.Л. Галеевой и И.Э. Ключанова, он напишет: «Укажу на то, что заданная в оригинале программа выявляется или парцеллярно, по мере движения переводчика от одного фрагмента – смыслового узла к другому, или в ходе аналитической работы. Предполагающей реконструкцию топологии авторского пути. Но и в том и в другом случае выявляется лишь вариант программы оригинала-идиоварианта, которому следует переводчик и который свидетельствует о мере его психотипической сходимости с автором. Иными словами, я хочу сказать, что в деятельностной переводческой парадигме основным понятием является понятие психотипического подобия, позволяющим двум отдельностям, автору и переводчику, истолковывать друг друга, опираясь на инвариантные свойства своих речевых и неречевых программ. Таким образом, деятельностная теория перевода – это не что иное, как психотипическая или интерпретативная теория перевода» [Сорокин 2003: 33]. Ю.А. Сорокин в своей книге упоминает и одну из первых попыток выявления психотипического подобия автора и переводчика [Красильникова, Сорокин 1998].

Данная статья продолжает развитие основных мыслей, высказанных в свое время Ю.А. Сорокиным по поводу перевода и переводчиков, обучение которых начинается с того, что они сталкиваются с феноменом понимания текста

В тексте, как известно, воплощается мысль говорящего и пишущего. От понимания текстов во многом зависит характер и успешность общения. Поэтому проблема понимания текста является актуальной как в лингвистике, так и в психологии и методике обучения неродному языку. Изучение понимания при чтении и слушании чрезвычайно сложно, так как сложен сам процесс и к тому же до настоящего времени не разработаны достаточно объективные методики его исследования.

Понимание текста обусловлено системой факторов и условий, из которых более обстоятельно изучены: роль информационной насыщенности, композиционно-логической структуры и характера смысловых категорий текста, особенности языковых средств, выражающих смы-

словые отношения, владение читающим реалиями, знанием текста, овладение умениями чтения и некоторыми психологическими, индивидуально-личностными особенностями читающего. До настоящего времени еще недостаточно изучена зависимость понимания текстов от интеллектуальной структуры личности, особенностей познавательных психических процессов, в частности, от развития воображения, хотя всеми исследователями отмечается определяющее значение воображения в понимании художественной литературы и литературном творчестве. В связи с этим недостаточно выяснены некоторые условия и недостаточно разработаны пути и приемы обучения пониманию текста.

Поэтому нами проведено исследование зависимости некоторых компонентов понимания художественного текста от сформированности воссоздающего воображения. При этом мы исходили из следующего понимания сущности текста и функции воображения в процессе чтения.

Текст является сложным речевым высказыванием, характеризующимся предметным содержанием, логико-смысловой и логико-композиционной структурой, языковой характеристикой и коммуникативными качествами. Художественный текст является предметом читательской деятельности, в процессе которой происходит уяснение логики движущих сил поведения людей в обстоятельствах, обусловленных временем и обществом, личными качествами людей, что, с точки зрения П.Я. Гальперина, должно быть положено в основу анализа и понимания художественных произведений [Гальперин 2003]. Основной единицей анализа художественного произведения признается анализ поступков героя, в котором находит отражение ценностный аспект, взятый в контексте своего времени и эпохи. В художественном произведении представлена сама действительность в очищенной логике своего развития и завершения в живой индивидуально-конкретной форме образов.

Читательские умения должны обеспечить переход от восприятия сюжетно-событийной стороны текста к проникновению во все виды авторской субъективности (авторское отношение, оценка и т. п.) и далее к освоению объективного содержания литературного произведения в контексте своего времени и эпохи.

Основой этих умений является освоение образной речи в ее вербальных возможностях, углубление в диалектику значений. Такой переход возможен при условии правильного понимания значения (сведений о действительности) и смысла текста, который представляет собой личностно-эмоциональные, оценочные дополнения по поводу значений высказывания. Смысл высказывания, в котором выражается ценностная позиция автора, является сложным образованием. Он может быть представлен как логически-рассудочной оценкой автора, так и выражением его эмоционально-экспрессивного отношения. Личностные позиции

автора могут передаваться в самом тексте средствами языка, а могут быть вынесены в подтекст и выражены переакцентировкой главного и второстепенного, стилистическими фигурами умолчания, риторическими вопросами, использованием переносных значений, контрастами изложения и другими средствами. Спецификой подтекста является его многозначность. Умение оперировать с подтекстом, передавать его в своем высказывании и правильно расшифровывать в текстах свидетельствует о высоком уровне читательского умения.

Таким образом, постижение сущности художественного текста, его понимание требует от читателя высокой интеллектуальной активности, овладения сложными читательскими умениями. Понять текст, указывала З.И. Клычникова, это значит познать мысли, чувства автора, присвоить его содержание и сделать для себя соответствующие выводы [Клычникова 1983: 5]. Понимание иноязычного текста при этом выражается в уяснении связей и отношений описываемых явлений объективной действительности, связей и отношений описываемых объектов и явлений, отношения к ним автора и отношения автора и содержания текста к читателю.

Правильное понимание всех отношений, данных в тексте, на основе анализа языковых средств, на первой стадии непосредственного восприятия произведения стадии «восторга», по выражению В.Г. Белинского, вызывает необходимость видения сюжетно-событийной стороны текста и возникновение соответствующего эмоционального переживания по поводу этих событий. На этой стадии необходимо создание образной системы текста, поэтому при непосредственном восприятии текста ведущим является процесс воображения. Следовательно, читатель может осуществить глубокий анализ художественного текста и понять все значения и смысловые отношения лишь на основе образного восприятия, постижения образного строя текста.

Мы предположили, что чем выше умение читателя строить образы воссоздавшего воображения, адекватные тексту, тем полнее и глубже его понимание художественного текста. Конкретные задачи нашего исследования состояли, во-первых, в установлении характера связей воссоздавшего воображения и способности правильно определять причины совершаемых героем поступков и прогнозирование его последующего поведения (на основе частичного восприятия текста); во-вторых, в установлении зависимости понимания подтекста от особенностей воссоздающего воображения; в-третьих, в выявлении возможности более полного и правильного понимания подтекста при установке на создание образов в процессе восприятия текста. Испытуемыми были студента второго и третьего курсов языкового вуза: Московского городского педагогического университета.

Полнота и правильность образов воссоздающего воображения испытуемых выявлялась на основе следующей методики: изобразить описанные в трех текстах ситуации на основе их однократного прослушивания. Например, предлагалось описание обстановки первого действия пьесы А.Н. Островского «Волки и овцы».

В первой серии эксперимента у испытуемых выявлялась полнота и правильность образов воссоздающего воображения и правильность прогнозирования поступков и жизни героев по восприятию части текстов повести Ж. Сименона «Поезд из Венеции» на русском языке.

Результаты эксперимента подтвердили прямую зависимость между уровнем развития воссоздающего воображения и способностью увидеть и понять главное в личности героя и правильно определить характер возможных, значимых для него отношений и поступков.

Во второй серии эксперимента у испытуемых, студентов второго курса, определялась взаимосвязь между особенностями воссоздающего воображения и умением понять характер подтекста. Испытуемые однократно прослушивали небольшие по объему тексты, взятые из рассказа А.П. Чехова «Дом с мезонином» и романа А.М. Горького «Фома Гордеев».

Испытуемые должны были раскрыть содержание подтекста и обосновать свое утверждение. Выполнение задания осуществлялось в несколько затрудненных для испытуемых условиях: предъявлялись небольшие по объему тексты при их однократном восприятии, что типично для реального общения, и требовалось сразу же определить содержания подтекста. Средний показатель правильности понимания подтекста составил – 50-70%, что в 80-100% случаев соответствовало показателям развития воссоздающего воображения, которые были выявлены по той же методике, что и в первом эксперименте.

Во второй части эксперимента испытуемым была дана установка мысленно построить образы описываемых событий при прослушивании указанных выше текстов и также после этого раскрыть и обосновать содержание подтекстов. Во второй части эксперимента понимание подтекста повысилось на 20-30% и составило 70-90%.

Аналогичные приемы (мысленное рисование, составление характеристик героев, прием воображаемой экранизации) были использованы нами в формирующем эксперименте в ходе научно-исследовательского проекта Северного окружного управления народного образования (на базе СОШ № 1213) при обучении чтению младших школьников, в результате чего удалось сформировать способность внутреннего видения конкретных образов, сопереживание с автором и умение дать правильную эстетическую оценку каждому образу. В нашем эксперименте оказалось, что даже эпизодическое построение образов при восприятии

текста взрослыми читателями позволяет достигать достаточно высокого уровня понимания, что облегчает понимание идейного замысла произведения, понимания поступков героев в аспекте их ценностей и в контексте исторического времени.

Систематическая работа по формированию у читателей и слушателей образов, адекватных тексту, в совокупности с другими приемами и методами анализа позволит более успешно обучать пониманию текста.

Л и т е р а т у р а

1. *Гальперин П.Я.* Разумность действий и предмет науки. Психологические исследования. Тбилиси: ТГУ, 2003. – 364 с.
2. *Клычникова З.И.* Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1983. – 184 с.
3. *Красильникова В.Г., Сорокин Ю.А.* Русские художественные версии двух текстов Джима Моррисона // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.5. 1998. – С. 12-18.
4. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: Гнозис, 2003. – 160 с.